

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

**ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ГРУППЫ
И ОБЩЕСТВА КАК АКТОРЫ РОССИЙСКОЙ
ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
(на материалах Урала второй половины XIX
– начала XX в.)**

Екатеринбург
2016

УДК 94(470+470,5)«18/19»

ББК 63.3(0)53

П 84

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №14-18-01625
«Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX вв.): региональное измерение».*

Ответственный редактор
доктор исторических наук *И.В. Побережников*

Рецензенты:
доктор исторических наук *К.И. Шнейдер*
доктор исторических наук *Г.Е. Корнилов*

Авторский коллектив:
к.и.н. *С.Я. Бугаева*, д.и.н. *Л.А. Дашкевич*, д.и.н. *Е.Ю. Казакова-Апкаримова*,
д.и.н. *И.В. Побережников* (руководитель проекта), д.и.н. *Е.Ю. Рукоусев*, к.и.н. *О.С. Уколова*,
д.и.н. *Г.Н. Шапошников*

П 84 **Профессиональные группы и общества как акторы российской позднеимперской модернизации (на материалах Урала второй половины XIX – начала XX в.)** / Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. – 148 с. (сер. «Каменный пояс: взгляд сквозь тысячелетия»).

ISBN 978-5-9907691-6-8

Издание посвящено теоретико-методологическим и конкретно-историческим аспектам профессионализации и профессий в контексте российской модернизации. Определяется место профессионализации, ее направлений в рамках регионального уральского варианта раннеиндустриальной модернизации во второй половине XIX – начале XX в. Существенное внимание уделено проблемам становления профессионального образования разных уровней в регионе; его роли в формировании профессионального систематического знания и профессиональных навыков. Выявлены тенденции и особенности формирования профессиональных групп на Урале: учителей городских учебных заведений, горных инженеров, связистов. Проанализирована роль профессиональных обществ и союзов в повышении профессиональной культуры, в общественной жизни, в формировании корпоративного самосознания в уральском социуме в XIX – начале XX в.

Издание рассчитано на историков, социологов, регионоведов.

© Институт истории и археологии УрО РАН, 2016.
© Индивидуальные авторы, 2016.
© Т.Е.Богина, художественное оформление, 2016.
© Банк культурной информации, оформление, серия 2016.

ISBN 978-5-9907691-6-8

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Профессионализация в контексте модернизации	
1.1. Теоретико-методологические аспекты	7
1.2. Профессионализация на Урале во второй половине XIX – начале XX в.	15
Глава 2. Профессиональное образование	
2.1. Становление профессионального обучения на Урале в дореформенный период	19
2.2. Проблемы организации «промышленного образования» в России в пореформенное время ...	29
2.3. Формирование системы профессиональных учебных заведений на Урале в пореформенный период	35
2.4. Движение за развитие высшего технического образования на Урале	51
Глава 3. Формирование профессий	
3.1. Учительство городских учебных заведений	62
3.2. Горные инженеры	90
3.3. Связисты	109
3.4. Профессиональные общества и союзы	126
Заключение	144

ПРЕДИСЛОВИЕ*

Важным направлением макроисторических исследований является изучение социальных перемен в рамках модернизационной парадигмы. При этом модернизация трактуется исследователями как движение от традиционного к современному обществу, как протяженный, охватывающий несколько столетий всеобъемлющий исторический процесс инновационных мероприятий, обусловленный действием как эндогенных (в первую очередь), так и экзогенных факторов, который, в свою очередь, может быть представлен как совокупность подпроцессов: индустриализации, урбанизации, демографической революции, рационализации системы управления, профессионализации, рационализации, социальной и политической мобилизации, демократизации, становления современных ценностно-мотивационных механизмов, образовательной и коммуникативной революций¹.

Процессы модернизации могут изучаться при помощи разных теоретико-методологических подходов. Согласно первому подходу (его можно определить как эволюционистский), получившему широкое распространение в классических трудах представителей модернизационной парадигмы, акцент делается на эволюционный и прогрессивный характер модернизации, что предполагает всеобщее стадияльное движение от примитивных к более сложным, совершенным формам социального бытия в соответствии с универсальными закономерностям преимущественно эндогенного характера². В рамках подобного подхода основное внимание уделяется подпроцессам модернизации, которые, так получается, протекают как бы автоматически, согласно универсальным закономерностям.

Сторонники второго подхода принципиально стоят на позициях исторического плюрализма, несводимости пространственного многообразия к какому-либо магистральному направлению, настаивая на многовекторности и своеобразии модернизаций, протекавших в различных культурно-цивилизационных контекстах и опиравшихся, соответственно, на различные социокультурные традиции (данный подход можно определить как плюралистический)³. В рамках второго подхода внимание фокусируется на национально-страновое своеобразие модернизационных трансформаций, на местные механизмы, стимуляторы модернизации.

Третий теоретический подход фокусирует исследование на субстрановой (региональный) уровень, что обусловлено значимостью пространственных измерений модернизации, территориальной неоднородностью модернизационных процессов, вариативностью «поведения» территориальных единиц в контексте модернизации. Данный подход можно квалифицировать как

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01625).

¹ См.: Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006.

² См.: Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960; Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. New York, London, 1965; Levy M.J. Modernization and the Structure of Societies. Princeton, 1966; Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975.

³ Daedalus. Journal of the American Academy of Arts and Sciences. 1998. Vol. 127. № 3: Early Modernities; Daedalus. 2000. Vol. 129. № 1: Multiple Modernities; Eisenstadt S.N. European Civilization in a Comparative Perspective. Oslo: Norwegian University Press, 1987; Reflections on Multiple Modernities. European, Chinese and Other Interpretations / Ed. by Dominic Sachsenmaier and Jens Riedel with Shmuel N. Eisenstadt. Boston: Brill, 2002; Эйзенштадт Ш., Шлюхтер В. Пути к различным вариантам ранней современности: сравнительный обзор // Прогнозис. 2007. № 2 (10). С. 212–226; Множественные современности в эру глобализации: взгляд из России: Материалы симпозиума (Москва, 31 марта 1999 г.) / Под ред. В.П. Култыгина, Ю.Г. Волкова. М.: ИСПИ РАН, 1999.

регионалистский или регион-ориентированный⁴. Действительно, модернизационные процессы разворачивались в пространственно определенных условиях, которые определяли возможности и ограничения для модернизации, навязывали ей определенный пространственный формат. Важно поэтому изучать пространственное распространение волн модернизации, региональные особенности разворачивающихся модернизационных субпроцессов, складывание своеобразных региональных структур модернизации, включающих инновационные центры и периферии развития, наконец, региональные взаимодействия в контексте модернизации, сопровождающиеся как модернизационными импульсами со стороны более продвинутых регионов, так и периферийными реакциями, способными адаптировать или гасить подобные импульсы.

Четвертый теоретический подход связан с изучением движущих сил, социальных и институциональных субъектов модернизации (его можно определить как акторный)⁵. Оправданность и перспективность подобного подхода в рамках модернизационной парадигмы обусловлена тем, что в периоды широких исторических трансформаций человеческая возможность выбора заметно актуализируется. Именно в такие эпохи человек действительно превращается в актора и творца истории; контуры будущего общества, траектории развития в подобные периоды оказываются в существенной зависимости от воли и выбора самого человека. Исторический процесс конструируется действиями людей, постоянно вступающих во взаимодействия.

Рассмотрение процессов модернизации через призму интересов и установок социальных акторов предоставляет возможность по новому взглянуть на прошлое и дает знание, которое не выводится из изучения модернизации в иных перспективах. Действительно, в процессе модернизации структуры – экономические, социальные и т.д. – не ждут замены; они формируются, «становятся» и поэтому выглядят аморфными, постоянно меняющимися до такой степени, что их основы очень трудно проследить. Именно люди создают новые структуры, подвергают общество реструктуризации; социальный порядок формируется как коллективный результат индивидуальных выборов и действий – реструктуризация общества в подобной ситуации может рассматриваться как взаимодействие старых коллективных достижений и новых выборов и действий, осуществляемых индивидуальными членами общества.

По мере нарастания процессов индустриализации все более важную роль «двигателей» модернизации приобретают профессиональные группы и профессиональные общества. В последнее время растет интерес к исследованиям, сфокусированным на профессиональную структуру общества и ее изменения, на профессиональную мобильность, историю различных видов занятий населения. Данное междисциплинарное (находящееся на стыке истории, демографии, социологии, географии) направление исследований получило наименование исторического профессиеведения⁶.

В условиях современной глобализации, интенсификации общественного разделения труда в мировом, страновом, региональном, отраслевом масштабах, стремительного ускорения темпов обновления технологий в материальном производстве, обуславливающих повышенные требования к профессиональной мобильности и адаптационным способностям человека, возрастания роли профессионализма личности как важнейшего критерия социальной стратификации, фактора социальной мобильности и социокультурной динамики проблемы отношений по поводу профессиональной деятельности, освоения той или иной профессии, обмена продуктами профессиональной деятельности и социокультурного взаимодействия между различными профессиональными сферами приобретают значение исключительной важности. Профессионализация не ограничивается сферой занятости, но оказывает разностороннее и многоуровневое воздействие на социокультурную динамику, образ жизни человека, его ценности и интересы, жизненные

⁴ См.: Побережников И.В. Модернизация: факторы и проявления пространственно-региональной вариации // Роль и значение региональной истории в современной российской и польской историографии / Материалы российско-польского научного семинара, г. Екатеринбург, 20 октября 2008 г. Екатеринбург, 2010. С. 82–101.

⁵ Побережников И.В. Акторы российской имперской модернизации: проблемы и перспективы исследования // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 16–26; Аксенова О.В. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. М.: Институт социологии РАН, 2016.

⁶ Владимиров В.Н. Историческое профессиеведение: предмет и проблематика // Вестник Пермского университета. Серия История. 2009. Вып. 3 (10). С. 96. Также см.: Историческое профессиеведение: профессия, карьера, социальная мобильность: сборник статей / под ред. В.Н. Владимирова, М.Х.Д. ван Леувена. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012.

ориентации и модели поведения, социальный идентитет⁷. Профессионализация общества как усложнение профессиональной социальной структуры и интенсификация профессиональных и транспрофессиональных взаимодействий предполагает приоритетность анализа совершенствования профессиональных отношений, факторов выбора профессии и «логик» «жизни в профессии», развития профессиональных качеств личности, углубленного изучения опыта профессионализации как в настоящем, так и в прошлом.

Исторический подход к тематике профессионализации особенно значим в условиях России, которая относительно недавно в процессе перехода от плановой общественной системы к рыночной пережила своего рода «профессиональную революцию», буквально изменившую «профессиональный» облик страны, усложнившую профессиональную структуру общества и содержание профессионального труда, радикально расширившую и изменившую спектр социально-профессиональных групп, усилившую требования к качеству профессиональной деятельности. Привнесение логики рынка в российскую действительность привело к рассогласованию между уровнем профессионального потенциала многих занятий и характеристиками, предъявляемыми к этому потенциалу на рынке труда, к незаслуженному понижению социальных статусов многих профессиональных групп, к деформации ценностных ориентаций в сфере труда вследствие коммерциализации трудовых и профессиональных отношений, их прагматизации, переосмысления моральной парадигмы трудовой деятельности, утверждения меркантильно-потребительской трактовки труда; в то же время рынок открыл новые возможности для осуществления групповой социальной мобильности, переопределения собственного профессионального статуса, конструирования новых позиций на рынке труда. В связи с этим актуализируется тема исторического опыта формирования социального статуса различных профессиональных групп, а также выработки технологий увеличения имеющихся в их распоряжении ресурсов и способов их преобразования в реальные рыночные возможности. С другой стороны, изучение профессионализации способствует углублению представлений о закономерностях и особенностях перехода от традиционного к современному обществу в условиях имперской России.

Между тем, несмотря на массовое употребление терминов «профессионализм» и «профессионал», проблемы профессионализации и профессионализма остаются недостаточно изученными в современной философской, социологической, педагогической, психологической литературе, что признают специалисты в соответствующих дисциплинах. Ситуация с историческим исследованием профессионализации обстоит еще хуже. В лучшем случае анализировались фрагментарно лишь некоторые сферы профессиональной деятельности, становления и развития профессий применительно к конкретным регионам и интервалам времени.

Хронологические рамки исследования охватывают период второй половины XIX – начала XX в. Вторая половина XIX – начала XX в. характеризуется исследователями как особый период, когда в условиях позднеимперской модернизации формируется новая профессиональная структура, новая система профессионализации. Региональные особенности Уральского края обусловлены следующими причинами: социально-экономическими и институциональными факторами (ролью горнозаводского производства и длительным сохранением особой – окружной – системы его организации), а также единством природно-климатических условий и социокультурных традиций. Урал, как регион, достаточно рано испытывавший воздействие модернизации (XVIII в.), ярко воплощает общие типологические черты и национально-историческую специфику перехода от традиционного общества к индустриальному.

Разделы монографии написаны:

Предисловие – И.В. Побережниковым.

Глава 1 – И.В. Побережниковым.

Глава 2: разделы 2.1 и 2.2 – Л.А. Дашкевич; разделы 2.3 и 2.4 – Л.А. Дашкевич, Е.Ю. Рукосуевым.

Глава 3: раздел 3.1 – О.С. Уколовой; раздел 3.2 – С.Я. Бугаевой; раздел 3.3 – Г.Н. Шапошниковым; раздел 3.4 – Е.Ю. Казаковой-Апкаримовой.

Заключение – И.В. Побережниковым.

⁷ См.: Арутюнов В.Е. Профессионализация как фактор социокультурной динамики. Автореф. дисс. канд. социолог. наук. М., 2002.

ГЛАВА 1.

ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ*

1.1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Понятие «профессионализация» употребляется в аналитической литературе по проблемам профессиональной деятельности довольно часто, но при этом в разных значениях, которые к тому же не всегда четко определяются, а порой вытекают лишь из контекста. Московский философ В.А. Цвык на основе систематизации соответствующей литературы идентифицировал следующие трактовки концепта профессионализации⁸: 1. «Педагогические» определения: профессиональное обучение, чаще всего как специальная профессиональная подготовка индивида к своей будущей профессиональной деятельности, т.е. профессиональное образование. 2. «Социологические» определения (деятельностные): профессиональная реализация, как принадлежность к определенному профессиональному сообществу, как форма самореализации человека в ходе его профессиональной деятельности. 3. «Социологические» определения (стратификационные): обретение через профессию социального статуса и претензий на вознаграждение и привилегии. 4. «Социально-экономические» определения: развитие и реализация человеческих трудовых ресурсов в процессе трудовой деятельности; включение (или исключение) индивида в социально-экономическую практику через сферу занятости.

Обобщая указанные определения, В.А. Цвык делает вывод о том, что «профессионализация представляет собой процесс овладения необходимыми профессиональными знаниями, умениями и навыками, адаптацию к профессиональной среде»⁹. Профессионализм же исследователь интерпретирует как результат процесса профессионализации, критерий его успешного осуществления, качественную характеристику специалиста. Профессионализм, по мнению В.А. Цвыка, выступает как некая социальная перспектива, в той или иной мере доступная каждому специалисту, т.е. профессионализация есть становление и развитие профессионализма. «Профессионализация личности в широком плане», считает исследователь, предполагает два взаимосвязанных процесса: 1) становление профессионального самосознания, развитие внутренних личностных структур индивида (это психологический аспект профессионализации, который отражается в понятии «профессиональное развитие»); 2) «формирование профессиональных знаний, умений, навыков, усвоение социально-профессиональных норм, становление личности как субъекта профессиональной деятельности (социальный аспект, который фиксируется понятием «профессиональная социализация»)»¹⁰.

Представляется справедливым утверждение В.А. Цвыка о социальном характере профессионализации, который обусловлен социальным смыслом профессиональной деятельности, возникшей в ходе общественного разделения труда и носящей институциональный характер, даже несмотря на признаваемую одновременно автором важность психологической составляющей

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01625).

⁸ Цвык В.А. Профессионализация как социальный процесс // Вестник РУДН. Серия Социология. 2003. № 4–5. С. 258–259; Также см.: Он же. Профессионализм: опыт социально-философского анализа. М.: Изд-во РУДН, 2004; Он же. Профессионализация общества и труда: исторический и теоретический аспекты // Вестник РУДН. Серия Социология. 2006. № 1 (9). С. 94–109.

⁹ Цвык В.А. Профессионализация как социальный процесс. С. 259.

¹⁰ Там же.

становления человека-профессионала. Но, развивая этот важный тезис, следует указать на узость рассмотрения профессионализации сквозь «личностный фильтр» (сведение ее к формированию профессионального самосознания и профессиональных «знаний, умений, навыков») для параметров исторического исследования. Ведь в действительности профессионализация – это поистине многомерный и разноуровневый процесс (даже – процессы), имеющий как личностные, так и социальные измерения; протекающий в определенном историческом контексте (что само по себе сразу же предполагает множество уровней – эколого-экономические, демографические, социокультурные, институционально-политические и т.д.), в то же время осуществляемый через мотивированную деятельность индивидов, обладающих определенной свободой воли.

Учитывая сказанное, можно определить профессионализацию как динамический процесс, в ходе которого различного рода занятия обретают систематические знания, лежащие в основании профессии; авторитет, который признается клиентурой профессиональной группы; моральный кодекс, регулирующий отношения профессионалов с клиентами и с коллегами; профессиональную субкультуру, которая поддерживается формальными профессиональными ассоциациями. Профессионализация тесно связана с модернизацией и индустриализацией, представляя один из модернизационных подпроцессов. Действительно, модернизация сопровождается социальной мобилизацией, в ходе которой кластеры старых социальных, экономических и психологических обязательств подвергаются эрозии и разрушению, и появляются новые модели социализации и поведения; происходят социоструктурные сдвиги, включающие «высокую дифференциацию и специализацию применительно к деятельности индивида и институциональным структурам»; «разделение ролей, выполняемых индивидами, особенно профессиональных и политических ролей, а также ролей в области семейных и родственных отношений»; рекрутирование на различные роли посредством механизмов достижения, а не аскрипции¹¹. С появлением по мере становления «модерного» общества фабрик и технологий массового производства происходит окончательное отделение трудовой активности от других видов социальной деятельности. Далее, распространение фабрично-заводского производства способствует рационализации труда и таковой дифференциации занятий, которой никогда ранее не было.

Тесную связь профессиональной структуры с «существом» «модерного» общества доказывал выдающийся социолог XX в. Т. Парсонс¹². По мнению последнего, уже сам факт достижения профессиями уникально высокого уровня развития в обществе XX века, которое характеризуется деловой экономикой, требует пристального внимания социологов к проблематике профессий. При этом профессии представляют собой яркий пример контраста целей и мотивов деятельности между различными социальными группами даже в обществах, которые находились в условиях действия однородных экономических законов. Явная дифференциация бизнеса и корпуса профессионалов символизирует, по мнению Парсонса, завершение эпохи «стяжательского капитализма». Парсонс симпатизировал им же сконструированному идеальному типу профессионала, озабоченного альтруистическим выполнением своих обязанностей перед обществом. Американский социолог надеялся, что «революционные изменения в системе подготовки научных работников до уровня высокого профессионализма оказывают глубокое и все возрастающее воздействие на общественную структуру занятости в направлении общего повышения адаптационной способности общества». Парсонс разработал понятие профессиональный комплекс, под которым он понимал совокупность занятий, концентрирующихся вокруг интеллектуальных дисциплин как элемента современной культурной системы (наиболее тесно, по его мнению, общество и интеллектуальные дисциплины взаимодействуют в университетах и исследовательских институтах). В своих публикациях Т. Парсонс представлял профессиональный тип как отстраненный от «личного интереса с ложной дихотомией конкретных эгоистических и альтруистических мотивов» и базирующийся на трех главных элементах: рациональности, разделении функций и универсализме. Исследователь парсонсианской концепции профессионального комплекса Р.Н. Абрамов следующим образом резюмирует значение профессий для социальной структуры в

¹¹ Подробнее см.: Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. С. 53–67.

¹² См.: Абрамов Р.Н. Профессиональный комплекс в социальной структуре общества (по работам Т. Парсонса) // СОЦИС. 2005. № 1. С. 54–67.

интерпретации Парсонса: «профессиональный тип – это институциональная рамка труда, в которую внесены многие важные социальные функции, особенно занятие наукой, профессиональной подготовкой и практическим применением в медицине, технологии, праве и преподавании. Профессиональный тип зависит от поддержки институциональной структуры, которая создает комплексный баланс разных социальных сил. Сравнение профессиональной структуры и бизнес-структур в своих отношениях к проблеме личной – очень многообещающее направление исследований отношения индивидуальной мотивации и институциональной структуры с определенными отсылками к проблеме эгоизма и альтруизма»¹³.

В качестве рамочного подхода для исследования профессионализации можно использовать авторскую версию регион-ориентированной модернизационной модели. Кратко ее сущность можно свести к следующим тезисам: а) отказ от односторонней линейной трактовки модернизации; б) признание вариативного, неоднозначного характера взаимодействия традиции и модернизации; в) признание диффузии в качестве значимого фактора модернизации, предпосылки ускорения социального прогресса; г) отказ от трактовки модернизации как единого процесса системной трансформации; признание возможности различного поведения сегментов конкретного общества в условиях модернизации, в том числе в рамках территориальных (региональных и субрегиональных) общностей; д) ограничение комплексности как измерения процесса модернизации исторически конкретными рамками; признание длительной возможности некомплексного развертывания модернизационного процесса как в социетальном, так и в пространственном плане; е) признание значимости природно-географических условий для характера и динамики модернизации; ж) признание возможности вариативного поведения территориальных единиц в процессе модернизации; установление взаимосвязей между общестрановой динамикой модернизации и динамикой эволюции региональной структуры; з) признание регионализации (пространственной специализации региона на определенных видах социальной деятельности) в качестве существенного аспекта модернизации¹⁴. Данная модель, в отличие от подходов, применявшихся в рамках классических модернизационных исследований, отличается большей гибкостью и эластичностью по отношению к изучаемой реальности, временным и пространственным ее измерениям; она более продуктивна при изучении субстрановой (региональной, субрегиональной) динамики модернизации, поскольку не требует рассматривать общество как однородное единое целое (монолит), функционирующее по одним и тем же механизмам в любой точке своего пространства и временной протяженности. Напротив, она позволяет рассматривать общество как реальное, живое, неоднородное, вариативно (в том числе и в пространственном плане) реагирующее на вызовы современности.

Органично интегрировать профессионализацию в контекст модернизации позволяет модель структурно-функциональной дифференциации, созданная для описания процесса перехода от традиционного к индустриальному, современному обществу. В основе данной модели лежала идея разделения труда Э. Дюркгейма, которой был придан всеобъемлющий социетальный характер в работах Т. Парсонса 1950–1960-х гг. Согласно Т. Парсонсу, развитие общества может быть измерено в понятиях «общей адаптивности» человечества к условиям внешней среды. Он доказывал, что достижение большей адаптивности возможно путем увеличения функциональной дифференциации социальной системы или организации¹⁵.

Окончательное оформление концептуальная схема структурно-функциональной дифференциации в контексте модернизации получила в трудах Нейла Смелзера¹⁶. Н. Смелзер определяет

¹³ Там же. С. 56.

¹⁴ См.: Он же. Пространственные аспекты развития: теоретико-методологические проблемы // Историческое пространство России: инерция и трансформация: Материалы Всероссийской научной конференции (12 мая 2003 г.). Челябинск: Издательство ЮУрГУ, 2003. С. 20–27; Он же. Регионально-ориентированная модель модернизации // Россия в XVII – начале XX в.: региональные аспекты модернизации / отв. ред. И.В. Побережников. Екатеринбург: УрО РАН, 2006. С. 72–75.

¹⁵ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991; Parsons T. A Functional Theory of Change // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.) Social Change: Sources, Patterns, and Consequences. New York: Basic Books, 1973. P. 78–86; Idem. Societies – Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs, New Jersey, Prentice-Hall, 1966.

¹⁶ См.: Smelser N. Toward a Theory of Modernization // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.) Social Change. P. 268–284; Idem. The Modernization of Social Relations // Modernization. The Dynamics of Growth. N.Y.; L., 1966. P. 110–121. Более современная попытка всеобъемлющего анализа функциональной дифференциации, ее сопоставления с прочими вариантами системной дифференциации была предпринята Никласом Луманом. См.: Луман Н. Дифференциация. М., 2006.

структурную дифференциацию как процесс, посредством которого «одна социальная роль или организация... дифференцируется в две или более роли или организации, которые функционируют более эффективно в новых исторических условиях»; «новые социальные единицы структурно различны, но в совокупности являются функциональным эквивалентом первоначальной социальной единицы»; т.е., согласно Н. Смелзеру, это переход от многофункциональной ролевой структуры к набору более специализированных структур¹⁷. Смелзер предлагал рассматривать структурную дифференциацию широко, не ограничивая ее лишь технологической специализацией. По мнению ученого, структурная дифференциация тесно связана с социальным процессом модернизации в целом; данная связь обнаруживает себя в том, что для каждой социальной функции можно подобрать определенный набор структуральных условий, при наличии которых достигается оптимум в ее обслуживании.

Таким образом, модель структурной дифференциации позволяет представить модернизацию как процесс приобретения структурной независимости социальными функциями. Традиционные социальные единицы, по мнению Н. Смелзера, выполняли множество разнообразных функций. По мере же модернизации возникают специальные социальные единицы для сепаратного осуществления социальных функций.

Использование модели структурной дифференциации позволяет продемонстрировать, как в процессе модернизации происходит трансформация традиционных социальных структур – семьи и общины. Так, согласно Н. Смелзеру, традиционная семья, имевшая усложненную структуру (большая и многопоколенная, включавшая родственников, живущих под одной крышей), выполняла множество функций, была многофункциональной. Она отвечала не только за репродукцию и эмоциональную поддержку, но и за производство (домохозяйство), образование (неформальная родительская социализация), социальное благополучие (забота о старших), отправление религиозных потребностей. В процессе модернизации семья подвергается структурной дифференциации. Существенно упрощается ее структура: происходит переход от расширенной семьи к небольшой по размерам, нуклеарной; ослабевает влияние и контроль со стороны стариков и родственников. Модернизированная семья освобождается от выполнения множества социальных функций, которые прежде реализовывались в рамках традиционной семьи, и, таким образом, сама становится более специализированной социальной единицей.

Один из наиболее важных субпроцессов модернизации связан с отделением экономической деятельности от семейных, родственных связей и зависимостей. В процессе модернизации происходит отделение производственных функций от семьи (домохозяйства) и общины и ее последующее делегирование предприятиям и учреждениям; члены семьи покидают домохозяйство (а нередко и свою деревенскую общину) в поисках трудоустройства на рынке рабочей силе; семья, таким образом, постепенно перестает быть производственной единицей. Процессы дифференциации одновременно охватывают и сферу обмена. Обмен товарами и услугами все в большей степени опосредуется рынком; рыночные (денежные) механизмы экономического развития вытесняют прежние традиционалистские (религиозные, политические, семейные, кастовые регулятивы), что способствует относительной автономизации экономической системы. Функция формального обучения переходит к школе; роль ученичества в рамках семьи понижается. Правительство берет на себя функции социальной защиты стариков, инвалидов, нетрудоспособных и т.д. Семья, освободившаяся от множества прежних функций, концентрируется на обеспечении эмоциональной поддержки и социализации.

Каждое из социальных учреждений (институтов), взявших на себя выполнение какой-либо из функций, прежде реализуемых в рамках традиционной семьи (или общины), создает собственную властную структуру, собственный комплекс поведенческих норм, системы поощрений и наказаний. Каждый институт специализируется на выполнении одной функции, и в совокупности они выполняют эти функции более качественно, чем это делала прежде семейная структура. Соответственно, считал Н. Смелзер, модернизированное общество характеризуется более высокой производительностью труда, более качественной системой обучения и более совершенной систе-

¹⁷ См.: Smelser N. *Toward a Theory of Modernization ...* P. 271; Idem. *Social Change in the Industrial Revolution*. Chicago, 1959. P. 2.

мой социального обеспечения по сравнению с традиционным обществом. Таким образом, структурная дифференциация, согласно схеме Н. Смелзера, подрывает традиционные социоинтегративные механизмы.

Логичным продолжением процессов структурно-функциональной дифференциации можно считать и автономизацию профессий, которая сопровождается межпрофессиональной демаркацией соответствующих сегментов рынка, аккумуляцией профессиональных знаний в рамках профессии, формированием особой профессиональной субкультуры, базирующейся на развитой духовной потребности в труде, профессиональной деятельности, на мотивации высшего порядка, на идеологии служения широкой общественности, и особых механизмов профессионального контроля.

Британские социологи М. Сакс и Дж. Олсоп (Де-Монтфортский университет) выделяют несколько теоретических подходов, сложившихся в изучении профессионализации и профессий¹⁸: Согласно таксономическому подходу «теории черт», внимание исследование фокусировалось на поиске разнообразных теоретических невзаимосвязанных характеристик (обычно при этом предполагался «альтруизм», продолжительность обучения, наличие этического кода), которые выделяли профессию в уникальную группу. Социологи-функционалисты, как и сторонники «теории черт», выделяли профессии на основе той позитивной и значимой роли, которую они играли в общественной жизни (например, наличие специализированного знания и ориентации на коллектив), обладая функциональной значимостью для индивидуальных клиентов и широкой общественности. Сторонники интеракционистской парадигмы предложили рассматривать понятие «профессия» в качестве обычного социального ярлыка, возникшего в сфере разделения труда. Но сконцентрировавшись на микро-уровне интеракционисты игнорировали рассмотрение структурной и исторической подоплеки, которая могла бы помочь в объяснении появления привилегий профессий с точки зрения дохода, статуса и власти.

Сторонники неомарксистского подхода в англо-американской социологии 1960–1970-х гг. обратили внимание на пролетаризацию ряда профессиональных групп, обслуживание капитала профессионалами. При этом общей чертой данного направления было рассмотрение профессиональных групп в рамках производственных отношений, признание тесной взаимосвязи интересов профессионалов с интересами господствующего капиталистического класса (например, признание получения профессионалами высокого вознаграждения за осуществление контроля и надзора за обывателями по «заказу» буржуазии; осуществление работниками здравоохранения и социального обеспечения контроля «над сознанием» клиентов с целью поддержания капиталистического социального порядка). Однако, сегодня подобный взгляд уже не вызывает доверия, в частности, потому, что по меньшей мере «элитные» профессиональные группы обладают высокой автономией и не могут рассматриваться как послушные агенты на службе у «капитализма».

Альтернативный критический подход к рассмотрению профессиональных групп предложил М. Фуко, поставив под сомнение рациональность научного прогресса, достигнутого профессиями, особенно в сфере здравоохранения и социального обеспечения¹⁹. Последователи данного подхода развили мысль Фуко о взаимосвязанности государства и профессиональных групп, об интеграции профессий в саму ткань современного государства, поскольку профессиональная экспертиза стала институционализированной и имманентно присущей самому процессу управления.

Однако, М. Сакс и Дж. Олсоп отдают предпочтение неовеберинскому подходу, который, по их мнению, «с методологической точки зрения обладает наибольшими аналитическими преимуществами для макросоциологического изучения профессиональных групп». Согласно данному подходу, профессии определяются как группы, занимающие монопольные позиции на рынке тех или иных услуг. В основе определения лежит концепция «профессионализма», подразумевающего контроль над организацией работы и над потребностями клиентов. В рамках данного направления внимание исследователей зачастую фокусировалось на взаимодействие государства

¹⁸ Вообще в англо-американской социологии понятие «профессия» (profession) применяется только к ограниченному кругу высокостатусных видов деятельности умственного труда (например, врачей, юристов, преподавателей вузов), в то время как массовые профессии называются «родами деятельности» (occupations). См.: Сакс М., Олсоп Дж. Социология профессий: государство, медицина и рынок в Великобритании // <http://ecsocman.hse.ru/text/18171705/>

¹⁹ См.: Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997; Он же. Рождение клиники. М., 1998; Он же. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.

и рынка с профессиональными группами, на столкновение общественного интереса и интереса профессиональных групп²⁰.

Признавая огромную значимость «человеческого» фактора в истории, не следует, однако, его абсолютизировать; необходимо помнить, что результирующая реальной истории обыкновенно заметно отличается от того, что планировали участвовавшие в ней субъекты (согласно афоризму, который приписывается Джону Леннону, «жизнь – это то, что происходит с тобой, пока ты оживлённо строишь другие планы» (“Life is what happens to you while you’re busy making other plans”)). Адекватно оценить «антропогенный потенциал» истории позволяет современная структурационная теория, которая ориентирует исследователей на анализ взаимодействий между унаследованными социальными структурами (экономическими, социальными, политическими, институциональными, культурными, ментальными и т. д.) и действиями исторических субъектов, наделенных волей и свободой выбора, между структурной детерминантностью и человеческими возможностями выходить за рамки установленных прошлым ограничений²¹. Сторонники структурационного подхода, таким образом, стремятся оценить вклад в конструирование исторического процесса как структур, так и социальных действий, гармонизировать взаимодействие этих фундаментальных социальных факторов, замкнув их в своего рода логическом цикле структуриации.

При этом не стоит и отказываться от возможностей, предоставляемых стратификационными и функционалистскими подходами. Так, опора на функционалистский подход позволяет сформулировать основные интегративные характеристики, которые образуют «идеальный тип» профессии: А) Профессиональные специальные знания и опыт (практическая деятельность профессионалов основана на абстрактном, теоретическом знании, которое приобретается в результате длительного обучения и подтверждается документально; в результате профессиональное мнение остается неясным обывателю, но обладает для него авторитетом). Б) Профессиональная этика. (деятельность профессионалов должна быть направлена на социально значимые цели, акцент делается на служение обществу; альтруизм может быть не свойственен индивидуальному профессионалу, но для группы является необходимым внутренне присущим качеством; разработанный этический код закрепляет доверие обывателей к профессиональной группе). В) Профессиональная автономия в принятии решений, которые имеют непосредственное отношение к практике, содержанию образования, входу в профессию и исключению из нее (функционалисты рассматривали эту характеристику как «иммунитет», производный от профессиональных знаний и этики. Позднее социологи стали справедливо утверждать, что профессиональная автономия должна быть оправдана посредством внутреннего саморегулирования профессии (контроль коллег и профессиональной ассоциации) и внешнего – со стороны потребителей услуг и государства)²².

Данные характеристики дают возможность определить набор критериев для фиксации степени продвижения «по пути» профессионализации отдельных занятий. Опираясь на неовеберианский подход и «деятельностно-активистскую» социологию, можно выделить несколько определяющих аспектов процесса профессионализации, которые могут выступать в качестве теоретических стадий процесса профессионализации: 1. Выделение собственной уникальной области знания и трансформация ее в социальный престиж; 2. Формирование идеологии профессиональной группы, ее публичного образа, в котором акцент делается на профессиональную этику, альтруистическое служение обществу; 3. Создание профессиональных организаций, ассоциаций; 4. Практика социального закрытия²³. При этом необходимо иметь в виду, что это действительно теоретические стадии, которые могут произойти, а могут и не иметь места в процессе реальной коллективной восходящей мобильности; кроме того, они могут осуществляться в различной последовательности. Тем не менее, данная схема позволяет операционализировать «профессионализацию» как стратегию, выбранную профессиональной группой для осуществления

²⁰ См.: Сакс М., Олсон Дж. Социология профессий ...

²¹ См.: New Perspectives on Historical Writing. Ed. by P. Burke. Cambridge, 1993. P. 233–248; Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. М., 2003.

²² См.: Мансуров В.А., Юрченко О.В. Социология профессий. История, методология и практика исследований // СОЦИС. 2009. № 8. С. 39.

²³ Там же. С. 42–43.

контроля над условиями труда посредством исключаящего социального закрытия, и выявлять исторические этапы профессионализации.

Позволим себе в конце некоторые рассуждения о месте профессионализации в контексте российской позднеимперской модернизации второй половины XIX – начала XX в. Индустриализация, растущая специализация труда предъявили новые, более высокие образовательные и профессиональные требования к работнику, в частности стимулировали повышение уровня просвещения, распространение в обществе знаний. Известный американский историк Л. Хаймсон называет в качестве второго, после начавшегося в 1910–1911 гг. промышленного подъема, бесспорного признака модернизации российского общества – «резкое повышение уровня грамотности молодого поколения “низов” города и деревни (включая женщин), отчасти благодаря активности органов самоуправления»²⁴. Действительно, специалисты констатируют общий рост грамотности и культурности, образовательного уровня населения, расширение сети учебных заведений, положительные количественные и качественные изменения в организации школьного обучения в России на протяжении пореформенного периода, но при этом указывают на замедленные темпы указанных процессов, объясняя их сохранением в регионе многочисленных докапиталистических пережитков.

Изменилось отношение государства к учителям; большее внимание стало уделяться подбору педагогических кадров (прежде чем преподавать, нужно было получить специальное разрешение от губернских властей). Постепенно увеличивалось число учителей, получивших законченное образование в училищах и гимназиях; появились учительские организации, деятельность которых заключалась в оказании материальной помощи школам и в организации культурно-просветительской работы. В развитии образования выделяются следующие тенденции: увеличение численности грамотного населения; развитие женского образования; появление возможности бесплатного бессловного обучения; повышение внимания к работе учебных заведений со стороны местных органов управления, общественных организаций и частных лиц; усиление контроля государства за подбором педагогических кадров; постепенное складывание самодостаточной сети общего и профессионального образования. В общем к концу XIX – началу XX века в провинции складывалась устойчивая система образования, состоящая из начального, среднего и высшего общего и профессионального звеньев. Наиболее распространенными учебными заведениями, которые могли дать общее начальное образование представителям всех сословий и обоих полов, являлись земские и церковно-приходские школы; городские и сельские жители продолжали общеобразовательную подготовку в реальных училищах и гимназиях, а профессиональную подготовку в низших и средних профессиональных училищах.

Позитивные сдвиги происходили и в сфере профессионального образования²⁵. В пореформенную эпоху страна вступила с далеко не развитым багажом профессионального образования; к концу крепостной эпохи имелось лишь около 4,5 тысячи специалистов технических и сельскохозяйственных профессий²⁶. Хотя профессиональное образование в России и развивалось очень медленно,

Новая эпоха ускоренного становления «модерного» общества во второй половине XIX века потребовала подготовленных и грамотных знающих специалистов, в техниках, технологах, строителях, агрономах, землемерах, специалистах в области коммерции. Причем нужны были профессионалы не только для промышленности (в специалистах остро нуждались новые отрасли, такие как механическое прядение и ткачество, железнодорожное дело, электротехника, телеграф, телефон), но и для торговли, сельского хозяйства, медицины, мелкого кустарного производства, т.е. становление профессионального образования становилось необходимым условием для развития государства в целом, так как только квалифицированные специалисты могли обеспечить нормальное функционирование сельского хозяйства, промышленности, социальной сферы

²⁴ Хаймсон Л. Исторические корни Февральской революции // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть*. СПб., 1994. С. 23.

²⁵ Например, см.: Климанова Е.С. Становление профессионального образования в российской провинции во второй половине XIX – начале XX века: по материалам Самарской губернии. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Самара, 2007; Зяблова С.Л. Развитие низшего профессионально-технического образования в России середины XIX – начала XX веков. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Иваново, 2004.

²⁶ См.: Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 67.

страны. Действительно, в России в середине XIX – начале XX вв. благодаря совместным усилиям государства, общественности, частных лиц была создана система профессионально-технического образования в масштабах страны. Вопросы содержания, форм, методов образования, организации учебного процесса в низших профессиональных учебных заведениях становились по мере их развития частью общей проблемы подготовки профессиональных кадров в России.

Потребности социально-экономического и общекультурного развития определяли развитие профессиональной школы, появление специальной учебной литературы, увеличение кадров преподавателей в отраслевых учебных заведениях. Выпускники профессиональных учебных заведений оказывались востребованными специалистами в различных отраслях производства, поэтому не возникало трудностей с их последующим трудоустройством. Решение этой проблемы брало на себя руководство, попечительские советы и основные учредители учебного заведения. Работа в течение нескольких лет по полученной специальности была обязательной для выпускников профессиональных учебных заведений, что служило одним из способов возмещения затрат на их обучение земскими организациями и ведомственными учреждениями, а также гарантировало поступление новых специалистов. Применяя полученные знания, выпускники профессиональных учебных заведений, имели возможность в своей работе использовать новые способы производства, совершенствовали методы работы, что имело положительный эффект для функционирования промышленности, сельского хозяйства, ремесел и других отраслей экономики страны. Созданная в пореформенный период система профессионального образования дала толчок в развитии старых и новых отраслей промышленности, способствовала трансформации всей структуры образовательной сферы.

Определенный отпечаток на процессы профессионализации наложило широкое применение в пореформенный период на фабриках и заводах детского труда, который даже конкурировал с трудом взрослых. В результате появился новый социально-исторический тип личности – малолетние рабочие, что не было, конечно, уникально российским явлением. Можно, например, вспомнить о массовом применении детского труда на английских фабриках в период индустриальной революции. Погружение в фабричную жизнь явилось формой социализации, воспитания и профессионализации малолетних рабочих. Исследователь С.Л. Зяблова выделяет следующие характерные черты социализации в процессе детского труда и ученичества: а) в условиях промышленного развития России рост городов и фабрично-заводской промышленности породили социальную нишу, вызвавшую потребность в фабрично-заводских рабочих из детской среды; б) экстенсивное развитие экономики и фабрично-заводской промышленности с ее спросом на работников без квалификации делали детский труд экономически выгодным; в) уровень экономического развития государства не позволял обеспечивать всех детей обязательным школьным образованием, что создавало предпосылки для вовлечения в трудовую деятельность малолетних и подростков; г) материальная несостоятельность семьи делала ее ячейкой не столько воспитания, сколько потребления; детский труд становился предметом купли-продажи со стороны семьи и предпринимателей; д) в то же время в таких социально-экономических условиях детский труд и ученичество объективно выступали формами социальной защиты детей и подростков. Зяблова отмечает противоречия применения детского труда в фабричной промышленности, поскольку резко возросшая численность детей, занятых в общественном производстве России на рубеже XIX–XX веков, не была адекватна возможностям их профессиональной подготовки; в связи с этим малолетние рабочие, не имея специальной и теоретической подготовки, не могли применить новых приемов работы и, таким образом, способствовали понижению качества выпускаемой продукции и теряли в оплате собственного труда.

Вызванное модернизацией и индустриализацией растущее разделение труда в сфере экономики проявилось в создании профессиональных, технических, медицинских обществ, которые, в свою очередь, способствовали повышению профессионализации многих специальностей. Отражением требований профессионализации явилось также появление, преимущественно в начале XX в., множества обществ взаимопомощи и потребительских объединений, организованных по профессиональному принципу.

С точки зрения профессионализации огромное значение имела работа съездов по ознакомлению врачей с достижениями отечественной и зарубежной медицинской науки и содействию

в применении новых, более совершенных методов лечения во врачебной практике. Губернские съезды врачей уделяли серьезное внимание повышению квалификации врачей и фельдшеров, расширению сети медицинских учреждений, рационализации организации медицинской помощи сельскому населению. Бесспорным показателем профессионализации медицинских работников явилось создание научных медицинских обществ (в России в целом появились в начале XIX в.). Потребность технической интеллигенции в профессиональном объединении удовлетворяли разнообразные технические общества, которые стали появляться и на Урале с конца 1860-х гг. Таким образом, в пореформенный период общество претерпевало существенную трансформацию. При этом важную роль играла профессионализация, которая находила проявление в развитии профессионального образования, профессиональных идентичностей, профессиональной самоорганизации, профессионализации различных видов деятельности, распространению научных знаний и культуры в обществе.

1.2. ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ НА УРАЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Преобразования 1860–1870-х гг. не разделили столетие на два абсолютно разновекторных множества²⁷. Во-первых, такие институциональные ограничения, как крепостное право и принудительный труд, преодолевались усилиями людей задолго до 1861 г. Во-вторых, несмотря на тормозящее воздействие окружной системы и крепостного права в горнозаводском деле Урала, технические инновации, открывшие дорогу промышленной революции и раннеиндустриальной модернизации, начали внедряться в промышленность Урала также до 1861 г. В-третьих, нередко активизацию культурно-просветительной деятельности в стране связывают с реформами 60–70-х гг. Это действительно так. Однако при этом необходимо помнить, что это оживление преимущественно связано с предшествовавшей эпохой, когда на сцену общественной жизни вышел разночинец²⁸. В-четвертых, с одной стороны, рыночные отношения отвоевывали свои экономическую и социальную ниши еще до буржуазных реформ, а, с другой стороны, последние не привели к моментальному и повсеместному внедрению в экономику рыночных механизмов хозяйствования. Элементы внеэкономического принуждения длительное время сохранялись после отмены крепостного права, в частности на Урале.

Распространение предприятий фабричного типа, развитие транспорта и торговли превращало производство в дело все более многочисленных групп, что требовало новых условий для автономизации хозяйственной деятельности, децентрализации и распределения процесса принятия решений между многочисленными центрами хозяйственной власти. Ответом на институциональную потребность в организации коммерческих групп для участия в экономической деятельности с одновременным сохранением относительной свободы от государственного контроля явилось становление публичной корпорации, в частности акционерных компаний (акционерный процесс явился значимым индикатором капиталистической перестройки горнозаводского хозяйства, индустриализации уральской промышленности²⁹). Новым явлением общественной и экономической жизни стало широкое распространение «неприбыльных корпораций» или не деловых предприятий: кооперативов, профсоюзов, благотворительных организаций и т.д.

Индустриализация, растущая специализация труда предъявили новые, более высокие образовательные и профессиональные требования к работнику, в частности стимулировали повышение уровня просвещения, распространение в обществе знаний. Действительно специалисты констатируют общий рост грамотности и культурности, образовательного уровня населения, расширение сети учебных заведений, положительные количественные и качественные изменения в организации школьного обучения на Урале на протяжении пореформенного периода, но при этом указывают на замедленные темпы указанных процессов, объясняя их сохранением

²⁷ См.: Готтрелл П. Значение Великих реформ в истории экономики России // Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. С. 106–126.

²⁸ См.: Вульфсон Г.Н. Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1974.

²⁹ Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982.

в регионе многочисленных докапиталистических пережитков³⁰. По расчетам Д.В. Гаврилова, в 1860-х гг. грамотные в регионе составляли лишь 2–3%, а к концу столетия их удельный вес вырос в 6–9 раз и составлял уже около 18%; при этом грамотность горнозаводских и фабрично-заводских рабочих, и до реформы превышавшая крестьянский уровень, увеличилась с 10% до 40%.

Позитивные сдвиги происходили и в сфере профессионального образования. Накануне реформ 1860–1870-х гг. «технические нижние чины» для уральских заводов готовились горной технической школой при Петербургском технологическом институте, пробирным училищем при Петербургской пробирной палате, Уральским горным училищем в Екатеринбурге, а также окружными и заводскими училищами при казенных заводах Урала. После отмены крепостного права были закрыты горная техническая школа, пробирное училище, поскольку основным их контингентом было крепостное население. В 1879 г. окружные училища были преобразованы в городские и переданы в ведение министерства народного просвещения.

В 1889 г. была создана комиссия под руководством директора Технологического института с целью обсуждения плана реализации утвержденного 7 марта 1888 г. закона «Основные положения о промышленных училищах» (закон предусматривал создание системы технического образования средней, низшей ступени и ремесленного). Комиссия предложила создать 40 промышленных училищ в стране, в том числе и на Урале. Согласно этому плану, в 1889 г. Красноуфимское реальное училище было реорганизовано в промышленное с горнозаводским отделением. В 1896 г. это отделение было переведено в Пермское реальное училище.

В пореформенный период продолжало функционировать Уральское горное училище, выпустившее с 1856 по 1900 г. 460 чел. Единственным училищем на частных заводах Урала, выпускавшим техников и других служащих, в пореформенный период являлось Нижнетагильское реальное училище (в 1896 г. преобразовано в горнозаводское). В конце XIX в. на Урале открылось еще два частных низших учебных заведения: техническое училище статского советника Губкина в Кунгуре (1877) для подготовки мастеров машиностроительного дела и Турьинское горное училище (1884).

В конце XIX в. вопрос о создании сети школ на горных заводах был включен в повестку заседаний V съезда уральских горнозаводчиков. Съезд разработал проект создания училищ для подготовки техников высокой квалификации, способных выполнять функции помощников инженеров. Вопросы развития профессионального образования на Урале обсуждались на VI и VIII съездах уральских горнозаводчиков.

В конце 1890-х гг. горный департамент разработал план реформирования казенных горных училищ, который предусматривал унификацию их программ в соответствии с общим положением о промышленных училищах и понижение статуса до низшего уровня. Уральская горная администрация в ответ создала комиссию из преподавателей училища и горных чиновников, которая в 1899 г. выработала свой проект преобразования училища в среднетехническое. Горный департамент с пониманием отнесся к местной инициативе, однако устав нового училища был принят лишь в 1904 г.³¹

В конце XIX в. активно обсуждался вопрос создания высшей школы на Урале. Уездное земство и городская дума предложили проект учреждения в Екатеринбурге Горного института. Осенью 1896 г. была создана комиссия УОЛЕ для разработки проекта создания высшей школы. Один из членов комиссии И.С. Сигов предложил «радикальный» проект учреждения на Урале университета с факультетами естественных наук, который, однако, не был рассмотрен руководством УОЛЕ. В 1898 г. «особая комиссия» УОЛЕ представила думе проект создания политехникума³².

Вызванное модернизацией и индустриализацией растущее разделение труда в сфере экономики проявилось в создании профессиональных, технических, медицинских обществ, которые, в

³⁰ См.: Грачев К.В., Кирьянов И.К. Рост образовательного уровня крестьянства Урала в капиталистический период // Из истории демократической культуры на Урале (XVIII – начало XX в.). Пермь, 1986. С. 70–84; Черныш М.И. Формирование круга чтения крестьянства Урала последней четверти XIX века (по материалам Пермской губернии) // Там же. С. 85–100; Народное образование на Урале в XVIII – начале XX в. Сборник научных трудов. Свердловск, 1990; Гаврилов Д.В. Грамотность и образовательный уровень населения Урала в конце XIX в. (1885–1900 гг.) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1995. № 2. С. 81–98.

³¹ См.: Бугаева С.Я. Техническая интеллигенция в горнозаводской промышленности Урала (пореформенный период). Дисс. ... канд.ист.наук. М., 1979. С. 154–170.

³² Пирогова Е.П. Научно-краеведческие общества Пермской губернии... С. 184–185.

свою очередь, способствовали повышению профессионализации многих специальностей. Отражением требований профессионализации явилось также появление, преимущественно в начале XX в., множества обществ взаимопомощи и потребительских объединений, организованных по профессиональному принципу.

В 1870-е гг. в Перми была предпринята попытка создания первого научного общества – Экономического. Инициатива его создания исходила от местного земства. По мысли первого председателя земской губернской управы Д.Д. Смышляева, общество («Общество попечения об улучшении сельского хозяйства в губернии и о предупреждении неурожаев») должно было направить усилия на изучение аграрного производства в губернии с целью повышения его уровня и совершенствования. Однако земская инициатива не была поддержана губернской администрацией.

Впоследствии, в 1882 г. был утвержден устав Пермского Экономического общества. В 1894 г. общество наконец открылось, однако просуществовало не более года. Тем не менее, даже за такой короткий период существования общество добилось определенных позитивных результатов. В частности, были проведены серьезные исследования почв в губернии, экономики крестьянского хозяйства, поставлены вопросы объединения потребительских обществ, организации народного кредита³³.

В 1870–1880-х гг. на Урале получают распространение разнообразные объединения врачей – съезды, врачебные советы, врачебные общества. Так, руководящей земской медицинской организацией в Пермской губернии становится губернский съезд врачей. Инициатором и организатором проведения первых съездов был известный врач И.И. Моллесон. Первый съезд состоялся в 1872 г., второй – 1884; впоследствии съезды созывались каждые 2–4 года; длительный перерыв имел место между VIII (1901) и IX (1907) съездами. Всего за период существования земств в губернии было создано 13 съездов, в т.ч. 2 внеочередных, обсуждавших мероприятия по борьбе с эпидемией холеры; последний съезд состоялся в 1914 г.

За деятельностью губернских врачебных съездов надзидало министерство внутренних дел, утвердившее в 1901 г. устав губернских съездов, который поставил их созыв и всю работу под жесткий контроль губернатора. Согласно данному уставу, съезд являлся совещательным органом, и его постановления не были обязательными для земства. Несмотря на ограниченную компетенцию и различные административные препоны, губернские съезды имели большое организующее и воспитательное значение, играли существенную роль в интеграции всех врачей губернии, определении профессиональной идеологии и направлений практической деятельности.

С точки зрения профессионализации огромное значение имела работа съездов по ознакомлению врачей с достижениями отечественной и зарубежной медицинской науки и содействию в применении новых, более совершенных методов лечения во врачебной практике. Губернские съезды врачей уделяли серьезное внимание повышению квалификации врачей и фельдшеров, расширению сети медицинских учреждений, рационализации организации медицинской помощи сельскому населению.

Определенным успехом увенчалась длительная борьба губернских съездов врачей за создание в губернии санитарной организации. В 1890 г. было образовано губернское санитарно-статистическое бюро. Во всех уездах появились уездные санитарные съезды, которые чаще назывались врачебными советами. В 1908 г. была учреждена санитарная организация уездного подчинения, а в 1910 г. – губернского подчинения.

Объединяющими и руководящими центрами земской медицины на уездном уровне становятся врачебные советы. Инициатива в их организации, как и в созыве губернских съездов врачей, также принадлежала И.И. Моллесону. Первый совет в России был проведен в 1873 г. в Шадринском уезде. В 70–80-х гг. XIX в. советы существовали во всех уездах Пермской губернии, за исключением Верхотурского (до 1907 г.). Уездные врачебные советы (съезды) обсуждали практически все вопросы земской медицины, но на первом месте стояли проблемы санитарного дела.

Беспорным показателем профессионализации медицинских работников явилось создание научных медицинских обществ (в России в целом появились в начале XIX в.). На Урале в поре-

³³ Там же. С. 34, 48–49, 133–139.

форменный период появилось два таких общества – Пермское научное медицинское и Уральское медицинское (в Екатеринбурге).

Уральское медицинское общество (УМО) выросло из врачебного кружка, неофициально существовавшего в Екатеринбурге на протяжении примерно десятка лет. Открытие общества состоялось в 1890 г. В качестве основных задач общество поставило санитарное исследование Урала, научную разработку по всем вопросам медицины. Общество объединило врачей, провизоров, ветеринарных врачей Пермской и других уральских губерний. Оно развернуло большую научно-исследовательскую деятельность, выпускало на протяжении 23 лет «Записки...» На регулярных заседаниях общества было заслушано 203 научных доклада. УМО поддерживало связи с другими научными российскими и иностранными обществами и отдельными выдающимися представителями медицины. Серьезное внимание уделялось обществом распространению медицинских знаний среди населения; в частности, были организованы курсы для обучения населения оказанию само- и взаимопомощи при несчастных случаях³⁴.

Медицинские общественные организации появились в пореформенный период и в Оренбургской губернии. Так, в 1860 г. было образовано Оренбургское физико-медицинское общество, членами которого являлись врачи, преподаватели естественных наук учебных заведений города, ветеринарные врачи и аптечные работники. Задачи, которые ставило перед собой общество, носили научно-практический характер: изучение механизмов распространения эпидемических заболеваний, сложных клинических форм заболеваний, чтение лекций с целью повышения квалификации врачей, популяризация медицинских знаний среди населения. Просветительство занимало существенное место в деятельности санитарно-благотворительного попечительства, созданного в 1907 г. В 1911 г. было открыто Оренбургское отделение Всероссийской Лиги борьбы против туберкулеза³⁵.

Потребность технической интеллигенции в профессиональном объединении удовлетворяли разнообразные технические общества, которые стали появляться на Урале с конца 1860-х гг. В 1868 г. в Екатеринбурге было открыто уральское отделение Императорского Русского технического общества. Со временем возникают частные технические общества, технические съезды. В 1880-х гг. были открыты технические съезды инженеров вятских округов – Омутнинского и Холуницкого, – участники которых обменивались производственно-техническим опытом, ставили исследовательские задачи. В 1894 г. подобный же съезд с аналогичными задачами был организован в Пермском горном округе³⁶. В 1902 г. в Екатеринбурге было создано Уральское общество горных техников, которое на своих заседаниях обсуждало технические и профессиональные вопросы, издавало с 1907 г. свой журнал «Уральский техник», занималось трудоустройством специалистов-техников, организацией взаимопомощи³⁷.

Итак, в пореформенный период общество претерпевало существенную трансформацию. При этом важную роль играла профессионализация, которая находила проявление в развитии профессионального образования, профессиональных идентичностей, профессиональной самоорганизации, профессионализации различных видов деятельности, распространению научных знаний и культуры в обществе.

³⁴ Селезнева В.Т. Очерки по истории здравоохранения на дореволюционном Урале. Молотов, 1955. С. 67–98.

³⁵ Красюк А.Е., Лебедева И.В. Становление общественной медицины в Оренбуржье // Исследования и исследователи Оренбургского края XVIII – начала XX вв. Материалы региональной научной конференции, 12–14 мая 1983 г. г. Оренбург. Свердловск, 1983. С. 131–133.

³⁶ Бугаева С.Я. Техническая интеллигенция в горнозаводской промышленности Урала... С. 117–118.

³⁷ Андреева Т.А. Журнал «Уральский техник» о проблемах производственной и социальной жизни технической интеллигенции Урала // Взаимодействие технического и социально-экономического развития в период капитализма (Информационные материалы). Свердловск, 1989. С. 52–54.

ГЛАВА 2. ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ*

2.1. СТАНОВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ НА УРАЛЕ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Начало профессиональной школы в России большинство исследователей относит к эпохе модернизационных реформ первой половины XVIII в.³⁸ Петр I и его преемники кардинально изменили отношение государства к образованию, которое до того времени регулировалось и контролировалось церковью. На первый план вышла его новая функция – полезности, способности готовить людей для обслуживания расширявшегося производства и государственных потребностей. По мнению видного дореволюционного историка М.Ф. Владимирского-Буданова, общее образование в те времена мало ценилось и правительством, и обществом. Расширяя сеть учебных заведений, государство вовсе не старалось распространять просвещение, оно было заинтересовано лишь в том, чтобы как можно раньше взять на учет всех людей, «обязанных службой» и дать им необходимые к тому знания и технические навыки. Школы поддерживались только в том случае, если они выполняли конкретный запрос ведомства и правительства на подготовку обученного персонала.

Логическим следствием такой политики стало закрепление сословности и ведомственности в образовании: выходцы из духовного звания сосредотачивались в архиерейских (епархиальных) школах, дети солдат и унтер-офицеров – в гарнизонных, мастеровые – в горных или заводских. Свои учебные заведения создавались и для дворянства, предназначенного к офицерской или административной службе. Доступ в них лицам из других сословий был ограничен. Сложившаяся система образования (М.Ф. Владимирский-Буданов, а вслед за ним и другие историки XIX – начала XX вв., называли ее «сословно-профессиональной») не могла дать полноценных знаний³⁹. Основная масса населения, не годная по своим сословным признакам к военной, гражданской или церковной службе, оставалась за рамками государственной образовательной политики. После создания сети общеобразовательных школ в конце XVIII в. власть не отступила от традиций ведомственной организации специального образования, хотя многие сословные ограничения были постепенно сняты.

На Урале профессиональная школа возникла с началом освоения этой отдаленной территории. Инициатива ее формирования первоначально принадлежала ведомственной бюрократии и коронной администрации, которая пыталась на месте подготовить кадры для решения важных государственных задач. Военное ведомство видело основным полем своего действия Южный Урал, бывший аванпост царизма в осуществлении политики присоединения к России народов Средней Азии и Казахстана. Здесь, в обширном и «беспокойном» крае, для поддержания порядка содержались особые регулярные и иррегулярные вооруженные силы. К 1850 г., по сведениям

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01625).

³⁸ Веселов А.Н. Профессионально-техническое образование в СССР: Очерки по истории среднего и низшего профтехобразования. М., 1961; Очерки истории профессионально-технического образования в СССР. М., 1981; Кошман Л.В. Профессиональное образование // Очерки русской культуры XIX века. Т. 3. Культурный потенциал общества. М., 2001.

³⁹ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Государство и народное образование в России с XVII века до учреждения министерств. Ярославль, 1874; Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. Т. 1. СПб., 1912.

Генерального штаба, в войсках отдельного Оренбургского корпуса числилось 186 357 человек. Основную часть их составляли казаки. В Оренбургском казачьем войске к этому времени было 35 051 человек, в Уральском – 12 759, в Башкиро-Мещерякском – 117 574⁴⁰.

Военное строительство на границе с «киргиз-кайсацкой» степью началось в 30-е годы XVIII в. В 1734 г. сюда была направлена специальная правительственная экспедиция, перед которой ставилась задача создания на востоке страны опорного пункта для продвижения в Азию – крепости Оренбург. Оренбургская экспедиция (с 1739 г. – Оренбургская комиссия) была особым административным органом, она подчинялась непосредственно Сенату. Первым руководителем экспедиции был назначен И.К. Кириллов – выдающийся ученый, один из основателей русской географической и статистической науки. Он уделял большое внимание созданию школ при своем ведомстве. Позднее эту политику продолжил еще один известный государственный деятель – В.Н. Татищев, он возглавил экспедицию после смерти И.К. Кириллова летом 1737 г. «Комисские школы», созданные высшими администраторами края, готовили кадры служащих и давали образование детям военных, чиновников и других лиц, состоявших при ведомстве. Руководство, службы и школы экспедиции располагались первоначально в Петербурге, затем, вместе с руководителями ведомства, переехали в Москву, Уфу, Самару и, наконец, во вновь отстроенный Оренбург. Арифметическая и словесная школа, созданная по инициативе И.К. Кириллова в Уфе, обучала в 1739 г. 37 учеников⁴¹.

15 мая 1744 г. Оренбургская комиссия была преобразована в Оренбургскую губернию, в состав которой вошли все населенные пункты и крепости, образовавшиеся на оборонительных линиях, Уфимская и Исетская провинции, а также земли Яицкого казачьего войска и зауральских башкир. Первым оренбургским губернатором был назначен Иван Иванович Неплюев. Энергичный руководитель существенно увеличил темпы военного, экономического и культурного освоения колонизируемой территории. Стремясь поскорее дать защиту русским поселениям от нападений кочевников, он развернул строительство в крае новых форпостов и оборонительных сооружений. Численность русскоязычного населения в крае стала быстро расти. Усложнялась и структура местного управления, как общегубернская, так и специфическая казачья. Для их функционирования требовались грамотные чиновники, писари, переводчики. Несмотря на удаленность Оренбургского края и сложность поиска преподавателей, И.И. Неплюев уже в 1744 г. создал при пограничной комиссии школу татарских учеников. Учились в ней дети русских солдат, казаков и нижних воинских чинов, которые не были зачислены на военную службу. Ежегодно сюда набиралось 10 учеников, которые обучались главным образом русскому и восточным языкам. После окончания курса они служили толмачами, переводчиками, копиистами, акцизными и таможенными чиновниками. «Татарская школа», удовлетворявшая потребности местной администрации в кадрах писарей и переводчиков, действовала в Оренбурге до 1818 г.⁴²

Писцов и копиистов готовила также открытая в 1748 г., по личной инициативе губернатора И.И. Неплюева, Оренбургская школа для детей ссыльных⁴³. «Ссылочная школа», однако, не была так популярна среди русского населения, как «татарская». В начале XIX в. директор оренбургских училищ сообщал, что она существует при городническом правлении Оренбурга «только в уме»: у учебного заведения нет ни своих учителей, ни дома, ни учеников. По уверениям служащих правления, в июле 1805 г. там находилось только три мальчика из детей «ссылочных», да и те не учились, а лишь получали из уездного казначейства деньги на провиант и амуницию⁴⁴.

Более высокий уровень образования давала своим воспитанникам Оренбургская инженерная школа, созданная в 1745 г. По сведениям В.С. Кобзева и А.П. Абрамовского, она действовала

⁴⁰ Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 110.

⁴¹ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Уфа, 1997. С. 448.

⁴² История Башкортостана с древнейших времен до 60-х гг. XIX века. Уфа, 1997. С. 448; Оренбургский Неплюевский кадетский корпус как первое учебное заведение в истории русского образования киргизов // Тургайская газета. 1896. № 32. С. 261.

⁴³ Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Т. 1. Ч. 1. С. 286. А.П. Абрамовский и В.С. Кобзев называют датой открытия этой школы 1752 г., не указывая, правда, источника этих сведений (См.: Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Во славу государства Российского: Начальное образование и военная подготовка в Оренбургском казачьем войске. Челябинск, 1994. С. 12).

⁴⁴ Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 74. Л. 1.

в Троицкой крепости⁴⁵. Учащиеся получали здесь знания по математике, основам фортификации и планировки и другим дисциплинам, необходимым в строительстве новых полевых укреплений. Выпускники инженерной школы производились в кондукторы и обер-офицеры. Действовала она, правда, недолго. По данным М.М. Вольфсона, в 1750 г. инженерную школу закрыли, а ее воспитанников перевели в Санкт-Петербургскую соединенную инженерную и артиллерийскую школу. По другой версии, она просуществовала до 1760 г., после чего была преобразована в гарнизонную⁴⁶.

Начало гарнизонным школам в России положил указ императрицы Анны Иоанновны от 21 сентября 1732 г., согласно которому в стране создавались школы при пехотных гарнизонах. Поступать в них обязаны были солдатские дети в возрасте от семи до пятнадцати лет. Учащиеся гарнизонных школ, как и горные ученики, в XVIII в. получали казенное жалованье. Общая их численность в стране к середине XVIII в. составляла около 4 тысяч человек⁴⁷. При крепостях, расположенных на Оренбургской линии, гарнизонные школы были открыты в конце XVIII в. Согласно высочайше утвержденному Положению о гарнизонных школах от 25 сентября 1797 г. они начали работу в Верхнеуральской, Оренбургской, Орской, Кизильской, Троицкой и Звериноголовской крепостях. В первой из них к этому времени числилось 100 учащихся, в остальных по 50. В программу гарнизонных школ входили предметы, дававшие воспитанникам основы грамотности и первоначальные военные навыки. «В школах сих, – отмечал указ, – обучать всему строевому и до воинской службы и ее порядка надлежащему: грамоте, арифметике, барабанщицей науке, играть на флейте, разделяя на сие часы по пристойности; по субботам же читать Высочайший устав и Воинский артикул, а особливо статьи те, кои относятся до службы, до повиновения команде и до определенных за слабое стояние в карауле, за робость против неприятеля, за слушание команды, за кражу и прочее наказаний»⁴⁸.

Реорганизацией гарнизонных школ военного ведомства занялся в конце XVIII в. Павел I. Историки отмечают, что в деятельности этого императора вопросы военного строительства занимали особое место. По подсчетам А.Б. Каменского, разного рода указы по армии и флоту составили не менее половины всего павловского законодательства⁴⁹. В укреплении армии император видел гарантию безопасности страны и от внешней опасности, и от внутренних социальных потрясений. Идеалом Павла I была прусская армия в воплощении Фридриха II. Следуя его примеру, император решил взять под особое покровительство солдатских и офицерских детей. В прусской армии тогда для пополнения каждого полка действовали особые полковые округа – кантоны. Солдатские дети и сыновья нижних воинских чинов получали в этих кантонах обучение, а затем направлялись в армию⁵⁰.

Подобную систему в конце XVIII в. Павел I ввел и в России. В нашем государстве тогда имелось множество детей, которые нуждались в государственном призрении. Их родители погибли во время многочисленных войн, которые вела Россия в период правления Екатерины II. Еще до своего воцарения для опеки над осиротевшими детьми Павел I устроил несколько школ при дворцах на Каменном острове и в Гатчино⁵¹. В 1797 г. эти школы были переведены в Санкт-Петербург и объединены в Дом военного воспитания, который стал основой для будущего Императорского Военно-сиротского дома. Доклад об учреждении Военно-сиротского дома был высочайше утвержден 23 декабря 1798 г.⁵² Согласно уставу, он состоял из двух отделений. В первом обучались 200 сыновей офицеров и унтер-офицеров, преимущественно из числа сирот, детей военнослужащих, погибших или искалеченных на полях сражений. Второе состояло из 800 солдатских детей. Провинциальные гарнизонные школы были переформированы в отделения Санкт-Петербургского Императорского военно-сиротского дома.

⁴⁵ Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Во славу государства Российского... С. 12.

⁴⁶ Вольфсон М.М. Из истории школы в Оренбургском крае в XVIII веке // Педагогический сборник. Оренбург, 1960. С. 204–207.

⁴⁷ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1895. Т. XIV. С. 318.

⁴⁸ ПСЗ-1. Т.24. № 18159.

⁴⁹ Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 1999. С. 492.

⁵⁰ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1895. Т. XIV. С. 318.

⁵¹ Лалаев М.С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению от основания в России военных школ до исхода первого 25-летия благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. 1700–1880. СПб., 1880. Ч. 1. С. 81.

⁵² ПСЗ-1. Т. 25. № 18793.

К началу XIX в. эти отделения бесплатно обучали свыше шестнадцати тысяч солдатских детей, называвшихся с 1805 г. кантонистами. Принимали в кантонисты солдатских и унтер-офицерских детей с семи лет, сироты же, не имеющие родителей, могли быть и младшего возраста. Ежегодно казна отпускала на содержание отделений военно-сиротского дома до 520 тысяч рублей⁵³. Военно-сиротские отделения Оренбургской губернии находились в ведении комендантов крепостей и через военного губернатора края подчинялись военной коллегии. В штат этих школ, помимо учителей, входили воспитатели, или, так называемые «блустители», которые следили за поведением учащихся. Учительский персонал комплектовался по преимуществу из младших ротных офицеров, унтеров и отставных чинов, владеющих грамотой. А.П. Абрамовский и В.С. Кобзев приводят в своем очерке выдержки из воспоминаний деда одного из таких учителей А.И. Кривошекова, учившегося когда-то в одной из школ военно-сиротского отделения. Нравы в этой школе, судя по его словам, были весьма суровые, поэтому многие родители пытались как можно дольше задержать своих детей дома. Забирать учеников в школу приходилось силой. Для этого в волости направлялись специальные команды солдат.

Учебный день воспитанников начинался в 8 утра. До обеда проводились классные занятия – четыре урока по часу каждый, а затем строевое и прочее воинское учение под наблюдением унтер-офицеров. В программу занятий входила грамматика, четыре первых действия арифметики, письмо, закон божий и краткая священная история. Дети казаков, помимо воинского артикула, изучали верховую езду, правила владения холодным оружием, для чего в школы приглашались урядники из кантонов Оренбургского казачьего войска. Учащиеся военно-сиротских отделений носили единообразную форму одежды – черные фрачные мундиры с медными пуговицами в ряд и такие же брюки на выпуск с красным кантом вдоль шва и выпушкой по обшлагам. Всем воспитанникам выдавались серые шинели. На мундиры и шинели нашивались погоны красного сукна, с прорезными цифрами желтого сукна, соответствующие номеру дивизии (в 1819–1831 гг. – «26», в 1831–1834 гг. – «28», в 1834–1845 гг. – «22», в 1845–1863 гг. – «23»), в состав которой входили все Оренбургские линейные батальоны. Несколько позже цвет погон был заменен на светло-синий, такой же, как и у казаков⁵⁴.

В конце правления Александра I положение военно-сиротских отделений было изменено. С 1824 г. их подчинили Главному штабу военных поселений, командование которым было возложено на А.А. Аракчеева. Аракчеевское ведомство издало для службы и содержания кантонистов подробные правила. Согласно им, кантонисты были разделены на три возраста: до десяти, до пятнадцати и до восемнадцати лет. Дети младшего возраста могли воспитываться у родителей или опекунов, десятилетние – обязательно посещать школьные классы, а пятнадцатилетние – обучаться фронту, различным мастерствам и сельским работам. В 18-летнем возрасте все кантонисты определялись в гарнизонные части, сменяя увольняемых в отставку ветеранов. Неспособные к учебе подростки могли начинать службу в полках и раньше, уже в 15–17 лет, а более старательным разрешалось продолжать учебу. В 1820 г. для улучшения подготовки учителей военных школ правительство даже допустило обучение кантонистов в гимназиях. Известно, что 10 оренбургских кантонистов вскоре после этого были направлены в Пермскую гимназию, 11 – в Оренбургское уездное училище⁵⁵.

После сословных школьных реформ Николая I подобная практика была прекращена. В 1828 г. всех кантонистов из гимназий изъяли⁵⁶. Император ужесточил военные порядки в военно-сиротских отделениях. В 1826 г. они были собраны в бригады, которые делились на батальоны, полубатальоны и роты кантонистов. Всего в стране было создано семь таких бригад. В Перми и Казани располагалась пятая бригада, в Оренбурге, Троицкой, Верхнеуральской и Звериноголовской крепостях – шестая⁵⁷. Оренбургская учебная бригада военных кантонистов состояла из Оренбургского батальона, Троицкого и Верхнеуральского полубатальонов и Звериноголовской

⁵³ Анучин Д.Г. К истории Императорского военно-сиротского дома и Павловского кадетского корпуса // Исторический вестник. 1890. Т. XLI. С. 615.

⁵⁴ Абрамовский А.П., Кобзев В.С. Во славу государства Российского... С. 16–17.

⁵⁵ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2003. Л. 7–8.

⁵⁶ Алешинцев И.А. История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб., 1912. С. 139.

⁵⁷ Состояние учебных заведений, не подведомственных министерству народного просвещения // Журнал министерства народного просвещения. 1837. № 4. Ч. 14. С. 74.

роты. По данным С.Г. Мирсаитовой, открытые прежде Кизильское и Орское военно-сиротские отделения прекратили работу еще в 1827 г., кантонистов из них перевели в Оренбург⁵⁸. Помимо этого, в Оренбургской губернии действовали еще 8 учебных отделений: в крепостях Петропавловской, Карагайской, Магнитной, Степной, отрядах Спасском, Кадышевском, Осиповском, Янгельском. Общий штат обучавшихся кантонистов, судя по донесению, направленному канцелярией военного губернатора к директору училищ Оренбургской губернии, к 1838 г. составлял 2201 человек. Большая их часть обучалась в городах: Оренбургский батальон в 1838 г. содержал 1068 кантонистов, Верхнеуральский полубатальон – 292 кантониста, Троицкий полубатальон – 241 кантониста⁵⁹. Пермский батальон в это время обучал 1905 кантонистов. Учителями и служащими при нем числилось 67 человек⁶⁰. Начало батальону положило Пермское военно-сиротское отделение, открытое 23 марта 1814 г. и рассчитанное на 600 человек. Штат кантонистов, однако, быстро вырос. Согласно данным Т.А. Калининой, часть из них военное ведомство даже было вынуждено отправить на обучение в Кунгур⁶¹.

Курс обучения в учебных батальонах, по сравнению с военно-сиротскими отделениями, был усложнен. Помимо Закона божия, чтения, письма и арифметики кантонисты стали изучать рисование, основы геометрии и черчения. Не было оставлено и обучение их различным ремеслам. Для этого при школах стали создаваться мастерские. Много сил руководители батальонов отдавали военной выучке воспитанников. Каждой роте кантонистов полагался командир, два его помощника из обер-офицеров, фельдфебель и четыре унтер-офицера для обучения фронтовой службе. Учителя наук обычно состояли в гражданской службе и имели классные чины. В 1838 г. при Оренбургском батальоне военных кантонистов числились 9 чиновников и 21 унтер-офицер, при Верхнеуральском полубатальоне – 2 чиновника и 9 нижних чинов, при Троицком полубатальоне – 1 чиновник и 10 нижних чинов⁶².

Финансирование многолюдных школ военного ведомства было весьма скудным. Как указывает дореволюционный военный историк М.С. Лалаев, почти все они «терпели недостаток в помещении, чрез что возникали в оных болезни»⁶³. Казармы и учебные здания для кантонистов строились за счет средств военного ведомства. Благотворительная помощь сюда, в отличие от школ гражданского ведомства, поступала очень редко. В архивных источниках нам удалось отыскать лишь одно упоминание о подобном поступке. В 1804 г. военный губернатор сообщил министру внутренних дел В.П. Кочубею о том, что временно проживавшие в Троицке ростовские купцы Иван и Федор Мясниковы, узнав о крайней ветхости и тесноте местного военно-сиротского отделения, пожертвовали 13 тысяч рублей на возведение для него нового дома. По ходатайству министра, купцы были награждены за этот благотворительный поступок золотой медалью с надписью «За усердие»⁶⁴.

В крайне стесненном положении находилась Пермская школа военных кантонистов. Полковник Будберг, ревизовавший школу в 1833 г. писал, что главный корпус школы, в котором проходили учебные занятия, находился в ветхом положении и требовал значительных поправок. В казенном деревянном доме было настолько тесно, что дети могли обучаться в нем только по очереди. Многие помещения были настолько старыми, что их невозможно было даже отремонтировать. Тесны и малы были мастерские, находившиеся во флигеле главного корпуса. В них с трудом размещалась лишь половина кантонистов. Не хватало учащимся места и для проживания в казармах. Почти триста детей жили на съемных квартирах. Некоторые из них находились за 2,5 версты от учебного корпуса. Кантонистов мучили глазные болезни, горячка, чесотка. Велик был среди них уровень смертности⁶⁵. В Оренбургской губернии для сокращения расходов в 1853 г. было решено объединить всех кантонистов в единый Оренбургский батальон военных

⁵⁸ Мирсаитова С.Г. Народное образование на Южном Урале... Ч. 2. С. 39.

⁵⁹ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 5. Д. 11367. Л. 25–28.

⁶⁰ Таблицы учебных заведений всех ведомств Российской империи с показанием отношения числа учащихся к числу жителей. СПб., 1838. С. 32.

⁶¹ Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е годы XVIII в. – первая половина XIX в.): учебное пособие. Пермь, 1992. С. 45.

⁶² ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11367. Л. 25–28.

⁶³ Лалаев М.С. Исторический очерк военно-учебных заведений... С. 120.

⁶⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 1. 1804 г. Д. 139. Л. 1–5, 15.

⁶⁵ Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале в дореформенный период... С. 46–47.

кантонистов с подчинением их командиру 1-й бригады 23-й пехотной дивизии. Общий комплект воспитанников школ в губернии тогда составлял 1549 человек. 6100 кантонистов, кроме того, содержали родители⁶⁶.

После окончания Крымской войны правительство решило отказаться от казенного содержания кантонистов. Солдатские дети оказались, пожалуй, первой категорией зависимого населения, которая получила свободу. Согласно Высочайшему манифесту от 26 августа 1856 г. 378 тысяч кантонистов были возвращены из военного ведомства «для пособия родителям и для причисления в свободные податные состояния»⁶⁷. Прежние заведения для обучения военных кантонистов в стране были ликвидированы. Вместо них в губернских городах создавались училища военного ведомства. Положение об училищах военного ведомства император утвердил 10 июня 1858 г. Согласно закону, эти учебные заведения принимали на добровольной основе детей солдат, нижних воинских чинов, а также дворян, чиновников и канцелярских служащих. Целью училищ была подготовка аудиторов, чертежников, артиллерийских и инженерных кондукторов, топографов, граверов и прочих нестроевых служащих военного ведомства, а также писарей для войск и учителей самих военных училищ.

Закон делил военные училища на три основных разряда, при этом Оренбургское и Пермское были отнесены к последнему, предназначенному «исключительно для приготовления военно-сухопутному ведомству писарей». Учебная программа училищ военного ведомства была близка к курсу уездных училищ. Слушатели изучали закон божий, русский язык, арифметику, алгебру, геометрию, краткую русскую историю, географию, законоведение, чистописание, рисование и «ситуацию». Кроме того, все дети обязательно занимались гимнастикой. Курс обучения составлял пять лет: два года мальчики учились в подготовительном классе и по одному году в нижнем, среднем и верхнем классах. Принимались на учебу дети не моложе 12 и не старше 16 лет. К молодым людям в возрасте 12–14 лет при этом не предъявлялось никаких требований, более старшие же обязательно должны были уметь читать и писать. Учебный год в училищах длился с 1 августа по 15 июня, оставшееся время отводилось на каникулы.

Внутренняя жизнь закрытых военных училищ мало отличалась от прочих интернатных учебных заведений. Успевающие ученики во время учебного года награждались похвальными листами, книгами, учебными принадлежностями, картами. Имена их для поощрения записывали на красную доску. Хороших учеников могли назначить репетиторами или старшими в классах. При этом они получали специальную нашивку на погоны из желтой тесьмы. Неуспевающих воспитанников разрешалось подвергать «легкому исправительному наказанию»: их лишали на день одного блюда, содержали под арестом на хлебе и воде, не отпускали к родственникам. Имена этих воспитанников вносились на черную доску. Помимо этого, некоторое время им не давали права носить плечевые погоны. Учащихся же старших классов, замеченных в лености и неприличном поведении, и вовсе могли исключить из училища.

Для управления училищами в составе военного министерства создавалось специальное Управление училищ военного ведомства. Непосредственное руководство ими на местах осуществляли начальники училищ. Начальники утверждались в должности военным министром, с объявлением об этом в высочайшем приказе. В помощь начальнику по хозяйственной части избирался хозяйственный комитет училища. За правилами преподавания в школе следили инспекторы классов, как правило, люди с высшим образованием. Преподавали штаб- и обер-офицеры военного ведомства, либо приглашенные гражданские чиновники. По штату 1858 г. в Пермском и Оренбургском училищах военного ведомства должны были работать по 2 учителя с классными чинами. Физическое и нравственное воспитание учащихся находилось под контролем ротных командиров и их помощников. Воспитанники училищ находились на полном государственном обеспечении. При выпуске они обязаны были отслужить в военном ведомстве определенное время. Для дворян оно составляло 10 лет, для других сословий – 12. Учащиеся с отличными успехами сразу после выпуска получали чины унтер-офицеров, остальные имели право заслужить звания на службе⁶⁸.

⁶⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12979/15. Л. 198.

⁶⁷ Лалаев М.С. Исторический очерк военно-учебных заведений... С. 106.

⁶⁸ ПСЗ-2. Т. 32. № 33283.

Штат училищ военного ведомства был существенно сокращен по сравнению с прежними военно-сиротскими отделениями. Оренбургское и Пермское училища, открытые в 1859 г., были рассчитаны на 250 человек. В Оренбургском училище, помимо русских, получали знания несколько башкирских мальчиков, предназначенных для поступления в Казанскую гимназию или университет по медицинскому факультету. С 1860 г., согласно закону, их число составляло не более 20 человек. Обучались башкирские мальчики за счет сбора с башкир и мишарей⁶⁹. Размещались военные училища в казенных зданиях. Ремонтные работы и исправления по ним производились Инженерным департаментом за счет средств военного министерства. Пермское военное училище находилось в ведении Главного управления путей сообщения и публичных зданий⁷⁰. Судьба вновь созданных училищ военного ведомства оказалась недолгой. В 1866 г., в ходе школьных реформ Александра II, они были преобразованы в военно-начальные школы, а затем – в военные прогимназии⁷¹.

На Урале создавались не только начальные, но и средние военно-учебные заведения. Неплюевское училище, названное в честь первого оренбургского губернатора И.И. Неплюева, открылось в 1825 г. Учебное заведение было подразделено на два отделения. Для учащихся первого отделения, помимо военного дела, основными предметами были европейские языки, для учащихся второго – языки восточные (старотюркский, арабский и персидский). Обучение в Неплюевском училище продолжалось шесть лет. В 1844 г., при военном губернаторе В.А. Обручеве учебное заведение было официально преобразовано в кадетский корпус. Общий курс обучения в нем увеличился до восьми лет, а отделения преобразованы в эскадроны.

Чуть раньше, в 1841 г., усилиями губернатора В.А. Перовского в Оренбурге была открыта фельдшерская школа при военном госпитале. В Школу зачисляли избранных войсковым начальством подростков 12–14 лет. Здесь им преподавали христианское и мусульманское вероучения, русский и латинский языки, арифметику, основы анатомии, хирургии, фармакологии, рецептуры и прочие учебные дисциплины. Военно-фельдшерская школа просуществовала до 1892 г., а вот второе детище В.А. Перовского, уникальное для своего времени Училище земледелия и лесоводства (1836 г.), было закрыто вскоре после оставления В.А. Перовским своего поста⁷².

В целом, можно признать, что, несмотря на все недостатки, дореформенные военно-учебные заведения внесли большой вклад в распространение просвещения на Урале. Л.М. Артамонова вполне справедливо называет их наиболее массовым типом сословной школы, наряду с духовными учебными заведениями. Обучение детей нижних воинских чинов уже во второй половине XVIII в. носило обязательный характер⁷³. Грамотные отставные солдаты в уральских городах были привычным явлением. Именно они часто становились домашними учителями для детей бедных горожан.

Попытки осуществить всеобщее обучение в подчиненных ему заводских поселках предприняло в дореформенный период и горное ведомство. Формирование горнозаводской школы на Урале историки связывают с инициативой В.Н. Татищева⁷⁴. Первые учебные заведения им были созданы в 1721–1722 гг. при Кунгурском, Уктусском и Алапаевском заводах. Для Екатеринбургской школы, открытой в 1723 г., В.Н. Татищев разработал первую в истории России программу сочетания общего и технического образования. В 1736 г. он попытался распространить эту программу на все подведомственные горному ведомству казенные заводские школы, но сделать это не успел. В 1737 г., как уже говорилось, его направили в Оренбургскую экспедицию. Вскоре после отъезда горного начальника с Урала программа практического обучения учеников в заводских школах была свёрнута⁷⁵.

⁶⁹ Мирсаитова С.Г. Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX века: в 2 ч. Ч. 2. С. 6.

⁷⁰ ПСЗ-2. Т. 32. № 33284.

⁷¹ Столпянский П.Н. Город Оренбург. Материалы к истории и топографии города. Оренбург, 1908. С. 147.

⁷² Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начало XX в.). Екатеринбург, 2011. С. 343–345; Климаков С.А. Развитие профессионального образования на Урале в 60-е гг. XIX в. – феврале 1917 г.: Дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2001. С. 29.

⁷³ Артамонова Л.М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX вв. (Юго-Восточные губернии Европейской России). Самара, 2001. С. 47.

⁷⁴ См.: Дашкевич Л.А., Сафронова А.М. Горная школа в России (XVIII – первая половина XIX в.) // Горные заводы и крестьянство: проблемы социальной организации металлургии России и Швеции XVII–XIX вв. Екатеринбург, 1992.

⁷⁵ Сафронова А.М. Горнозаводские школы // Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург, 2002. С. 131.

Сократилось и количество горнозаводских школ. К началу XIX в. они действовали лишь в заводских поселках Екатеринбургa и Богословского горного округа⁷⁶. Проект Горного положения 1806 г., разработанный при активном участии А.Ф. Дерябина и других видных теоретиков и практиков горного дела, дал надежду на расширение горного образования. Он предусмотрел создание главных горных школ во всех центрах казенных округов и малых – при отдельных заводах. Учебную программу главных школ составляли: алгебра, геометрия, тригонометрия, физика, география, история, французский, немецкий и латинский языки, горное и маркшейдерское искусства, химия, основы металлургии, минералогия, нивелирование, снятие и нанесение планов, рисование, горнозаводское правоповедение, бухгалтерия, горные и заводские производства. В малых горных школах учили грамоте и ремеслам⁷⁷.

По мысли авторов проекта, эта система должна была охватить всех детей мужского пола на казенных заводах⁷⁸. Однако в образовательной политике царского правительства того времени постоянно сталкивались две линии. Одна учитывала объективную потребность в распространении образования среди заводского населения, другая – из боязни «повреждения нравственности народа» препятствовала этому процессу. Созданные после издания проекта Горного положения главные горные школы (при Екатеринбургском, Богословском и Юговском заводах) в 1809 г. были закрыты. Не везде открылись и малые горные школы⁷⁹.

Сеть школ при всех казенных заводах Урала была создана лишь спустя двадцать лет, после издания штатов 1827–1829 гг. (28 школ от 30 до 150 человек в каждой)⁸⁰. В 1832 г., судя по рапортам горных начальников, в них обучались 1326 человек⁸¹. Конечно, это были не все дети, нуждавшиеся в образовании. К 1839 г., по данным Комитета для исправления штатов Уральских заводов, из детей школьного возраста (от 8 до 13 лет) в заводских школах казенных заводов обучались: среди приказнослужителей и нижних горных чинов – каждый второй, среди мастеровых – каждый пятый, среди непрременных работников – каждый четырнадцатый⁸².

Программа обучения в казенных заводских школах ограничивалась элементарной грамотностью. Она включала Закон божий, арифметику, краткую российскую грамматику, чтение и чистописание. Только в Березовской школе начальный общеобразовательный курс был дополнен специальными предметами (черчение планов, рисование и маркшейдерское искусство), а в Екатеринбургской горной школе ввели преподавание риторики и латинского языка⁸³. Необходимость расширения образовательного курса для рабочих и низших служащих понимали многие представители горной администрации. Начальник Гороблагодатских заводов, например, писал в 1835 г.: «Было бы весьма полезно распространить число преподающихся предметов, добавив обучение, по крайней мере, началам геометрии, черчению, заводскому счетоводству, началам российской словесности в той мере, сколько нужно для образования полезных шихтмейстеров и даже самих мастеров»⁸⁴. Но воплотить эти замыслы в реальность в тех условиях было очень сложно. Для этого потребовались воля и усилия одного из самых влиятельных горных деятелей Урала XIX в., главного начальника уральских горных заводов генерала В.А. Глинки.

Разработанные по его инициативе новые заводские штаты 1847 г. дали начало системе специального образования в казенных округах. Прежде всего, здесь была расширена школьная сеть: к 28 заводским школам добавились среднетехническое Уральское горное училище и 6 окружных училищ – по числу имевшихся на Урале казенных горных округов (Екатеринбургского, Пермского, Гороблагодатского, Богословского, Камско-Воткинского и Златоустовского)⁸⁵. Представления генерала о правилах образования и воспитания кадров военизированной горной службы легли в основу «Положения об учебных заведениях уральских горных заводов», которое было

⁷⁶ Черноухов Э.А. Горнозаводское образование на Урале в XIX веке: Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998. С. 32.

⁷⁷ Калинина Т.А. Развитие горнотехнического образования на Урале в дореформенный период // Социально-экономическое положение и борьба горнозаводского населения Урала в XVIII–XIX веках. Пермь, 1981. С. 61–62.

⁷⁸ Проект Горного положения. СПб., 1806. Ст. 534.

⁷⁹ Нечаев Н.В. Горнозаводские школы Урала (К истории профессионально-технического образования в России). М., 1956. С. 96.

⁸⁰ ПСЗ-2. Т. 2. № 1022, 1541; Т. 3. № 1776; Т. 4. № 2888, 2889, 2890.

⁸¹ ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1640. Л. 10, 20, 32, 43, 53, 72.

⁸² ГАСО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 54. Л. 57–71.

⁸³ ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1640. Л. 43, 61–68.

⁸⁴ ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1640. Л. 7 об.

⁸⁵ Штаты и основные рабочие положения горных казенных заводов хребта Уральского. СПб., 1847.

официально одобрено 31 декабря 1852 г. Согласно Положению, ученики заводских школ обязаны были учиться два года, в течение которых они осваивали Закон божий, чтение, письмо, начала арифметики и рисования, а также проходили занятия «по практическому распознаванию руд и горных пород» и линейное рисование. Лучшие выпускники заводских школ могли за казенный счет продолжить обучение в окружных училищах, программа которых была рассчитана на четыре года. Здесь изучались: катехизис, священная история, русский язык, чистописание, арифметика, начала алгебры и геометрии, черчение, рисование, география и практические упражнения в письмоводстве и счетоводстве. Специальные занятия включали ознакомление детей с рудами, породами, минералами, моделями горнозаводских устройств и машин, а также еженедельные посещения заводских цехов. Логически завершало систему горнотехнического образования Уральское горное училище, в программу которого были включены: всеобщая история, один из иностранных языков, черчение, рисование, основы минералогии и геогнозии, практической и горной механики, химии, геодезии, пробирного и маркшейдерского искусства. Курс обучения длился четыре года, разбитых на два двухгодичных класса.

До конца XIX в. Уральское горное училище было закрытым учебным заведением. Оно было рассчитано на обучение 60-ти казеннокоштных воспитанников, которые жили в училищном пансионе под строгим наблюдением надзирателей и обучались, помимо горной техники, армейской выправке и маршировке. Свидания с родителями им разрешались только в присутствии надзирателя дважды в неделю. Для воспитанников, «нерадивых и замеченных в каких-либо проступках», существовала целая система наказаний, включавшая порку розгами и заключение в карцер. Практические занятия учащихся проводились в цехах Екатеринбургской механической фабрики и Верх-Исетского завода⁸⁶. Могли в училище обучаться и «своекоштные» ученики. Они платили за обучение и содержание в пансионе 120 рублей в год.

Уже в первые годы реализации нового Положения, численность учащихся заводских школ, по сравнению в начале 1830-х гг., увеличилась втрое. В 1853 г., согласно рапортам горных начальников, в казенных заводских школах обучались 3358 детей, в окружных училищах – 321, в Уральском горном училище – 18⁸⁷. В частной уральской горнозаводской промышленности, которая включала к 1861 г. 78 посессионных и 53 вотчинных завода⁸⁸, какой-то особой системы образования, общего или специального, не существовало. Каждый владелец решал вопросы подготовки заводских кадров по-своему, в соответствии со своими финансовыми возможностями, целями и пониманием задач образования. Уже в XVIII в. некоторые заводчики создали в своих округах начальные школы, действовавшие по типу казенных горных училищ. Общее количество их пока не установлено, но, по упоминаниям в литературе известно, что в 1765 г. такая школа была открыта в Нижне-Тагильском горном округе Демидовых⁸⁹, в 1794 г. – в селе Ильинском графов Строгановых, в 1799 г. – при Пожевском заводе Всеволожских⁹⁰.

В первой трети XIX в. количество учебных заведений в поселках частных заводов выросло незначительно. Наиболее ранний из обнаруженных нами официальных источников по этому поводу датируется 1830 годом. Это «Дело по отношению Пермского гражданского губернатора о доставлении к нему статистических сведений по Пермской губернии на случай путешествия государя императора»⁹¹, в котором собраны сведения почти по всем частным заводам Пермской губернии (отсутствует только рапорт конторы Уинского и Шермяитского заводов). Судя по данным источника, на 85 частных заводах Пермской губернии к 1830 г. действовали всего 16 школ с общим числом учеников 586 человек. В основном это были небольшие учебные заведения (от 12 до 56 человек в каждом). Для сравнения: на 16 казенных заводах Пермской губернии в 1832 г. существовали 22 школы с общим числом учащихся 1085 человек⁹². В каждом частном горном округе, как правило, работала лишь одна школа – при главном заводе, а были и такие округа, где

⁸⁶ Уральская школа техников. Свердловск, 1972. С. 32.

⁸⁷ ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1406. Л. 1–348.

⁸⁸ Памятная книжка для русских горных людей на 1862 год. СПб., 1862. С. 11–24.

⁸⁹ Лысова О.А., Осипова Л.А. К вопросу о развитии образования на Урале в XVIII веке // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала: сб. статей. Свердловск, 1979. С.97–111.

⁹⁰ Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е гг. XVIII в. – 1861 г.): Дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 1977. С. 90.

⁹¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4416. Л. 1–168.

⁹² ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1640. Л. 1–284.

школ не было вовсе (Верх-Исетский, Рождественский, Шайтанский, Лысьвенский, Сергинский, Уфалейский).

Мизерные масштабы распространения просвещения в своих округах заводчики обычно объясняли опасением потерять нужных для производства работников. «Привыкши до 19 лет держать одно перо, едва ли годны держать топор или другой какой инструмент», – говорил об учениках своей Выйской школы Н.Н. Демидов⁹³. Боялись заводладельцы и «повреждения нравов» у просвещенных заводских жителей. «Отец иногда по суеверию и малому просвещению чего-либо не сделает, а сын, лишившись суеверия, на оное не посмотрит», – рассуждал тот же Н.Н. Демидов⁹⁴. Только в 1847 г. в вопрос об организации школ в частных имениях вмешалось государство. Было издано специальное высочайшее повеление, обязавшее пермских владельцев иметь не менее одного училища на две тысячи душ населения в местах распространения раскола⁹⁵. Это постановление, а также нужды развивавшегося производства заметно изменили положение школьного дела в частных горнозаводских округах. По данным «Статистических сведений о частных уральских заводах», составленных заводскими исправниками для канцелярии главного начальника уральских заводов, в 1859 г. в них действовали уже 86 училищ с общим числом учащихся 3534 человека, в том числе в Пермской губернии – 66 школ (2741 чел.), в Оренбургской – 15 школ (679 чел.), в Вятской, Самарской, Казанской и Вологодской – 5 школ (114 чел.)⁹⁶.

Лучшим среди частных горнозаводских учебных заведений было Выйское заводское училище Демидовых. Основанное в 1806 г. на базе Нижне-Тагильской арифметической школы, оно с самого начала своей деятельности имело расширенную учебную программу. В разные годы здесь преподавались: всеобщая и российская география, российская история, геометрия, риторика, статистика России, немецкий, французский, английский языки, черчение планов, рисование, практическая геодезия, математическая география, физика, естественная история, алгебра, механика⁹⁷. Казенные ревизоры с большим опасением относились к распространению среди крепостного населения «недозволенных» для этого сословия знаний. Об этом можно судить, в частности, по донесениям визитатора Казанского университета П.А. Словцова, который осматривал в 1828 г. школы Пермской губернии. В Алапаевском заводе, в частности, он обнаружил, что заводским детям преподают предметы, относящиеся к программе гимназий. «Понаслышке мне известно, – писал П.А. Словцов, – что подобные училища, без ведома университета, существуют в частных заводах Тагильском, Невьянском, Верх-Исетском и в других многих, несмотря на то, что в 1827 г. Лоцманов, учитель Верх-Исетского завода, показал уже пример буйства в мыслях и по высочайшему повелению был взят за разглашение анархических правил»⁹⁸.

Оценка чиновником противоправных поступков Андрея Лоцманова, пытавшегося создать на Урале некое сообщество «сподвижников свободы», напоминавшее масонские организации, весьма показательна: именно опасность воспитания подобных «анархических» мыслей более всего пугала правительство и оправдывала его ограничительные меры в отношении частных школ. Во многом в силу этих причин в 1842 г. все частные заводские училища Урала были переданы в ведение министерства народного просвещения. Еще до принятия этого решения правительство обязало уральских промышленников ограничить учебный курс их заводских школ программой приходского училища. Исключение сделали лишь для Выйского училища. Положением от 14 ноября 1839 г. его приравнивали к рангу уездных, однако программу общеобразовательных дисциплин не дотянули даже до этого уровня. В 1840-е гг. нижнетагильские дети изучали, помимо начальных предметов приходской школы, лишь геометрию, черчение планов, рисование, пение и музыку. Все специальные предметы были заменены общим курсом механики и горнозаводского искусства⁹⁹.

В 1848 г. программа обучения в трехклассном Выйском училище была несколько расширена. По распоряжению владельца, был разработан новый Штат учебных заведений в Нижне-Тагильском горном округе, согласно которому в Выйском училище был создан четвертый «высший практический» класс. Здесь стали преподавать дисциплины дополнительного курса, разрешен-

⁹³ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 422. Л. 163.

⁹⁴ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 422. 179 об.

⁹⁵ Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1875. С. 367.

⁹⁶ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 320. Л. 1–248.

⁹⁷ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 703. Л. 14.; Д. 743. Л. 12–15 об., 21, 54–59, 66–71.; Д. 758. Л. 163.

⁹⁸ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2506. Л. 38.

⁹⁹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 946. Л. 21 об, 97–113 об.; Д. 1029. Л. 135; Д. 1170. Л. 72–76.

ного школьным Уставом 1828 г. Выйское училище было закрытым учебным заведением. Штатные ученики жили в пансионе при училище, находясь на полном обеспечении Демидовых, домой они отпускались только в воскресные и праздничные дни. Принимались на обучение дети заводских служащих. Для рабочих семей делались исключения лишь в случае выдающихся способностей их детей или заслуг самих родителей перед заводами. Расходы Демидовых на содержание Выйского училища составляли от 20 до 26 тысяч рублей в год¹⁰⁰.

Выпускники высших государственных специальных учебных заведений в дореформенный период на службу в частные округа нанимались редко. В 1859 г., судя по «Статистическим сведениям о частных уральских заводах», там состояло всего 12 отставных горных инженеров и чиновников¹⁰¹. Военизированная горная служба привязывала инженеров к казенным заводам, давая им массу льгот и привилегий, наиболее значительной из которых был принятый в горном ведомстве порядок назначения пенсий. Если гражданские служащие получали право на пенсию в размере половинного жалованья после 25-ти, а полного – после 35-ти лет службы, то горный чиновник имел половинное жалованье в пенсию после 20-ти, а полное – после 25-ти лет службы¹⁰². Одним из условий выслуги пенсии была непрерывность горной службы. Сложились целые династии инженеров, которые в продолжении нескольких поколений служили на уральских заводах (Иосса, Гразгофы, Грамматчиковы и др.).

Противоречие между гражданским характером труда горных инженеров и полувоенной организацией их службы стало предметом обсуждения в правительственных комиссиях 1850-х гг., в результате чего были приняты важные решения, изменившие правовое положение инженерной службы. С 1867 г. она перестала считаться военной. Горные инженеры были освобождены от военных чинов и мундиров, строгой субординации и дисциплины. Их участие в частной промышленности после этого значительно увеличилось.

2.2. ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ «ПРОМЫШЛЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ» В РОССИИ В ПОРЕФОРМЕННОЕ ВРЕМЯ

Буржуазные реформы 1860–1870-х гг. существенно изменили и картину профессионального образования в стране в целом. Исследователи отмечают активное включение в дело его развития органов местного самоуправления, благотворительной и педагогической общественности, что принесло свои положительные плоды. Количество профессиональных учебных заведений в стране быстро росло. Правительство, ориентируясь на европейские государства, уделяло особое внимание развитию промышленного образования. Сам термин «промышленное образование» впервые появился во Франции в 1863 г., его ввел в употребление министр образования В. Дюрюи при обсуждении реформы средней школы. Франция дала начало и практике международного обсуждения вопросов подготовки специалистов. В 1886 г. во французском городе Бордо впервые состоялся Международный конгресс по вопросам технического, промышленного и коммерческого образования, где собрались предприниматели, педагоги, государственные и общественные деятели разных стран. Они признали, что усиление конкуренции на мировом рынке придало проблемам развития промышленного образования международное значение. Делегатом от российского правительства на конгресс был направлен действительный статский советник П.А. Мясоедов, служивший в министерстве народного просвещения. После возвращения домой он составил и передал вышестоящему начальству отчетную записку¹⁰³, которая позволяет оценить понимание российской бюрократией конца XIX в. наиболее важных проблем развития технического образования и тех решений, которые оно считало возможным позаимствовать из опыта других стран. Начал свою записку П.А. Мясоедов с весьма скептической оценки уровня организации конгресса, который собрался в Бордо по инициативе местного Филоматического общества. Эта общественная организация, по сведениям чиновника, была создана во французском городе в 1808 г. с целью

¹⁰⁰ Черноухов Э.А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского горнозаводского округа Демидовых в XIX веке. – Екатеринбург, 2011. – С. 92–98.

¹⁰¹ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 320. Л. 1–248.

¹⁰² Проект Горного положения. СПб., 1806. Ст. 584–590.

¹⁰³ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 121.

«распространения среди населения полезных знаний», в чем добилась весьма заметных успехов. В течение 80 лет она учредила 50 различных курсов для работающих мужчин, женщин и подростков, основала высшее коммерческое училище в Бордо, устроила несколько выставок по различным отраслям промышленности. Поэтому французское правительство одобрило инициативу Филоматического общества и взяло на себя приглашение к участию в конгрессе других государств. Откликнулись представители России, Англии, Италии, Румынии, Бельгии, Испании, Сербии, Швейцарии и Австралии. Общее количество участников конгресса превысило 500 человек.

Представительный состав собрания, однако, не смог всесторонне обсудить все поставленные в программе вопросы, главной причиной чего, по мнению П.А. Мясоедова, было то, что «инициатива созыва и подготовка конгресса принадлежали не Правительству, а частному обществу, хотя и воодушевленному наилучшими желаниями, но не обладающему достаточными для исполнения сего личными и материальными средствами, а в особенности не имеющему опытности в сложной организации международных конгрессов»¹⁰⁴. Бюро конгресса слишком поздно отправило участникам приглашения, не распределило заранее темы выступлений, не подготовило ведущих докладов, которые заключали бы в себе проекты соображений по основным вопросам и могли бы составить предмет обсуждения. Эти заключения чиновника в отчетной записке, впрочем, лишь подчеркивали значимость участия в конгрессе самого П.А. Мясоедова, который выступил с обстоятельным докладом, рассказав об истории профессионального образования в России и его современном положении.

Доклад вызвал большой интерес у участников собрания и, по предложению английского представителя Филиппа Магнуса, они даже решили обратиться к правительству России с предложением принять следующий международный конгресс в 1888 г. в Санкт-Петербурге. П.А. Мясоедов считал это предложение признанием заслуг его страны в развитии профессионального образования, а также «желанием видеть Россию, весьма мало известную в Европе, но всех интересующую». Организацию будущего конгресса в нашей стране чиновник считал весьма полезным и практически значимым мероприятием. В своей записке он писал: «Назначение же собраний с целью публичного обсуждения тех или других научных и утилитарных вопросов, могущих иметь непосредственное практическое применение, считалось везде и признается до сих пор во всех странах самым действительным средством для возбуждения интереса жителей данной страны или местности к какому-либо новому делу или для оживления деятельности там, где она ослабляется. В России, в которой публичные съезды вообще, а в особенности международные составляют весьма редкое явление, можно с тем большею уверенностью ожидать серьезного воздействия и действительного результата»¹⁰⁵.

Известность нашему отечеству, по мнению П.А. Мясоедова, принесло участие некоторых российских учебных заведений в международных выставках. В частности, как он пишет, изделия, отправлявшиеся туда Московским императорским техническим училищем, «поражали всех своим отчетливым, точным и изящным выполнением». Добавим, что успех этого учебного заведения во многом объяснялся разработанной там уже в 1860-х годах методикой систематического обучения ремеслам. Автор этой методики инженер-механик Д.К. Советкин предложил обучать учеников не изготовлению изделий, а приемам и операциям, из которых складывается процесс труда, придерживаясь строгой последовательности по возрастающей степени их сложности. Операционная система производственного обучения была впервые продемонстрирована на Всероссийской мануфактурной выставке в 1870 г., после чего широко распространилась в русских технических школах. В 1873 г. «русский метод» впервые показали на Всемирной выставке в Вене, затем в Филадельфии, Париже, Лондоне, Антверпене, Чикаго и везде он имел большой успех.

Систему Д.К. Советкина анализировали в своих научных трудах американские профессора Джон Ранкл и Чарльз Беннет, изучал англичанин Вильям Мефер. Для осмотра учебных мастерских в Московское техническое училище неоднократно приезжали многочисленные представители школ, ученых обществ и промышленных компаний Запада. Прямым результатом выставки

¹⁰⁴ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 121. Л. 263 об.

¹⁰⁵ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 121. Л. 274.

в Филадельфии, по мнению Чарльза Беннета, было не только открытие Школы механических искусств при Массачусетском институте в Бостоне, но и широкое распространение по всей американской территории повышенных школ ручного труда. «Русская система» была также принципиально одобрена для школы ручного труда в Вашингтонском университете. Операционную систему производственного обучения признали специалисты Англии, Франции, Германии¹⁰⁶.

Отметив в своей отчетной записке сложности в организации Бордосского конгресса, П.А. Мясоедов признал, что собрание специалистов смогло решить «основной, исходный для всего дела технического образования вопрос, вызывавший до сих пор разногласие в литературе этого предмета, именно: может ли школьная мастерская подготовить промышленного ученика и заменить в отношении к этой подготовке частные промышленные и ремесленные заведения, а соответственно сему, желательна ли распространение училищ с мастерскими для практического обучения мастерству, или же профессиональные школы для рабочих должны быть исключительно теоретическими, для сообщения общих и прикладных знаний с предоставлением практической подготовки к промышленной деятельности фабрикам, заводам и частным мастерским»¹⁰⁷. Вопрос о предпочтительности организации практического обучения в школе или на фабрике вызывал в то время большие разногласия и в России.

Обсуждению этого вопроса на конгрессе было посвящено два из пяти заседаний отделения по промышленному образованию. Дебаты по нему, как пишет П.А. Мясоедов, были весьма горячими и в высшей степени интересными, так как на них присутствовали и педагоги, и чиновники, и предприниматели, и представители рабочих и ремесленных корпораций и синдикатов (бывших цехов). Именно предприниматели и сами рабочие убедили участников конгресса в том, что крайне ошибаются те, кто думает, что в настоящее время сама промышленность в состоянии подготовить для себя достаточное количество рабочих: из-за расширившегося разделения труда пришедшие на производство ученики не в состоянии понять сущность всего производственного процесса, как это было ранее, в ремесленной мастерской. Они осваивают лишь мизерную часть рабочих функций и, в случае необходимости, не в силах заменить мастеровых, занятых на другом участке.

Сами же рабочие не слишком заинтересованы в налаживании производственного обучения, так как приставленные к ним ученики отнимают много времени, а введенная уже почти везде «задельная плата» заставляет участников трудовых коллективов «напрягать свои усилия, чтобы не отстать от других, то есть не дать себя опередить соперникам по той же отрасли». Хозяин фабрики, вследствие огромной конкуренции, тоже хочет иметь уже подготовленных работников и у него нет желания и возможности заниматься с учениками. От производственного обучения его отталкивает сложившаяся практика нарушения учениками условий контракта, подготовленные рабочие могли в любое время перейти к другому хозяину, если рассчитывали получить у него большее вознаграждение.

Участники конгресса пришли к общему выводу о необходимости организации практической подготовки учеников не на рабочем месте, а в школьных мастерских. Важным аргументом в пользу такого решения, помимо прозвучавших доводов предпринимателей и членов рабочих синдикатов, стало понимание участниками съезда требований постоянно усложнявшегося производства, которое нуждалось в исполнителях и руководителях с достаточно высоким уровнем технических знаний, умственным развитием и личной инициативой, чего нельзя было приобрести ни в каком «исключительно практическом промышленном деле». Вывод конгресса гласил, что сложилась «необходимость для правительств всех стран и для общественной и частной в них предприимчивости приложить самые серьезные и настойчивые усилия к достижению иной, более доброкачественной подготовки деятелей, требующихся как для преуспевания промышленности, так и для общего развития и усовершенствования народной производительности». Французские и английские участники конгресса приводили сведения о конкуренции между английской, немецкой и французской промышленностью, в результате которой Англия и Германия, уделявшие больше внимания повышению теоретического и практического образования рабочих и ремесленников, начали теснить Францию с рынков, которые издавна ей принадлежали.

¹⁰⁶ Веселов А.Н. Профессионально-техническое образование в СССР: Очерки по истории среднего и низшего профтехобразования. М., 1961. С. 85–91.

¹⁰⁷ Веселов А.Н. Профессионально-техническое образование в СССР... С. 264.

Этот тезис действительный статский советник П.А. Мясоедов считал одним из определяющих для широкого участия нашего правительства в развитии профессионального образования. Записка содержит соображения чиновника о педагогических принципах правильной подготовки учеников в специальных училищах. Успеха, по его мнению, можно было достичь посредством организации обучения на основе программ разумного сочетания теоретического и прикладного знания, а также практических занятий. «Отличие старых, повсеместно забракованных рутинных рукодельных или ремесленных школ от подобных заведений новейшего типа, вполне оправдавших себя на практике, – писал он, – состоит в том, что, во-первых, занятия мастерством вводились как бы случайным придатком к общеобразовательному классному преподаванию, без всякой внутренней с ним связи и без присоединения некоторых прикладных знаний, необходимых для уяснения самой техники ремесла; во-вторых же, в новейших школах главная цель теоретического классного обучения состоит в ознакомлении учеников с основными началами непосредственно относящихся к изучаемым рукодельям прикладных наук, дающих сознательное понятие о причинах и условиях всех употребляемых в мастерстве приёмов, орудий, материалов»¹⁰⁸.

Разумно выработанный курс и учебный план учебных заведений, как считал П.А. Мясоедов, позволял учащимся за три-четыре года стать более сведущими и развитыми, а, через несколько месяцев после поступления в промышленное заведение, и более опытными работниками, чем люди без специального образования. Доказательством тому чиновник считал опыт деятельности промышленных школ в Гавре и Париже, представленный участникам конгресса. Практическая подготовка, налаженная в этих школах, вызывала полное доверие у владельцев местных ремесленных и фабричных заведений, которые охотно принимали выпускников учебных заведений к себе на работу, причем с оплатой, более высокой, чем у необразованных рабочих. С Парижской промышленной школой действительный статский советник П.А. Мясоедов был знаком лично. В 1880 и 1882 г. он посещал её во время зарубежных командировок, куда направлялся специально для того, чтобы осмотреть лучшие школы для рабочих в Бельгии и Франции.

Вместе с тем, чиновник поддерживал и вывод, прозвучавший на заседаниях отделения конгресса по промышленному образованию, о том, что непосредственное учреждение средних и низших профессиональных школ должно принадлежать не правительству, а «частному и общественному почину». Государство же должно оказывать в этом деле лишь материальную и нравственную поддержку, а также открывать образцовые типы практических ремесленных учебных заведений «для указания частной предприимчивости пути, по которому она может следовать». Отделение конгресса по промышленному образованию признало, что устройство и содержание школ, подобных Гаврской и Парижской, стоит довольно дорого, поэтому их создание будет длительным процессом.

В начальный же период широкую ремесленную подготовку можно осуществлять за счет введения обучения ручному труду, рисованию и черчению во всех начальных школах, а также расширения практики организации вечерних и воскресных курсов для рабочих. На курсах рабочие смогут получить общее образование и познакомиться с наиболее необходимыми прикладными науками, а также приучиться в ходе практики к аккуратной ручной работе. Отделение конгресса по промышленному образованию особо оговорило пожелание, чтобы законодательства всех стран установили обязательность обучения ручному труду в начальных школах всех ступеней, что уже предписано французскими законами. Кроме того, участники отделения посоветовали снабдить школы техническими руководствами и сочинениями, а также коллекциями предметов, касающихся промышленности и торговли, а при промышленных и ремесленных учебных заведениях – учредить комитеты или советы из числа местных промышленников, торговцев и рабочих. Работодатели могли бы посещать занятия, присутствовать при переходных и выпускных экзаменах и, наконец, способствовать распределению выпускников учебных заведений.

П.А. Мясоедов поддерживал убеждение большинства участников конгресса в том, что программы специальных учебных заведений должны быть приспособлены к потребностям местной промышленности, а правительствам нужно принять неотложные и решительные меры к усовершенствованию и развитию на правильных и современных началах всех видов народной про-

¹⁰⁸ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 121. Л. 272 об.

изводительности, «каких бы пожертвований это ни стоило государству»¹⁰⁹. Один из таких видов народного производства чиновник видел в кустарной промышленности, которая была широко развита у нас до реформы 1861 г., когда помещики-землевладельцы стремились изготавливать у себя дома большую часть необходимых изделий. Он пишет, что в деревнях тогда не ощущалось недостатка в знающих ремесленниках, они посылались для обучения к лучшим ремесленникам или в заводские цеха, а после реформы такая практика стала совершенно невыгодной. Дворяне смогли приобретать товары в столицах или даже за границей, чему способствовало развитие железнодорожного сообщения. В результате прежние мастеровые «перемерли или разбрелись», а нынешние «находятся в совершенно беспомощном положении, не будучи в состоянии предпринять что-то самостоятельное»¹¹⁰.

П.А. Мясоедов был уверен в том, что изменить существующее положение «близкого окончательного разорения трудящегося населения» нельзя без широкого распространения, с одной стороны, начального общего образования, а с другой – технических, прикладных и практических знаний. Весьма полезной, с этой точки зрения, он считал деятельность Общества улучшения народного труда, которое было создано в 1881 г. и завязало отношения более, чем с 4000 местными учреждениями и техническими деятелями. Общество убеждало их заняться устройством разного рода профессиональных школ и постепенно формировало в общественном мнении убеждение о необходимости широкого распространения в стране среднего и низшего технического образования. По сведениям министерства, к 1886 г. у нас действовали четыре высших технических и три высших сельскохозяйственных учебных заведения, семь сельскохозяйственных училищ, а также девять среднетехнических учебных заведений. Кроме того, работали 22 низшие казенные и частные лесные школы и училища земледелия и садоводства, 50 низших ремесленных специальных школ и около 1500 ремесленных отделений, курсов и классов, присоединенных к разного рода городским и сельским народным училищам. Этих учебных заведений, по мнению чиновника, было слишком мало для государства с более, чем стоимиллионным населением. К тому же, при неумелости учредителей и недостатке опытных учителей, они не могли оказать сколько-нибудь заметного влияния на положение местного хозяйства¹¹¹.

Большую роль в решении этой проблемы, по мнению П.А. Мясоедова, должна была сыграть реализация закона, который давал бы единые требования к устройству учебных заведений, их оборудованию и учебным программам. Разработанный к этому времени в «Общий нормальный план промышленного образования в России» чиновник считал одним из наших преимуществ в соревновании с другими странами, но в то же время предупреждал, что законодательное регулирование деятельности школ наложит на правительство ответственность за их успехи. «Пока организация ремесленных и других подобных школ зависела исключительно от усмотрения их местных учредителей (как это было до сих пор), с утверждением лишь составленных ими уставов местными же правительственными органами, – писал он, – испытываемые сими заведениями неудачи оставались всецело на ответственности означенных учредителей или же вызывали недоверие к делу технического образования, не распространявшееся далее местной среды. Иное совсем значение получит всякая такая неудача, когда правительство в силу нового закона, примет руководство этим делом в свои руки, не ограничиваясь одним только надзором за школами, но предъявляя известные определенные требования в отношении их устройства, личного состава, способа заведования и направления деятельности»¹¹².

Действительный статский советник, правда, сомневался в том, что можно будет быстро добиться точного выполнения всех требований закона в нашей огромной стране, с малым количеством компетентных местных агентов и исполнителей, а также «вследствие предоставления, за недостатком собственных средств, осуществления сего дела добровольному общественному и частному почину, далеко у нас не окрепшему, требующему особого поощрения и даже возбуждения и потому не всегда охотно подчиняющегося предписываемым тесным рамкам». Тем не менее, в пользу и необходимости закона, «впервые устанавливающего у нас коренные начала низшего

¹⁰⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 121. Л. 271.

¹¹⁰ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 121. Л. 271.

¹¹¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 121. Л. 271 об.

¹¹² РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 121. Л. 272 об.

промышленного образования», он был уверен, предостерегая при этом чиновников от излишнего давления на общественные силы, что может «стеснить и даже охладить частный и общественный почин, на который возлагается вся надежда широкого осуществления сего живого и практического дела; оно может быть погублено в самом зародыше, если, даже вследствие какой-либо случайности от него будет требоваться одностороннее теоретическое или шаблонное устройство и направление»¹¹³.

Большое значение П.А. Мясоедов придавал правильной постановке в специальных заведениях воспитательного дела, в противоположность цехам современных заводов и фабрик, которые, по его мнению, оказывали на подростков деморализующее влияние, «превращая их в самое короткое время в нравственно и физически слабосильных и ненадежных исполнителей»¹¹⁴. Чиновник подчеркивал при этом, что круг общего образования рабочих должен быть элементарным, «без излишнего расширения кругозора простолюдина, приносящего более вреда, чем пользы»¹¹⁵. Это консервативное направление, по его мнению, господствовало в тот период во многих европейских странах.

Одной из важных целей распространения специального образования П.А. Мясоедов считал политическую стабилизацию в рабочей среде. В заключении своей записки министру он особо подчеркнул, что получение практического образования не только даст необходимые кадры промышленности, но и повлияет на повышение материального благосостояния и нравственного уровня рабочих. «Там же, где рабочие массы коснеют в невежестве, – писал он, – они впадают во все большее обеднение и нищету, служащие прямым источником умножения уголовных преступлений и разного рода политических и социальных движений, причинивших столько бед самим рабочим классам и забот правительствам всех государств. Исследование результатов, достигнутых существующими более продолжительное время ремесленными школами Бельгии среди промышленных и рабочих центров, доказывает, что ученики, кончившие курс в сих заведениях, никогда не принимали участие в повторяющихся в тех местностях весьма часто рабочих движениях»¹¹⁶.

Чиновник был уверен, что, кроме имеющегося уже опыта других стран, поспешить с созданием новых специальных учебных заведений в России заставляли еще и последние «прискорбные события» среди русской учащейся молодежи (имея в виду, очевидно, «хождение в народ» 1870-х гг.). Он писал, что необходимо дать молодым силам всех классов возможность обратиться к изучению той или другой отрасли производительного труда, «лучшего охранителя от всяких идей и отвлеченных мыслей»¹¹⁷. Впрочем, в этом убеждении чиновник, как известно, ошибся. Социально-экономические и политические условия в России и европейских странах сильно разнились, а потому избежать политической радикализации молодежи путем распространения промышленных учебных заведений правительству не удалось. Многие молодые техники и обучавшиеся на промышленных курсах рабочие оказались активными участниками революции 1905–1907 гг.

Несмотря на весьма убедительные доводы, предложение П.А. Мясоедова о созыве второго международного конгресса по техническому образованию в Санкт-Петербурге не было принято. В министерстве было решено организовать внутрироссийские съезды деятелей по техническому и профессиональному образованию для предварительного ознакомления с проблемой. Организационную работу по созыву съездов взяло на себя Императорское русское техническое общество. Первый съезд был собран им в декабре 1889 – январе 1890 г., Второй – в декабре 1895 – январе 1896 г., Третий – в декабре 1903 – январе 1904 г. Собрания деятелей русской технической школы стали заметным явлением в культурной жизни страны, на их заседаниях обсуждались не только специальные вопросы постановки профессионального образования, но и проблемы общего характера: о введении всеобщего начального образования, распространении внешкольных форм обучения рабочих, сокращении длительности их рабочего дня, улучшении гигиенических и ма-

¹¹³ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 121. Л. 273.

¹¹⁴ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 121. Л. 266 об.

¹¹⁵ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 121. Л. 261 об.

¹¹⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 121. Л. 270.

¹¹⁷ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 121. Л. 274.

териальных условий труда¹¹⁸. Участниками Первого съезда стали 13 уральских делегатов от городских дум, учебных заведений и общественных организаций¹¹⁹, Второго – 30, пермский купец Иван Иванович Любимов стал членом-учредителем этого съезда¹²⁰.

Созыв съездов деятелей технического и профессионального образования, однако, не стал традицией. Третье собрание специалистов, не закончив своих заседаний, было закрыто распоряжением петербургского градоначальника, 4 января 1904 г. участникам, без объяснения причин, приказали немедленно покинуть помещение. Объяснение столь кардинальных действий петербургских властей содержится во всеподданнейшей записке на имя императора министра внутренних дел В.К. Плеве от 5 января 1904 г., которая сохранилась в фонде Управления дворцового коменданта.

Министр так описал события, произошедшие на Третьем съезде: «4 января сего года в проходившем в здании Императорского Санкт-Петербургского университета дневном заседании по техническому и профессиональному образованию при обсуждении доклада о страховании рабочих на заявление одного из членов съезда о необходимости рабочих союзов другой член, оставшийся пока неизвестным, ответил, что никакие союзы невозможны в виду существующего в России беспорядка. Председатель секции поспешил прекратить прения. Тогда член съезда, ремесленный старшина города Кишинева Степанов, подвергавшийся в заграничной и подпольной прессах обвинениям в участии в организации избиения евреев в Кишиневе, встал для изложения своего доклада. Не успел он произнести слова, как кто-то из присутствовавших кинулся на него, схватил его и с криком «Долой, убийца! Царский палач!» вытолкнул его из зала заседания. Большинство членов X секции, которых в общем находилось в заседании до 400 человек, вскочило с мест и с криками «Долой!» бросилось за Степановым. В коридоре произошла драка, но кто-то крикнул, что появились казаки с нагайками, тогда все стремительно вбежали в зал заседания. Когда спокойствие начало водворяться, член съезда, известный по своей политической неблагонадежности, Фальборк произнес краткую речь о том, что хотя он и противник насилия, но в данном случае признает вполне естественным и законным проявление в порядочном человеке чувства негодования против братоубийцы, покровителя Кишиневского погрома и пособника администрации, принимавшей, как известно, участие в позорном деле массового избиения страдальческой нации. Председатель секции тотчас же закрыл заседание, но в зале осталось человек около трехсот, которые принялись обсуждать вопрос о предоставлении рабочим политических прав и пришли к заключению о необходимости, для достижения этих прав, нелегальных организаций». Император написал собственною рукою на этом донесении: «Экое безобразие, не умеют себя держать на серьезном собрании!»¹²¹ и поставил тем самым точку в практике проведения подобных мероприятий. IV съезд деятелей по техническому и профессиональному образованию назначили на 1913 год, но он так и не был разрешен правительством.

2.3. ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ НА УРАЛЕ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

На Урале о целенаправленной политике формирования системы профессиональных учебных заведений можно говорить, начиная с конца 1880-х гг., когда вступили в силу «Основные положения о промышленных училищах»¹²². К разработке этого документа, законодательно утвержденного императором 7 марта 1888 г., были привлечены крупные научные силы и педагоги, одним из которых был И.А. Вышнеградский – известный инженер, профессор, директор Технологического института, занявший в 1887 г. пост министра финансов. Закон впервые в нашей стране ввел понятие системы профессионально-технического образования, которая включила в себя

¹¹⁸ Очерки истории профессионально-технического образования в СССР. М., 1981. С. 59–63; Кошман Л.В. Профессиональное образование // Очерки русской культуры XIX века. Т. 3. Культурный потенциал общества. М., 2001. С. 237–238.

¹¹⁹ Съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России в 1889–1890 году. Общая часть. СПб., 1891.

¹²⁰ Съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в Москве в 1895–1896 году. Алфавитный список членов съезда со статистическими сведениями о его составе. СПб., 1898.

¹²¹ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 1. Л. 2–3.

¹²² ПСЗ-3. Т. 8. № 5057.

средние и низшие технические училища для подготовки техников, а также ремесленные школы для рабочих, которые должны были заменить традиционное цеховое ученичество. Были определены основные принципы и задачи профессионального образования производственных кадров, унифицированы учебные планы и программы специальных школ. Позднее появились «Положение о школах ремесленных учеников»¹²³ от 20 декабря 1893 г., «Положение о низших ремесленных школах»¹²⁴ от 24 апреля 1895 г., «Закон о ремесленных и технических учебных мастерских и курсах»¹²⁵ от 18 марта 1902 г., которые дополнили правовую базу функционирования системы подготовки рабочих и среднетехнических кадров.

В уральских губерниях, по подсчетам современного исследователя С.А. Климакова, к 1888 г. действовали 28 стационарных профессиональных учебных заведений разных типов и ведомств (сельскохозяйственных, медицинских, горных, технических), а также 39 ремесленных отделений общеобразовательных школ для мальчиков и 190 – для девочек. В числе промышленно-технических, помимо традиционных для Урала горных училищ, были: Ижевские оружейная (1870 г.) и ремесленная (1876 г.) школы, Кунгурское техническое училище (1877 г.), Пермское железнодорожное училище (1879 г.), Кунгурская женская рукодельная школа (1885 г.), городские ремесленные школы в Яранске (1873 г.), Малмыже (1877 г.) и Вятке (1888 г.), ремесленные училища в Оренбурге (1870 г.), Котельниче (1871 г.), Уфе (1875 г.), Ирбите (1877 г.), Бирске (1882 г.) и Елабуге (1887 г.)¹²⁶.

С началом профессионально-образовательной реформы в России число профессиональных учебных заведений на Урале многократно выросло. К 1910 г. здесь действовали 149 специальных школ, училищ и учебно-показательных мастерских (сельскохозяйственных, медицинских, коммерческих, лесных, технических, горных, художественно-промышленных), а также 38 ремесленных отделений общеобразовательных школ для мальчиков с общим числом учащихся 8643 чел., из них 7769 учеников и 874 ученицы¹²⁷. Основной упор делался на развитие низшего и ремесленного образования. В обществе того времени было распространено убеждение, что для техников на производстве особая подготовка не обязательна. Роль специалистов среднего звена могут выполнять способные мастера-практики или питомцы высших учебных заведений, только что начавшие работу. Это убеждение, кстати, поддерживал и сам разработчик закона о профессиональном образовании И.А. Вышнеградский¹²⁸. Средне-технических учебных заведений на Урале было немного. В 1917 г. к их числу относились: Уральское горное училище (1853 г.), Красноуфимское промышленное училище (преобразовано из реального в 1889 г.), Вятское сельскохозяйственно-техническое училище (1901 г.), Воткинское (1907 г.) и Златоустовское (1909 г.) механико-технические училища, горнозаводское отделение при Пермском Алексеевском реальном училище (1896 г.), Пермское коммерческое училище (1915 г.).

Статус старейшего в крае Уральского горного училища долгое время был неопределенным. Согласно Положению 1852 г., учащиеся этого специального учебного заведения, при продолжении казенной службы, имели достаточно большие перспективы. Они получали звание урядников второй или третьей статьи, а после необходимой выслуги лет – первый классный чин. Но с отменой крепостного права звание урядников на казенных заводах было упразднено, а вместе с ним исчезли и все положенные льготы. Интересы выпускников Уральского горного училища были учтены только при проведении военной реформы. В отличие от всех появившихся позднее горных школ, Уральское горное училище было причислено к разряду средних учебных заведений и, соответственно, для его воспитанников был сокращен срок военной службы. Никаких других льгот у них не осталось. Уральское горное правление неоднократно пыталось решить эту проблему, обращаясь к вышестоящему начальству с просьбами и ходатайствами, но разработка нового

¹²³ ПСЗ-3. Т. 13. № 10179.

¹²⁴ ПСЗ-3. Т. 15. № 11594.

¹²⁵ ПСЗ-3. Т. 22. № 21222.

¹²⁶ Климаков С.А. Развитие профессионального образования на Урале в 60-е гг. XIX в. – феврале 1917 г.: Дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2001. С. 55, 58; Приложение 2.

¹²⁷ В это число не включены учащиеся дополнительных отделений женских общеобразовательных школ, так как точных сведений по их количеству автор не имеет (Климаков С.А. Развитие профессионального образования на Урале в 60-е гг. XIX в. – феврале 1917 г.: Дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2001. Приложение 5).

¹²⁸ Кошман Л.В. Профессиональное образование // Очерки русской культуры XIX века. Т. 3. Культурный потенциал общества. М., 2001. С. 234.

Положения об училище затянулась на долгие годы. В начале 1880-х гг. в министерстве государственных имуществ появился проект преобразования подведомственных ему Уральского горного училища и Лисичанской штейгерской школы, но «по затруднительному состоянию в то время казначейства», он был отложен до более благоприятного времени.

Неблагоприятное положение дел в Уральском горном училище стало одной из тем обсуждения Первого съезда уральских горнозаводчиков, собравшегося в Екатеринбурге в 1880 г. Представитель Кыштымских заводов А.Д. Одинцов поднял вопрос о недостатке на производстве хороших специалистов-техников. Заводы, по его словам, «положительно не имеют хороших штейгеров, те штейгеры, которыми мы располагаем, не умеют распознавать железную руду красного цвета, а черной руды они положительно не признают. Нельзя не хлопотать, чтобы Уральское горное училище доставляло нам надёжных штейгеров»¹²⁹. В развернувшихся прениях выяснилось, что названное специальное учебное заведение испытывает большую нужду в преподавательских кадрах. Учителя, в связи с низкой заработной платой, вынуждены искать себе дополнительные доходы в других местах, в результате, как сказал А.А. Рогов, представитель заводов графа Строганова: «классы часто остаются без преподавателей, программа не выполняется»¹³⁰. При этом, правда, он отметил, что каждый год в Уральском училище за счёт графа Строганова обучается несколько мальчиков, из которых выходят «дельные второстепенные служащие», смотрители цехов.

Главный начальник Уральского горного управления И.П. Иванов, не только согласился с вышесказанными замечаниями, но пояснил, что «преподаватели не могут обойтись без посторонних занятий, так как вознаграждение не только мало, но ничтожно. Преподавание в училище составляет, поэтому, не самостоятельную службу, а добавочное занятие».

Многие выступавшие отметили, что ученикам в Уральском горном училище даётся исключительно теоретическое, а не практическое образование. Помощник окружного ревизора частных золотых промыслов Пермской губернии Е.Л. Ружицкий видел причину этого в том, что у училища не налажена связь с частными горными заводами, они «не принимают учеников даже на самые незначительные должности. Для того чтобы ученики получили практические знания, необходимо чтобы частные заводы не отказывались брать учеников на каникулы и назначали бы им за это вознаграждение. Отпускаемых от казны 12 копеек в сутки не хватает на содержание»¹³¹.

Председатель съезда, горный начальник Златоустовских заводов В.П. Протасов заверил собравшихся, что программа Уральского училища уже пересматривается и предложил владельцам частных горных заводов не только принимать у себя учеников Уральского горного училища, но и давать им средства к жизни во время практических занятий. «Это будет служить некоторой гарантией, что ученик не будет проводить праздно год практических занятий»¹³². Помимо этого, он считал необходимым выразить от лица съезда пожелание разработчикам программы, чтобы по окончании курса ученикам Уральского горного училища выдавалось свидетельство об окончании учебного заведения, а затем, по истечении года работы на заводе, на основании справки от заводоуправления – дипломы на звание штейгера, уставщика или мастера. Съезд согласился с предложением председателя.

В 1882 г., перед началом работы II съезда горнопромышленников Урала, главный начальник Уральского горного управления И.П. Иванов, разослал владельцам и управляющим частными и посессионными горными заводами письмо с просьбой сообщить, нужно ли созывать второй съезд и какие темы для обсуждения на нем можно предложить. Почти все включили в повестку дня вопрос о преобразовании Уральского горного училища. Главный начальник, однако, это предложение отклонил, он ответил, что незадолго до начала съезда этот вопрос уже был подробно проработан собравшейся в Екатеринбурге особой комиссией под его руководством, а окончательный проект преобразования училища был отправлен на утверждение в Горный департамент, поэтому надобность в обсуждении его на съезде отпадает¹³³. Однако, и этот проект в министерстве остался без движения.

¹²⁹ Труды I съезда Уральских горнозаводчиков. Екатеринбург, 1881. С. 91.

¹³⁰ Труды I съезда Уральских горнозаводчиков... С. 91–92.

¹³¹ Труды I съезда Уральских горнозаводчиков... С. 91–92.

¹³² Труды I съезда Уральских горнозаводчиков... С. 93–94.

¹³³ Журналы заседаний II съезда Уральских горнопромышленников 8–15 декабря 1882 года. Екатеринбург, 1883. С. 2.

В 1896 г. новое предложение о преобразовании Уральского горного училища в полноценное среднее учебное заведение представил управляющий учебного заведения горный инженер Н.Е. Китаев. Главный начальник горных заводов Урала И.П. Иванов поддержал эту инициативу. В апреле 1896 г. он направил объяснительную записку горного инженера в министерство земледелия и государственных имуществ. Своими предложениями Н.Е. Китаев поделился с участниками V съезда горнопромышленников Урала, который собрался в Екатеринбурге в июле 1897 г. Перед заседанием съезда председатель прочел собравшимся сообщение директора Горного департамента Н.А. Денисова о том, что на соединённом заседании Горного совета и Горного ученого комитета 23 октября 1896 г. были рассмотрены проекты положений и штаты Уральского, Лисичанского, Домбровского, Томского и Кавказского горных училищ. После оживленных прений по этому поводу участники съезда приняли решение обратиться в горный департамент с заявлением, что прежде чем директор Горного департамента утвердит представленные документы, их должны рассмотреть советы соответствующих училищ, начальники горных управлений и съезды горнопромышленников, «так как только при разностороннем и обстоятельном обсуждении и сличении различных высказанных взглядов на постановку в России среднего технического образования можно будет прийти к достаточно веским заключениям о целесообразности проектируемого положения в интересах успешной подготовки необходимых в России техников сведущих в горном деле»¹³⁴.

После этого слово взял Н.Е. Китаев. Он представил вниманию горнопромышленников свой проект Положения об Уральском горном училище, в который внес существенные изменения по сравнению с прежним Положением 1852 г. Прежде всего, управляющий считал необходимым изменить структуру училища. По Положению 1852 г. продолжительность обучения в нем составляла четыре года, но ученики были разбиты на два класса, каждый из которых имел двухгодичный курс обучения. Н.Е. Китаев считал, что эта организация обучения неудобна, так как не дает возможности ежегодно выпускать воспитанников и делать новые наборы учеников. Необходимо ввести четырехклассное обучение, распределив учащихся на два отделения: младшее в составе двух классов с преподаванием общеобразовательных и вспомогательных предметов, и старшее, которое в свою очередь разбивалось на три двухклассных разряда – горное, заводское и лесное. Следующим предложением Н.Е. Китаева было существенное расширение штатного состава училища и усиление прав его преподавателей по примеру прочих среднетехнических учебных заведений. В общепринятом порядке, по его мнению, в училище необходимо было создать педагогический совет и хозяйственный комитет, повысить классы должностей управляющего училищем и инспектора, а также ввести дополнительные штатные должности для руководителей мастерскими и лабораториями, что улучшит уровень преподавания в училище и повысит его престиж в обществе. Выпускники Уральского горного училища, наравне с учащимися других средне-технических учебных заведений должны получать аттестаты, дающие право на звание горного техника или помощника лесничего, в зависимости от выбранного разряда, а впоследствии – права личных почётных граждан¹³⁵. К проекту Н.Е. Китаев приложил предполагаемую роспись штатного состава и поурочное расписание. Главной целью училища объявлялось «доставить учащимся в нем теоретическое и практическое образование для потребностей горной и заводской промышленности»¹³⁶.

После обсуждения предложенного проекта, в котором принял участие специально приглашённый для этого директор Пермского реального училища с горнотехническим отделением М.М. Дмитриевский¹³⁷, участники съезда безоговорочно поддержали реформу Уральского горного училища и выступили с ходатайством о расширении комплекта воспитанников этого учебного заведения. Звучали высказывания о том, что два средних учебных заведения с горнозаводским курсом, в Екатеринбурге и Перми, составляют буквально каплю в море все возрастающей потребности уральских заводов и промыслов. 30–40 молодых людей, ежегодно заканчивавших эти учебные заведения, забирались заводами буквально нарасхват, а некоторые управляющие заво-

¹³⁴ Особое приложение к журналам V съезда Уральских горнопромышленников. 1897 г. Екатеринбург, 1897. С. 15–16.

¹³⁵ Особое приложение к журналам V съезда Уральских горнопромышленников ... С. 17–29.

¹³⁶ Особое приложение к журналам V съезда Уральских горнопромышленников ... С. 17–29.

¹³⁷ ГАПК. Ф. 185. Оп. 1. Д. 157. Л. 1–3.

дами зачисляли их к себе кандидатами за год до окончания курса. Вскоре после съезда, в октябре 1897 г., в Екатеринбурге была собрана комиссия под руководством главного начальника горных заводов Урала П.П. Боклевского для обсуждения изменений в Уральском горном училище. Сюда были приглашены «сведущие лица», а также представители съезда уральских горнопромышленников. Проект реформы, вместе с журналом заседаний комиссии, был отправлен в Горный департамент для ходатайства об утверждении его в законодательном порядке¹³⁸.

Мнение комиссии, очевидно, стало решающим для того, чтобы дело пустили в ход и в высших сферах. В 1901 г. министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов направил в Государственный Совет представление о расширении прав выпускников Уральского горного училища. В документе содержалась справка Горного департамента, которая сообщала, что в стране, помимо этого учебного заведения, действуют еще несколько школ для подготовки штейгеров и заводских уставщиков, это – Домбровское горное училище, Иркутское горное училище и Лисичанская штейгерская школа. По уровню предварительной подготовки и учебным программам Уральское горное училище превосходит все эти учебные заведения, но по уровню прав, предоставляемых выпускникам, заметно от них отличается. «Ученики, окончившие курс в Домбровском и Иркутском училищах и Лисичанской штейгерской школе, удостоиваются звания штейгера или заводского уставщика и по прошествии 12 лет в горных, сему званию свойственных работах на казенных или частных рудниках, получают звание личного почетного гражданина, а окончившие курс в Уральском горном училище лишь до 1861 года выпускались урядниками второй и третьей статьи и производились в первый классный чин по выслуге установленных лет, а ныне никакими правами не пользуются»¹³⁹.

А.С. Ермолов предлагал предоставить всем учащимся Уральского горного училища, в том числе и уже окончившим курс обучения, права, превосходящие уровень всех прочих горных учебных заведений. Объем преподавания в училище, по мнению министра, был близок к средним техническим учебным заведениям ведения министерства народного просвещения. Соответственно, примерно равными должны быть и права выпускников. Лиц, получивших аттестаты об окончании курса училища «с полным успехом», необходимо удостоивать звания «ученого штейгера» или «ученого уставщика» и причислять к личному почетному гражданству после 10 лет работы на рудниках или заводах. Кроме того, если ученые штейгеры или уставщики определяются на государственную службу без прав по происхождению, то они могут быть произведены в первый классный чин через пять лет, а если у них есть эти права – то на общих основаниях с выпускниками прочих средних учебных заведений.

При предварительном обсуждении в ведомствах проект А.С. Ермолова не встретил возражений. Поступили лишь несколько замечаний со стороны министра народного просвещения о том, что из наименования «ученый штейгер или уставщик» следует изъять слово «учёный», а льготы по правам государственной службы можно предоставлять только тем выпускникам училища, которые поступят на технические должности. Это мнение было принято в министерстве земледелия и государственных имуществ и представление исправили. Положительное мнение Государственного Совета о расширении прав выпускников Уральского горного училища было принято 23 мая 1901 г. и высочайше одобрено 16 июня 1901 г.¹⁴⁰

Статус училища как среднего технического учебного заведения подтвердило новое Положение об Уральском горном училище¹⁴¹, которое было принято 26 мая 1904 г. Законодательный документ изменил лишь принятые в решении 1901 г. звания выпускников училища: вместо штейгеров и уставщиков их стали именовать «рудничными техниками» или «горнозаводскими техниками». Переписка о правах учащихся Уральского горного училища, однако, и после этого не прекратилась. В феврале 1911 г. главный начальник уральских горных заводов П.П. Боклевский направил в учебный отдел Министерства торговли и промышленности отношение, в котором просил пояснить, могут ли выпускники Уральского горного училища поступать в высшие технические учебные заведения. П.П. Боклевский писал, что вопрос этот необходимо решить скорее, так как

¹³⁸ Материалы к вопросу о низших горнотехнических учебных заведениях на Урале. СПб., 1905. С. 57.

¹³⁹ РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5998. Л. 4.

¹⁴⁰ РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5998. Л. 3.

¹⁴¹ ПСЗ-З. Т. 24. № 24629.

в мае 1911 г. состоится первый выпуск воспитанников Уральского горного училища, имеющих права среднего учебного заведения, а в Положении 1904 г. нет никаких указаний о возможности их дальнейшего обучения.

Обеспокоены этим вопросом были и преподаватели училища. 10 января 1911 г. для обсуждения проблемы и составления мотивированной записки по поводу прав выпускников Педагогический совет Уральского горного училища решил создать особую комиссию. В нее вошли управляющий училищем П.И. Паутов и преподаватели А.П. Соколов, М.И. Дьяконов, П.А. Шурупов, А.К. Попов. Мнение педагогов было единодушным: хотя в Положении об училище нет указаний о возможности его воспитанникам продолжать образование в высших технических учебных заведениях, тем не менее, комиссия «находит желательным и возможным возбудить в установленном порядке ходатайство о предоставлении таких прав и об изменении в этом смысле действующего положения»¹⁴².

Причину законодательных ограничений по отношению к Уральскому горному училищу преподаватели видели в позиции их бывшего непосредственного начальника, министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова. В записке от 30 октября 1903 г., поданной в Государственный совет, о преобразовании учебного заведения министр написал, что оно имеет своей целью «дать нашей промышленности среднего техника, как ближайшего помощника инженера и самостоятельного деятеля в несложных промышленных предприятиях, не создавая, однако, из них кандидатов к получению высшего специального образования»¹⁴³. В 1905 г. Уральское горное училище перешло под начало министерства торговли и промышленности, которое, как надеялись преподаватели, будет более лояльным по отношению к их воспитанникам. Комиссия не видела особой угрозы в том, что новые правила лишат промышленность большого количества техников, так как «несомненно, что в высшие учебные заведения пойдет лишь самый незначительный процент оканчивающих курс училища как ввиду конкурса при приеме в высшие училища, так еще более ввиду скудного материального обеспечения большинства учащихся: наибольший контингент их составляют дети мелких горнозаводских служащих и даже рабочих, которые в силу своей необеспеченности вынуждены довольствоваться средним образованием»¹⁴⁴. Между тем, предоставление права на поступление в высшие технические учебные заведения, безусловно, «вызовет более ревностное отношение учеников Уральского училища к усвоению проходимого ими курса и поднимет энергию их к образованию, так как ввиду того, что высшие учебные заведения раскрывают свои двери только для лучших и более успевающих учеников, то присущее учащемуся юношеству стремление к высшему образованию как более всего желаемой ими цели, всегда служит причиной соревнования между учащимися в их заведениях»¹⁴⁵.

Докладная записка Педагогического совета поступила в учебный отдел министерства торговли и промышленности, а оттуда – к самому министру. Тот, «не признавая, в общем, желательным, предоставление воспитанникам средних технических учебных заведений права поступать в высшие специальные учебные заведения, изволил, однако, приказать, предварительно окончательного разрешения поднятого вопроса о правах окончивших Уральское горное училище, подвергнуть этот вопрос обсуждению в Горном Ученом комитете»¹⁴⁶. Нам не удалось обнаружить документов, свидетельствующих о завершении этого спора. Из литературы известно, что обсуждение затянулось и вопрос о правах воспитанников Уральского горного училища решился только в 1916 г.¹⁴⁷.

В целом, несмотря на заметный рост, система подготовки технических и рабочих кадров на Урале не удовлетворяла запросов местной промышленности. Горное образование на Урале к 1917 г. представляли единичные учебные заведения. Система горнозаводских учебных заведений, сложившаяся здесь в 1850-е гг., была нарушена с началом реформирования горного управления. В 1874 г. казенные заводы Урала перешли в ведение Министерства государственных имуществ,

¹⁴² РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5997. Л. 48.

¹⁴³ РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5997. Л. 47 об.

¹⁴⁴ РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5997. Л. 48 об.

¹⁴⁵ РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5997. Л. 48.

¹⁴⁶ РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5997. Л. 49 об.

¹⁴⁷ Веселов А.Н. Профессионально-техническое образование в СССР: Очерки по истории среднего и низшего профтехобразования... С. 30.

которое в своей учебно-образовательной деятельности уделяло основное внимание развитию сельскохозяйственных знаний. Из специальных горнозаводских уральских учебных заведений под его контроль попало лишь Уральское горное училище. Заводские и окружные школы в 1879 г. были переданы в ведение министерства народного просвещения, после чего, как с грустью отмечал в своём докладе на VII съезде горнопромышленников (1899 г.) Н.Е. Китаев, «связь училищ с интересами заводов порвалась. Преподавание за последнее время приняло совершенно иное направление и самый состав преподавателей уже не имеет отношения к заводскому делу. Такое положение вещей совершенно исключает окружные училища из числа горнотехнических школ. Стройная, вполне законченная система обучения, созданная Глинкой, разрушена и из всех его школ, имевших в виду идти рука об руку с горнозаводской промышленностью, только одно Уральское горное училище, основанное при условиях совершенно отличных от настоящих, осталось верным своей первоначальной задаче»¹⁴⁸.

Принятое по инициативе управляющего Уральским горным училищем Положение 1904 г. существенно расширило учебный курс этого учебного заведения, как в отношении общеобразовательных, так и специальных предметов. В соответствии с новым Положением, здесь преподавались: закон божий, русский язык, арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия, техническое черчение, минералогия, основные начала физики, химия с краткими сведениями из органической химии, механика, горное искусство, геодезия и маркшейдерское искусство, геология, горная и заводская механика, строительное искусство в применении к горному и заводскому делу, аналитическая химия, основные начала электротехники, пробирное искусство, металлургия металлов, обрабатываемых на Урале, химическое извлечение золота и других металлов из руд, краткие сведения о горных законах, учение о подаче помощи при несчастных случаях, а также, по желанию, немецкий и французский языки¹⁴⁹.

Н.Е. Китаев много сделал и для налаживания производственной практики учеников. Он добился увеличения ассигнований на оборудование лабораторий и мастерских, добился введения штатных должностей для их руководителей, договорился о выполнении учащимися заказов от механического завода А.А. Коробейникова. Полученную прибыль управляющий употреблял на дальнейшее расширение мастерских. Освещая деятельность Н.Е. Китаева на посту управляющего Уральским горным училищем, корреспондент газеты «Уральская жизнь» писал: «Поколения, прошедшие китаевскую выучку в лаборатории и мастерских, знали, как надо работать. В уральскую каменную грудь китаевская школа направила железную лопату в искусных руках. Китаевский ученик не был белоручкой. Не был он оторван и от общественной жизни: весельчак, танцор, театрал – он знал делу время, а потехе час. Не мудрено, что горное училище времен Н.Е. Китаева, прививавшее своим ученикам дух просвещенной деловитости, заслуженно пользовалось доброй репутацией на уральских заводах, а его ученики нарасхват приглашались на службу и с успехом заменяли патентованных инженеров»¹⁵⁰.

Близким по курсу к Уральскому горному училищу было горнозаводское отделение Пермского Алексеевского реального училища. Основание этому учебному заведению было положено в 1875 г., когда по инициативе деятелей Красноуфимского земства, с целью «поднятия производительности горнозаводского промысла в уезде», было основано Красноуфимское реальное училище. Это было шестиклассное учебное заведение, которое распалось с пятого класса на два профессиональных отделения (горнозаводское и сельскохозяйственное). В 1889 г., после начала преобразования Красноуфимского училища в соответствии с новым законом о промышленном образовании, губернатор В.В. Лукошков предложил министру народного просвещения перевести горнозаводское отделение в Пермь. После улаживания необходимых формальностей, в 1896 г. этот перевод состоялся¹⁵¹. Исследователи отмечают, что перемещение учебного заведения из уездного в губернский город положительно сказалось на его дальнейшей судьбе и, в целом, отвечало интересам края¹⁵².

¹⁴⁸ Труды VII съезда горнопромышленников Уральской горной области, бывшего 15–20 января 1899 года в г. Екатеринбурге. Екатеринбург, 1899. С. 208–209.

¹⁴⁹ ПСЗ-3. Т.24. № 24629.

¹⁵⁰ Памяти Н.Е. Китаева // Уральская жизнь. 1911. № 264. 6 декабря.

¹⁵¹ ПСЗ-3. Т.16. № 12562.

¹⁵² Климаков С.А. Развитие профессионального образования на Урале в 60-е гг. XIX в. – феврале 1917 г. ... С. 177.

Сложную судьбу в пореформенный период имело Выйское училище Демидовых. В условиях продолжительного экономического кризиса заводовладельцы отказались от многих своих патерналистских обязательств, в том числе и по отношению к образованию заводских служащих. В 1862 г. Выйское училище было переведено в поселок Нижнетагильского завода, ему присвоили новое название – Нижнетагильское реальное училище. Положение об обучении в этом учебном заведении министр народного просвещения утвердил 11 июля 1862 г. Новое Положение изменило структуру училища. Вместо прежнего четырехлетнего курса обучения в нем был введен шестилетний, при этом учащихся разбивали на три двухгодичных класса. В первых двух классах преподавались общеобразовательные предметы – закон божий, русский язык, российская словесность, математика, история, география, физика, зоология, основы естествознания, рисование и черчение. Третий, специальный класс, содержал два отделения – топографически-лесное и механическое, в которых изучали геометрию, механику, металлургию, ботанику, геодезию, лесоводство, минералогию, маркшейдерское искусство, черчение, химию, горнозаводскую бухгалтерию и «учение о стройматериалах». Из закрытого училища превратилось в открытое, за плату сюда пустили обучаться детей из посторонних горнозаводских округов. В 1874 г. образование было специализировано на более узкие направления. В третьем классе выделили металлургическое, механическое, бухгалтерское и топографическое отделения, учеников топографического отделения к тому же на второй год обучения разделяли еще на два курса – геодезическое и лесное. В летние «вакаты» воспитанники Выйского училища занимались лесной и маркшейдерскими съемками, изучали на фабриках металлургические процессы, осматривали рудники и прииски. К началу учебного года они готовили письменные отчеты о своей практике и сопровождали их грамотно выполненными чертежами. Все эти преобразования позволили заводовладельцам сократить расходы на училище почти в два раза, с 20 382 рублей по Штатам 1848 г. до 11 260 рублей серебром в год¹⁵³, но и этих денег часто не доставало.

В 1882 г. решено было привлечь в помощь учебным заведениям округа частные и общественные средства. В заводском поселке был создан Попечительный совет, в который вошли наиболее уважаемые служащие заводов. Через несколько лет, после смерти в 1885 г. П.П. Демидова (проигравшего незадолго до этого в казино 600 тысяч рублей и поставившего заводы на грань банкротства) опекуны и наследники в целях экономии решили отказаться от содержания заводских школ и училищ. Управляющему Нижнетагильскими заводами В.А. Грамматчикову с большим трудом удалось убедить их сохранить учебное заведение при условии, что в его пользу будут ежемесячно вычитаться из жалованья рабочих и служащих по 1,5 процента. В 1896 г. Нижнетагильское реальное училище было реформировано в соответствии с Основными положениями о промышленных училищах (1888 г.). Учитывая уровень преподавания, В.А. Грамматчиков предложил реорганизовать учебное заведение в среднетехническое. Однако попечитель учебного округа в ответ на это ходатайство ответил, что по размеру своего бюджета оно подходит лишь под устав низших горных школ.

Устав 1896 г. вновь изменил наименование учебного заведения. Нижнетагильское реальное училище было преобразовано в горнозаводское училище с четырехлетним сроком обучения и последующей одногодичной практикой¹⁵⁴. По продолжительности обучения и программе Нижнетагильское горнозаводское училище было максимально приближено к среднему техническому учебному заведению, но никаких льгот своим воспитанникам не давало. Здесь преподавались: закон божий, математика, начало алгебры, геометрия и тригонометрия, физика, химия неорганическая и аналитическая, металлургия, горное и маркшейдерское искусство, минералогия и геогнозия, лесоводство с небольшими сведениями по естествознанию, топография, механика, начало строительного искусства, проекционное и техническое черчение и рисование, горнозаводское счетоводство, правила о начальной помощи при несчастных случаях. В 1911 г. опекунское правление Демидовых окончательно прекратило содержание учебного заведения. Оно продолжило свое существование на деньги губернского и уездного земства, что имело и свои положительные

¹⁵³ Черноухов Э.А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского горнозаводского округа Демидовых в XIX веке. Екатеринбург, 2011. С. 148–153.

¹⁵⁴ ПСЗ-3. Т. 16. № 12517.

стороны. В 1916 г. новые руководители училища добились присвоения ему официального статуса среднетехнического учебного заведения¹⁵⁵.

Низшим к этому времени на Урале осталось лишь одно горное училище. Оно было открыто в 1884 г. в поселке Турьинские рудники Богословского горного округа по инициативе известного горного инженера и изобретателя Александра Андреевича Ауэрбаха. Горный инженер был приглашен на Богословские заводы Опекунским управлением над детьми, имуществом и делами умершего владельца округа С.Д. Башмакова сначала в качестве консультанта, а затем, с 1881 г. и управляющего округом¹⁵⁶. Этот пост он занимал в течение 15 лет, проведя большие работы по улучшению технического и хозяйственного состояния округа. Отдаленное расположение заводов и сопряжённые с этим трудности в найме на работу служащих побудили А.А. Ауэрбаха к созданию в округе собственной горнотехнической школы. В 1882 г. он представил свои соображения Опекунскому правлению и получил его согласие на ежегодное выделение проектируемому училищу не менее 3000 рублей¹⁵⁷. Местное сельское общество, которое хлопотало в то время об учреждении в поселке двухклассного народного училища, с пониманием встретило предложение А.А. Ауэрбаха о создании собственной горнотехнической школы. На сельском сходе, бывшем 30 мая 1882 г., состоялся приговор, подписанный 323 домохозяевами, которым Турьинское сельское общество обязывалось построить дом достаточной вместимости, как для классных и других учебных помещений, так и для квартиры заведующего училищем. Было принято решение, что это учебное заведение будет называться – Турьинское горное училище. Министерство народного просвещения поддержало предложение об учреждении частного училища, сомнения чиновники высказали лишь в том, достаточно ли будет средств для содержания учебного заведения и найдутся ли желающие в нем учиться, программа училища показалась им слишком обширной. На эти замечания А.А. Ауэрбахом был дан замечательный ответ, что «при частном ведении дела руководствуются не исключительной сметой, но действительными потребностями, и что он готов увеличить ассигнования до 4000 рублей»¹⁵⁸.

В 1884 г. Богословский горный округ был продан Надежде Михайловне Половцовой, приемной дочери и наследнице известного банкира барона А.Л. Штиглица. Новая владелица поддержала действия управляющего по открытию в округе собственного горного училища. А.А. Ауэрбах сам составил проект устава учебного заведения и отправил его на рассмотрение в Санкт-Петербург. Официальное открытие Турьинского горного училища состоялось 24 октября 1884 г. С началом профессионально-образовательной реформы устав училища был изменен в соответствии с Основными положениями о промышленных училищах 1888 г. Государственный Совет одобрил новое Положение о Турьинском училище 14 декабря 1889 г. В нем говорилось, что «горное училище, учрежденное в селе Турьинские рудники Верхотурского уезда Пермской губернии, имеет целью образование сведущих в горном деле мастеров и подмастерьев; принадлежит к числу частных технических училищ низшего разряда и состоит в ведении попечителя Оренбургского учебного округа; помещается в здании, построенном для него Турьинским сельским обществом и содержится за счет средств, отпускаемых в размере 4000 рублей ежегодно управлением Богословского горного округа; в училище принимаются дети обывателей Богословского горного округа и служащих в нем, в возрасте не старше 14 лет, имеющие познания в объеме не ниже курса одноклассного сельского училища; обучение в училище происходит бесплатно»¹⁵⁹.

Было определено, что училище будет состоять из четырех классов, из которых два первых – общеобразовательные, а два последних – специальные. Ученики, успешно окончившие полный курс наук в училище, должны были выбрать свою будущую специальность – горную или заводскую, и после этого проходить на рудниках или заводах дополнительный двухлетний практический курс, заключающийся в изучении всех видов работ, относящимся к избранной ими специальности. После окончания практики, ученики должны были представить в училище удостоверение от управителя рудника или завода о том, что они, производя в течение двух лет все

¹⁵⁵ Климаков С.А. Развитие профессионального образования на Урале в 60-е гг. XIX в. – феврале 1917 г. ... С. 177–178; Успехи разума: Исторические очерки / В.Н. Телков, А.Г. Коряков. Т. 1: Педагогика по-демитовски. Екатеринбург, 2005. С. 26–27.

¹⁵⁶ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 929. Л. 331.

¹⁵⁷ Ауэрбах А. Горные училища низшего разряда // Горнозаводской листок. 1890. № 3. С. 1–2.

¹⁵⁸ Исторический очерк Турьинского горного училища // Уральский техник. 1910. № 3. С. 51.

¹⁵⁹ ПСЗ-3. Т. 9. № 6437.

возлагавшиеся на них работы, приобрели надлежащие знания в их производстве. Только после этого Советом училища выдавалось свидетельство об окончании училища. В целом, общий срок обучения составлял шесть лет.

В училище преподавались следующие предметы: закон Божий, русский язык с чистописанием и церковнославянское чтение с переводом на русский язык, арифметика, начала алгебры, геометрия, география, история, сведения из естественной истории, физика, черчение и рисование, проекционное черчение, геодезия и маркшейдерское искусство, геогнозия и горное искусство, химия и металлургия, счетоводство, правила подачи первой помощи при несчастных случаях. Сверх классного обучения, ученики занимались практическим изучением различных ремесел – столярного, кузнечного, слесарного и литейного в мастерских Богословского медеплавильного завода; горными работами – непосредственно в рудниках и заводскими работами – так же на заводе, и кроме того – съемкой поверхностных и подземных планов.

Ученики, получившие свидетельства об успешном окончании полного курса училища, пользовались льготой по отбыванию воинской повинности, положенной для учебных заведений третьего разряда. Общий срок службы в сухопутных войсках в конце XIX в. определялся в 15 лет, из которых шесть лет действительной службы и девять лет в запасе. Если же призывник окончил курс учебных заведений третьего разряда, то срок действительной службе сокращался до трех лет, но служба в запасе армии увеличивалась до двенадцати лет¹⁶⁰.

Управляющий Богословским округом, его жители и владельцы всегда были в курсе всех дел внутри училища и оказывали ему всестороннюю помощь, понимая значение подготовки будущих кадров для развивающихся предприятий. К 1900 г. ежегодное содержание Турьинского училища увеличилось до 9 тысяч рублей. Владелец Богословского округа А.А. Половцов приобрел и подарил училищу оборудование для физического кабинета, значительно увеличив тем самым число учебных пособий. В 1898 г. по постановлению Турьинского сельского схода и с разрешения управления округа училище было переведено в новое здание, которое представляло собой каменный двухэтажный дом, общей площадью в 350 квадратных сажен (1575 кв. м). Училище было прекрасно оснащено. При нем действовали: минералогический кабинет, содержащий 258 минералов и 300 образцов горных пород; химический кабинет, где имелась возможность демонстрировать разные опыты; лаборатория, где ученики под руководством преподавателя проводили определение металлов мокрым и сухим путём; физический кабинет с 200 приборами¹⁶¹. Кроме того, в зале стояли 115 моделей, которые позволяли учащимся изучать кристаллографию. Музей горных наук собрал около 60 моделей, показывавших различные горные и заводские работы. Учебная и фундаментальная библиотека училища имела около одной тысячи томов¹⁶². В 1901 г. Богословское Общественное собрание приобрело кинематографический аппарат и давало сеансы с целью предоставления своим членам, то есть рабочим, служащим и их детям, полезного и разумного развлечения по вечерам в воскресенье и праздничные дни. Для учеников местных школ и Турьинского горного училища устраивались особые сеансы с учебными программами. Киноленты для этого специально выписывались у кинопрокатных компаний из Петербурга, Москвы, Харькова, Стокгольма, Парижа. Так что, воспитанники училища могли приобщаться к новинкам культуры самым передовым, для того времени, способом¹⁶³.

Начиная с 1902 г., администрация Богословского горного округа стала ходатайствовать перед министерством народного просвещения о переустройстве Турьинского училища в учебное заведение среднего типа и расширении прав его выпускников, но эти просьбы оставались без ответа. Руководство округа вынуждено было пойти другим путем. Оно добились переподчинения школы министерству торговли и промышленности, которое относилось к своим подопечным более либерально¹⁶⁴. Закон об этом был утвержден 9 апреля 1912 г.¹⁶⁵, но нового статуса школа так и не получила.

¹⁶⁰ ПСЗ-2. Т. 49. № 52983.

¹⁶¹ Стратонович Е.Д. Федоровский геологический музей Богословского горного округа // Ежегодник по геологии и минералогии России. 1900. Т. 4. Вып. 4. С. 81–86.

¹⁶² Исторический очерк Турьинского горного училища // Уральский техник. 1910. № 3. С. 52.

¹⁶³ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 116. Л. 4, 25, 39, 86.

¹⁶⁴ Климаков С.А. Развитие профессионального образования на Урале в 60-е гг. XIX в. – феврале 1917 г. ... С. 150.

¹⁶⁵ ПСЗ-3. Т. 32. № 36804.

Недостаток в стране средних и низших горнотехнических школ многим деятелям горного дела казался явлением совершенно ненормальным¹⁶⁶. Промышленники страны активно обсуждали его на своих съездах. В частности, вопрос «О мерах к увеличению числа служащих на частных горных заводах специалистов горного дела» был поднят на съезде железозаводчиков, который собрался в 1885 г. в Санкт-Петербурге. Участники съезда выделили два основных метода решения этой проблемы: во-первых, обращение правительством большего внимания на практическую сторону высшего технического образования и, во-вторых, увеличение в России числа второстепенных техников путём учреждения средних технических учебных заведений. Представители Горного департамента доложили собравшимся, что правительство уже приняло соответствующие меры. Буквально накануне съезда горное ведомство пересмотрело устав Горного института, причем одной из главных целей этого мероприятия было именно придание образованию горных инженеров более практического характера. А во-вторых, оно запланировало увеличение числа средних горных учебных заведений, готовящих техников. Первое из них откроется в Домброве (Царство Польское). На частных заводах и рудниках, по мнению правительства, эта проблема должна была решаться самими владельцами, которые должны были чаще приглашать специалистов горного дела на службу. Находя, при этом, что «осуществление такой меры едва ли могло бы быть достигнуто до тех пор, пока она не сделается обязательной по закону», представитель министерства государственных имуществ сообщил, что уже сделаны некоторые подготовительные работы и разрабатывается проект закона, по которому для лиц, заведующих разработкой рудников и управляющих горными заводами, будет установлен ценз в отношении их технического образования¹⁶⁷.

Закон, принятый в 1891 г., действительно ввел такой ценз для управляющих подземных разработок, но его требования были минимальными. Речь шла о необходимости представления этими служащими дипломов горных инженеров, аттестатов техников или свидетельств об испытаниях в комиссиях при окружных инженерах, к которым допускались лица, имевшее стаж работы на горнотехнических предприятиях не менее трех лет, при этом от них не требовалось никакого общеобразовательного минимума¹⁶⁸. В силу своей ограниченности, закон 1891 г. не дал какого-то стимула для дальнейшего расширения сети горнотехнических учебных заведений.

Уральские промышленники обсуждали проблемы развития среднего и низшего горнотехнического образования на V–VIII съездах в 1897–1900 гг. Современная исследовательница С.Я. Бугаева сравнила постановку вопроса об обучении техников на съездах уральских и южных горнопромышленников и пришла к интересным выводам. Она отметила, что быстро развивавшееся крупное механизированное производство Юга нуждалось в квалифицированных рабочих, поэтому программа южной буржуазии акцентировала внимание на создании школ десятников, воскресных школ для взрослых рабочих, контингента низших руководителей, близко стоявших к рабочим. На их подготовку южные промышленники авансировали достаточно большие капиталы. На Урале же большое количество мелких рудников и промыслов с незначительной механизацией и преобладанием ручного труда требовало техников, совмещавших в одном лице и руководителя, и квалифицированного рабочего, поэтому уральские промышленники на первый план выдвигали проекты создания училищ более высокого уровня¹⁶⁹.

V съезд уральских горнопромышленников, собравшийся в Екатеринбурге в 1897 г., признал необходимым открыть при разных предприятиях низшие окружные горнотехнические школы по типу промышленных училищ ведения Министерства народного просвещения¹⁷⁰. Таких училищ, по мнению управляющего Катавских горных заводов Л.Д. Тенчинского, на Урале должно быть не

¹⁶⁶ Ячевский Л. Статистика среднего и низшего горного образования в России // Горный журнал. 1911. Т. 3. № 7. С. 110–114.

¹⁶⁷ Съезд железозаводчиков в Санкт-Петербурге в 1885 году и его пожелания. СПб., 1889. С. 45.

¹⁶⁸ Бугаева С.Я. Образовательный уровень уральской интеллигенции в конце XIX – начале XX века // Народное образование на Урале в XVIII – начале XX в.: сб. науч. тр. Свердловск, 1990. С. 98.

¹⁶⁹ Дашкевич Л.А., Бугаева С.Я. Техническая интеллигенция горнозаводского Урала. XIX век. Екатеринбург, 1997. С. 84.

¹⁷⁰ Штейнфельд Н.П. Горнопромышленные съезды в Екатеринбурге // Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1898 год / Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией. Пермь, 1898. Вып. IX. С. 18.

менее 50¹⁷¹. Среди выступавших, впрочем, были и пожелания улучшить начальную подготовку рабочей молодежи, организовать на заводах и промыслах популярные технические курсы, чтобы поднять умственный уровень рабочих и снабдить их краткими теоретическими сведениями по разным специальностям горнозаводского дела¹⁷².

На следующем VI съезде в 1898 г. Совет Съездов уральских горнопромышленников, в который входили горные инженеры П.И. Замятнин (представитель Нижне-Тагильских заводов), А.И. Фадеев (представитель Кыштымских заводов) и П.М. Карпинский (представитель Кыштымских заводов), представил собравшимся проект нормального устава для окружных низших горнотехнических школ. В соответствии с уставом, школы должны были причисляться к разряду низших технических учебных заведений ведения министерства земледелия и государственных имуществ и подчиняться главному начальнику горных заводов Урала на правах попечителя учебного округа. Учебные заведения создавались либо в центре каждого округа, либо по одному при нескольких предприятиях. Курс обучения в окружных горнозаводских школах составлял три года, по одному году в каждом классе. Программа преподавания включала: закон божий, начала алгебры и геометрии, естествознание (начала физики, химии, ботаники, зоологии), краткий курс минералогии, горное искусство, каллиграфию, техническое черчение, металлургию и начала заводской механики. Для практических занятий при школах устраивались мастерские «применительно к главнейшим отраслям производства, существующим в данном округе», а в летний период учащиеся отправлялись на местные заводы, рудники и промыслы. Образовательный ценз для учащихся при поступлении в школу устанавливался на уровне двухклассного училища ведения министерства народного просвещения. За обучение предлагалось взимать оплату по 5–10 рублей в год по определению Училищного совета, при этом беднейшие ученики могли от этой платы освобождаться. Окончившим курс окружной горнотехнической школы разработчики проекта предлагали присваивать права и льготы слушателей трехклассных городских училищ.

Управлять учебными заведениями должны были попечители, эту должность занимали управляющие заводами или другие лица из горнозаводской администрации. Их образовательный ценз не оговаривался. В обязанности попечителя входило избрание на должность заведующего школой и учителей, наблюдение за хозяйственным распорядком в школе и в мастерских, а также за содержанием учеников в общежитии. Учебными делами в школе ведал Училищный совет под председательством попечителя. В него входили законоучитель, заведующий школой и преподаватели наук. Заведующий школой мог быть избран из лиц, имеющих право занимать должность учителя городского трехклассного училища или иметь образование, не ниже среднего. Преподавателями общеобразовательных предметов могли быть лица, имеющие право занимать должность учителя городского училища, а преподаватели специальных дисциплин должны были окончить курс высших или среднетехнических учебных заведений. Заведующий и преподаватели пользовались правами государственной службы наравне с учителями городских трехклассных училищ, а преподаватели специальных предметов – наравне с учителями реальных училищ. Общее содержание окружных горнотехнических школ, по подсчетам Совета Съездов, составляло 3140–3440 рублей в год, которые должны были ложиться в равных долях на казну и на заводчиков. Эта сумма включала оплату труда заведующего (900 рублей), преподавателей (1120 рублей), мастеров за руководство занятиями в мастерских (600 рублей), сторожа (120 рублей), а также расходы на содержание дома, закупку учебных пособий и материалов (от 400 до 900 рублей).

Защищая интересы казны, главный начальник Уральского горного управления П.П. Боклевский поручил управляющему Уральским горным училищем Н.Е. Китаеву разработать альтернативный проект положения о школах более «законченного типа» и их устав. Этот проект также был представлен на обсуждение съезду. Согласно плану Китаева, учебные заведения создавались «на средства владельцев одного или нескольких горнопромышленных предприятий при пособии от казны», при этом размер казенного пособия в уставе не оговаривался. Обучение в школах было бесплатным, но «учебные принадлежности ученики должны были иметь собственные».

¹⁷¹ Журналы заседаний V съезда Уральских горнопромышленников. 1897 год. Екатеринбург, 1897. С. 25.

¹⁷² Штейнфельд Н.П. Горнопромышленные съезды в Екатеринбурге... С. 19.

Образовательный ценз управляющих горнозаводскими школами и их преподавателей в проекте Н.Е. Китаева был выше, чем предложенный Советом Съездов. Директор школы, должность которого занимал управляющий округом, должен был иметь полный курс образования в одном из высших учебных заведений страны. Если у него такого образования не имелось, должность директора мог занять другой служащий округа. Внутри школы начальником назначался инспектор, который должен был иметь образование не ниже уровня среднетехнического и, к тому же, «опытность предыдущей практической деятельности». Преподаватель-техник избирался из лиц, окончивших курс Уральского горного училища или другого среднетехнического учебного заведения. Среднее образование обязаны были иметь также и преподаватели общеобразовательных дисциплин.

Специально в проекте устава были оговорены права преподавательского состава. По мнению Н.Е. Китаева, он должен был получить служебные преимущества, соответствующие должностям в городских училищах, иначе невозможно будет привлечь в горнозаводские школы квалифицированных людей. Директор школы, не получающий за свою должность содержания от казны, должен числиться на государственной службе в чине VI класса, если он не имеет чина выше по своей основной службе. Выше, чем в проекте Совета Съездов, Н.Е. Китаев планировал установить и уровень оплаты преподавательского труда. Согласно его смете, общее содержание школы должно было составить 6 тысяч рублей, в их числе: оплата инспектору школы (1400 рублей), учителю-технику (1200 рублей), двум преподавателям общеобразовательных предметов (1000 рублей), законоучителю (150 рублей), врачу (150 рублей), вознаграждение в цехах мастерам за руководство занятиями учеников (600 рублей), содержание дома и расходы на учебные пособия и материалы (1100 рублей).

Для поступления учащихся в окружные горнозаводские школы Н.Е. Китаев устанавливал образовательный ценз ниже предложенного в проекте Совета Съездов – на уровне сельского учебного заведения, но при этом расширял общеобразовательную программу школы до уровня четырехклассных городских училищ. Она включала преподавание следующих предметов: закон божий, русский язык, русская история, география всеобщая и российская, арифметика, геометрия и общие понятия по съемке, строительное искусство, сведения по физике, механике и химии, минералогия, горное искусство, металлургия, черчение и каллиграфия. Общий срок обучения, как и в предложениях Совета Съездов, ограничивался тремя годами. Далее управляющий Уральским горным училищем утверждал, что «горнотехническим школам не следует иметь своих мастерских, как это проектирует Совет Съездов, иначе бюджет этих училищ тотчас же превысит те скромные рамки, в пределах которых они должны будут действовать и развиваться». Достаточно будет проводить практику в заводских цехах тех округов, где созданы школы. Выпускникам окружных горнозаводских школ Н.Е. Китаев предлагал присвоить льготы по отбыванию воинской повинности, присвоенные по закону лицам, окончившим курс городских четырехклассных училищ¹⁷³.

Избранная съездом комиссия из четырех человек (горные инженеры Н.С. Конюхов, представлявший Кыновский завод, С.Д. Кузнецов, представлявший Омутнинские заводы, И.А. Чиканцев, представлявший Сысертские заводы и И.Н. Павловский, представлявший Лысьвенские заводы) высказалась в пользу проекта Н.Е. Китаева, но внесла в него существенные изменения¹⁷⁴. Во-первых, члены комиссии высказались за то, чтобы из названия «окружные горнозаводские школы» был удален термин «окружные», так как школы могут создаваться и при отдельных заводах. Во-вторых, резкие возражения у них вызвало предложение Китаева проводить практические занятия учеников в заводских цехах. Комиссия поддерживала уже принятое в педагогической науке правило о том, что занятия учеников должны производиться именно в школьных мастерских «в строгой учебной последовательности по известной системе, соответственно программе училища по означенным предметам и непременно под постоянным надзором и руководством знающих людей, каковые условия при учебных работах учеников в заводских мастерских невыполнимы, так как у заводских служащих не найдется достаточно времени для руководства и надзора за

¹⁷³ Материалы к вопросу о низших горнотехнических учебных заведениях на Урале. СПб., 1905. С. 3–31.

¹⁷⁴ Труды VI Съезда горнопромышленников Уральской горной области, бывшего 15–20 января 1898 г. в г. Екатеринбург. Екатеринбург, 1898. С. 348–351.

занятиями учеников». К тому же большинство уральских заводов просто не имеет достаточного количества свободных станков, на которых могли бы работать ученики. В образовательную программу школ комиссия предлагала добавить строительное, столярное, кузнечное и слесарные искусства, а при прохождении курсов металлургии и горного искусства знакомить учеников с устройствами, применяемыми в целях безопасности работ и теми узаконениями и правилами, которые по этому поводу изданы. С другой стороны, участники комиссии считали необходимым устранить переполнение программ теми предметами, которые не будут нужны ученикам в практике. Для этого предлагалось исключить алгебру, каллиграфию и счетоводство. Для обозначения школьного руководства комиссия предлагала ввести те наименования, которые были предложены Советом съездов – «попечитель», «заведующий школою». Было признано необходимым ввести коллективное содержание учебных заведений казною и горнопромышленниками за счет податного обложения горных промыслов. Комиссия подсчитала, что в год необходимы будут издержки в 130 тысяч рублей, которые включают содержание 20 низших школ (по 4 тысячи рублей на каждую) и смету реформированного Уральского горного училища (50 тысяч в год).

Все проекты были разосланы на обсуждение членам съезда для того, чтобы вернуться к ним через год¹⁷⁵. Но, как констатировал доклад Совета Съездов на VII съезде в 1899 г., заводладельцы и их представители не проявили к данному вопросу особого интереса, отзывов от заводоуправлений практически не поступило, за исключением двух – от Катавского и Сысертского. Сысертский отзыв подписан членом комиссии И.А. Чиканцевым и, естественно, поддерживал доработанный ею проект Н.Е. Китаева. Второй, более обширный, подписал за управляющего Катавскими и Юрюзань-Ивановскими заводами князя Белосельского-Белозерского горный инженер Н.Н. Филиппов, который определенно утверждал, что заводоуправление может высказаться «только отрицательно в смысле принятия участия в коллективном и обязательном содержании горнотехнических школ на средства горнопромышленников, при равном участии со стороны казны». Главное, что не устраивало заводоуправление, это неясность положения об участии горнопромышленников в управлении школами. В случае, если все дело будет сосредоточено только в руках казны, то горнопромышленники будут лишены своего законного права распоряжения своими средствами. Если же права в предполагаемом коллегиальном учреждении будут зависеть от величины «школьной подати», то и здесь преобладание будет на стороне казны, так как она является крупным горнопромышленником и будет обладать как минимум одной пятой частью голосов. «Конечно, можно горнопромышленников заставить платить увеличенную горную подать, но согласиться добровольно на обязательный взнос денег, коими неизвестно, как будут распоряжаться, нет оснований». В качестве примера рационального распоряжения капиталами заводоуправление приводило земское положение. «Принцип самообложения очень последовательно проведен в земском положении и деятельность земств по народному просвещению очень хорошо известна, но в земстве этот принцип самообложения тесно связан с принципом самоуправления и эта связь именно и придала земскому делу прочную организацию». По мнению заводоуправления, инициатива устройства заводских школ должна принадлежать тем предприятиям, которые в них нуждаются. Они сами и должны изыскивать средства на основание и поддержание школ с помощью от казны «непосредственно заинтересованной в просвещении народонаселения и улучшении его нравственности». Предполагаемые к открытию 20 низших горнозаводских школ казались Катавскому заводоуправлению величиной слишком значительной, да к тому же и нацеленной на образование должностных лиц «вышестоящих, чем обычные рабочие». Достаточно было бы создать одну-две такие школы за счет средств казны, а на заводах организовать для рабочих более элементарные учебные заведения¹⁷⁶.

Подобные мнения прозвучали и на заседаниях VII съезда. Идея о коллективном участии горнопромышленников в содержании низших специальных школ не встретила сочувствия среди заинтересованных в этом лиц. Совместное участие горнопромышленников и казны в обеспечении средств низшего горнотехнического образования на Урале, скорее всего, по мнению Совета, могло бы выразиться гарантией со стороны министерства земледелия и государственных имуществ

¹⁷⁵ Труды VI Съезда горнопромышленников Уральской горной области, бывшего 15–20 января 1898 г. в Екатеринбург. Екатеринбург, 1898. С. 36.

¹⁷⁶ Материалы к вопросу о низших горнотехнических учебных заведениях на Урале. СПб., 1905. С. 32–35.

определённой ежегодной субсидии каждой, открываемой на местные средства школе, как это установлено для низших сельскохозяйственных учебных заведений.

Главный начальник горных заводов Урала П.П. Боклевский, прислушавшись к замечаниям горнопромышленников, предложил управляющему Уральским горным училищем Н.Е. Китаеву подготовить для VII съезда компромиссный вариант «Нормального положения о низших горнотехнических школах». Учитывая нежелание владельцев предприятий участвовать в коллективном содержании учебных заведений одного типа, проект разрешал устраивать в заводских поселках школы двух разрядов. Школы первого разряда примерно соответствовали тем учебным заведениям, проект которых был представлен Н.Е. Китаевым VI съезду, школы же второго разряда были упрощёнными. В них, по новому проекту, было обязательным преподавание закона божия, русского языка и русской истории «по особо выработанной для сей цели краткой программе», а выбор прочих предметов как общеобразовательных, так и специальных, не ограничивался. Курс обучения в школе второго разряда также мог определяться в зависимости от желания учредителей – в два или три года.

Означенные школы, согласно проекту, входили в ведение министерства земледелия и государственных имуществ и могли учреждаться с его разрешения горнозаводскими предприятиями, земствами, обществами либо частными лицами с пособием или без пособия от правительства. При этом школы первого разряда могли рассчитывать на назначение из средств государственного казначейства 3500 рублей в год, школы второго разряда – 1500 рублей, а также на безвозмездное отведение из казенных земель участков для постройки школьных зданий и леса из казенных дач. В случае устройства горнозаводских школ в поселках казенных заводов размер правительственных ассигнований удваивался. Штат содержания низших горнотехнических школ, устроенных в казенных заводах, устанавливался в 7000 рублей, в частных – 3500; в школах второго разряда на казенных заводах – в 3000, на частных – 1500.

Ссылаясь на мнение министра земледелия и государственных имуществ, которое было озвучено им при посещении Екатеринбурга, о том, что «было бы желательно сохранить связь между горнозаводскими школами подобно той, какая была проведена в Положении об учебных заведениях Уральских горных заводов времен Глиники», Н.Е. Китаев предложил создать преемственную систему обучения. Выпускники школ первого разряда могли поступать в Уральское горное училище, а оттуда – в проектируемый городом горный институт или политехникум, на что они, по мнению управляющего имели полное право: «В настоящее время ученики Уральского горного училища лишены права поступления в высшие русские учебные заведения, а следовательно и в горный институт, между тем, лучшие из них могли бы давать наиболее подходящий контингент для прохождения высшего курса горных наук, так как большинство из них родилось, выросло и получило образование в кругу горных людей и горных интересов. Это обстоятельство по достоинству оценила – одно из лучших горнотехнических учебных заведений Европы – Фрейбергская горная академия, принимающая окончивших курс в Уральском училище без экзамена»¹⁷⁷.

Для обсуждения проекта Н.Е. Китаева VII съезд вновь собрал комиссию, в которую вошли член Совета Съездов, представитель Верх-Исетских заводов А.И. Фадеев, горные инженеры С.Д. Кузнецов, представлявший Омутнинские заводы, Н.С. Конюхов, представлявший майорат Строгановых, И.А. Чиканцев, представлявший Сысертские заводы, И.Н. Павловский, представлявший Лысьвенские заводы и горнопромышленник Е.А. Олесов. С небольшими изменениями комиссия приняла проект «Нормального положения о горнотехнических школах». Изменения касались в основном предложений о финансировании школ. Комиссия исключила из плана Китаева положение о двойном пособии от правительства в случае организации школ на казенных заводах и приняла общий для всех учебных заведений штат содержания: школы первого разряда должны были получать в год 6000 рублей, второго разряда – 4000 рублей. Кроме того, комиссия уменьшила предложенный Китаевым размер правительственного пособия для школ первого разряда до 3000 рублей, для школ второго разряда он, напротив, был увеличен до 2000 рублей.

Не встретило понимания у комиссии предложение Китаева установить преемственность между программами учебных заведений низшего и среднего уровня, «так как в Уральское учи-

¹⁷⁷ Материалы к вопросу о низших горнотехнических учебных заведениях на Урале. СПб., 1905. С. 58.

лице будет поступать лишь незначительный процент общего числа обучавшихся в проектируемых школах и ради подготовки этого небольшого числа учеников придется заставлять и прочих проходить усиленный курс общеобразовательных предметов». Правда, оговаривалось, что если учредители школ поставят своей целью дать более широкое образование дтям своих служащих, то такие школы по новому положению «могут найти полное применение»¹⁷⁸.

Переработанное комиссией «Нормальное положение о низших горнотехнических школах» было напечатано в трудах VII съезда и отправлено в Горный департамент, после чего началось долгое хождение этого документа по кабинетам чиновников. Из Горного департамента его отправили на обсуждение особого совещания, созванного для рассмотрения ходатайств съезда. Совещание решило внести в Положение «некоторые дополнения, касающиеся программы преподавания и материального участия казны» и вернуло его в Горный департамент, где в это время уже работала комиссия о штейгерских школах. Комиссия обратилась к уполномоченным съездов в Санкт-Петербурге с просьбой пояснить, чем отличается преподавание в уже существующих горных школах и проектируемых съездом уральских горнопромышленников. По просьбе уполномоченных, собравшийся в январе 1900 г. VIII съезд вынужден был вновь обратиться к разработанному ранее проекту. От комиссии по устройству горнотехнических школ, в которую входили управляющий Уральским горным училищем горный инженер Е.Н. Китаев, горные инженеры Н.Н. Филиппов, представлявший Катав-Ивановские заводы, Н.С. Конюхов, представлявший майорат Строгановых и Е.Э. Пенчковский, представлявший Ревдинские заводы, съезду был представлен доклад, пояснявший, что «разница между существующими горными училищами и вновь создаваемыми школами заключается как в преследуемой цели вышеупомянутых учебных заведений, так и в средствах, коими они располагают». Уральское, Домбровское, Иркутское и прочие горные училища готовят техников как ближайших помощников инженеров, проектируемые же съездом школы «преследуют более скромную цель дать интеллигентного рабочего, могущего относиться сознательно к химическим и физическим процессам, совершающимся у него на глазах». Комиссия дала подробные разъяснения об объеме и уровне программ специальных предметов, включенных в курс горнотехнических школ первого и второго разряда (горного искусства, физики, механики, химии, минералогии, металлургии, строительного искусства)¹⁷⁹.

Присутствовавший на съезде представитель Съезда горнопромышленников Юга России Н.Ф. фон Дитмар, предложил дополнить программу преподавания ознакомлением учащихся с правилами оказания первой помощи при несчастных случаях. После некоторых возражений против обязательности изучения этих правил в качестве самостоятельного предмета преподавания, Съезд постановил: включить его в программу преподавания горного искусства наряду с правилами о предупреждении опасности при работах¹⁸⁰. Необходимые разъяснения чиновникам были представлены, однако и после этого проект не был утвержден.

К проблемам низшего и среднего горнотехнического образования уральские горнопромышленники вернулись в 1914 г. XIX съезд отметил, что, за истекшие после V съезда 18 лет ситуация с образованием горнотехнических школ на Урале изменилась мало. Основную вину в создавшемся положении горнозаводчики видели в позиции правительства, так и не утвердившего разработанный съездами устав низших горнотехнических школ. В монографии С.П. Постникова и М.А. Фельдмана, однако, справедливо отмечается, что это утверждение заводчиков весьма уязвимо, так как и сами они в эти годы, «отвлекаемые более срочными экономическими вопросами», не прикладывали активных усилий в развитие технического образования¹⁸¹. Сопоставив данные по Уралу и России, представленные в «Сборнике статистических сведений о состоянии среднего и низшего профессионального образования в России» (1910 г.) ученые показали, что финансовые вложения уральских промышленников в систему профтехобразования почти в три раза отставали от среднероссийских показателей¹⁸².

¹⁷⁸ Материалы к вопросу о низших горнотехнических учебных заведениях на Урале. С. 60.

¹⁷⁹ Материалы к вопросу о низших горнотехнических учебных заведениях на Урале. СПб., 1905. С. 66–71.

¹⁸⁰ Труды VIII съезда Уральских горнопромышленников, бывшего 15–22 января 1900 года в г. Екатеринбурге. Екатеринбург, 1900. С. 24.

¹⁸¹ Постников С.П., Фельдман М.А. Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900–1940 гг. Екатеринбург, 2004. С. 36.

¹⁸² Там же.

2.4. ДВИЖЕНИЕ ЗА РАЗВИТИЕ ВЫСШЕГО ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА УРАЛЕ

Фактически отстранились горнозаводчики и от проблем развития на Урале высшего технического образования. В культурном слое уральского общества к концу XIX в. сложилось твердое убеждение в том, что региону необходим «умственный центр», который помог бы ему выйти из положения технической и экономической отсталости. Корреспондент газеты «Урал» И. Сигов писал в 1896 г.: «Уралу предстоит громадная реформаторская работа в области горного дела. До поры до времени иностранная конкуренция для нас не существует. Но мы не можем не думать о внутренней. На наших глазах выросла гигантская горнопромышленная организация Юга, прогрессирующая с лихорадочной быстротой. Если мы и дальше будем коснеть в своей научной и технической отсталости, к нам сюда, на место явятся иностранные предприниматели во всеоружии знаний, капиталов и предприимчивости. Что мы будем делать тогда с нашими удешевленными практиками. Нет, Уралу нужны не они, а, во-первых, научные силы, ученые исследователи, и, во-вторых, горнопромышленные деятели высшего разбора»¹⁸³.

В авангарде движения за создание в крае высшей школы встали органы местного самоуправления. Впервые вопрос об учреждении на Урале высшего учебного заведения был поднят в Екатеринбурге. На заседании городской думы 27 сентября 1896 г. с докладом от городской управы, которой тогда руководил инженер-технолог Иван Семенович Бурдаков, выступил гласный Дмитриев. Он предложил возбудить перед высшими властями ходатайство об открытии в Екатеринбурге высшего горнозаводского училища с планом преподавания по образцу Императорского Московского инженерного училища ведомства министерства путей сообщения, который, как считал докладчик, не откажутся субсидировать крупные горнозаводчики. Гласные думы, после обсуждения, присоединились к этому мнению, решив, правда, «более подробно и основательно выработать мотивы» для того, чтобы ходатайство было уважено. Дума избрала комиссию, в которую вошли, помимо членов городской управы, местные купцы и промышленники: И.И. Симанов, Н.Ф. Магницкий, В.А. Падучев, А.М. Симонов, Ф.Е. Ошурков, А.А. Фолькман, М.П. Михалевский, В.А. Вольский, А.А. Коробейников, Н.Я. Панфилов и С.А. Бибилов¹⁸⁴.

В обсуждение проблемы включилась общественность Екатеринбурга и Перми. Уральское общество любителей естествознания и его Пермский филиал призывали ходатайствовать об учреждении на Урале университета с тремя специальными отделениями, указывая на совершенную неисследованность природных богатств края, отсталость промышленности и недостаток горных инженеров и вообще образованных специалистов, могущих поднять технику горнозаводского производства на надлежащую высоту. Дума остановилась все же на проекте создания высшего горнозаводского училища.

Разработанное комиссией ходатайство Екатеринбургской городской думы было отправлено в Пермь, к губернатору П.Г. Погодину, а оттуда 17 февраля 1897 г. – к министру земледелия и государственных имуществ¹⁸⁵. Помимо этого, Екатеринбургская городская управа обратилась к местной уездной земской управе с предложением возбудить подобное же ходатайство, но уже от имени земских органов самоуправления, после чего вопрос был вынесен на обсуждение 30-й чрезвычайной сессии губернского земства. Земские деятели поддержали инициативу Екатеринбурга. Заседание губенского земства от 19 марта 1898 г. постановило ходатайствовать об открытии на Урале высшего учебного заведения, предложив, правда, несколько изменить его форму. Земцы признали более целесообразным создание политехникума, который будет давать не только горное образование, но и «другие, какие будут найдены, по подробному исследованию вопроса, нужными для удовлетворения потребностей края». На его учреждение решено было выделить 120 тысяч рублей из капитала, образованного губернским земством в память об императоре Александре III, причем именно его именем, по мнению собрания и следовало назвать будущее высшее учебное заведение¹⁸⁶.

¹⁸³ Сигов И. Нужды Урала // Урал. 1896. № 1. 29 декабря.

¹⁸⁴ РГИА. Ф. 1287. Оп. 30. Д. 1978. Л. 5; Хроника // Екатеринбургская неделя. 1896. № 39. 6 октября.

¹⁸⁵ РГИА. Ф. 1287. Оп. 23. Д. 2642. Л. 2 об.

¹⁸⁶ РГИА. Ф. 1287. Оп. 30. Д. 1978. Л. 5.

Пермский губернатор Д.Г. Арсеньев одобрил постановление губернского земства и направил 28 сентября 1898 г. представление о нем к министру земледелия и государственных имуществ, высказав при этом и собственное суждение о необходимом краю высшем учебном заведении. Д.Г. Арсеньев писал: «интересы горнозаводской промышленности только одна сторона дела. Губернии, входящие в состав Уральского края, столько же горнозаводские, сколько сельскохозяйственные, даже более: из населения в 11 миллионов человек лишь незначительная часть его (около 800 тысяч человек) принадлежит к горнозаводским рабочим, остальная же масса населения (до 90%) занимается хлебопашеством. Поэтому интересы сельского населения и сельского хозяйства при рассмотрении настоящего вопроса не могут быть оставлены без внимания, точно так же, как и интересы промышленности. Отсюда очевидно, что высшая школа с одним горнозаводским отделением не может удовлетворить сказанной потребности, так как, во-первых, нужно иметь в виду, что Уральский край, как и вся Россия, крайне нуждается в общественных деятелях, специальные знания которых покоились бы на теоретических и, главным образом, практических основаниях, в деятелях с широким умственным горизонтом, с правильным и ясным пониманием своих задач, а таких деятелей может дать только высшее учебное заведение с профессиональным отделением». Губернатор предлагал создать политехникум со следующими отделами: «1) горным, отвечающим в полном смысле горнопромышленной потребности; 2) машиностроительным, как для заводских промыслов, так и для сельских хозяйств и 3) другими, какие, по подробном рассмотрении, окажутся соответствующими местным пользам и нуждам»¹⁸⁷. При этом он, как и земское губернское собрание не брал на себя решение вопроса о том, в каком городе будет создано высшее учебное заведение – в Перми или Екатеринбурге, «находя, что более детальная разработка вопроса о программе в связи с ходатайством местных городов и земств может дать правильное решение этому вопросу»¹⁸⁸. Эта позиция губернского земского собрания и коронного руководителя губернии дала начало многолетнему противостоянию двух ведущих городов Урала о месте расположения высшего учебного заведения.

Городские деятели активно искали себе союзников. В 1898 г. они «вошли в сношение» с соседними городскими и земскими управлениями с просьбой поддержать ходатайство Екатеринбурга. Откликнулись Ирбитская, Шадринская, Златоустовская, Тобольская и Курганские городские думы, а также Шадринское, Камышловское и Верхотурское уездные земские собрания. Поддержка, правда, была лишь моральная, соседние города «по неимению средств» не обещали никаких материальных взносов в пользу будущего вуза. Лишь местное екатеринбургское уездное земское собрание обещало выделить политехникуму 25 тысяч рублей. Для размещения политехникума Екатеринбургская городская дума соглашалась выделить место из свободных городских земель.

В поисках дополнительных финансов городская дума обратилась к Сибирскому торговому банку и Волжско-Камскому коммерческому банкам с просьбой о единовременной субсидии на учреждение в городе Екатеринбурге политехникума, Сибирский торговый банк попросили также об отчислении ежегодно определенного процента с его прибылей на содержание будущего вуза. В городе была открыта подписка на «усиление фонда обеспечения предполагаемого к учреждению в городе Екатеринбурге высшего учебного заведения»¹⁸⁹. К 1901 г. в подписных книжках значилось уже 15 человек с общей суммой принятых на себя взносов в 46 500 рублей¹⁹⁰.

Главный начальник горных заводов Урала П.П. Боклевский взял на себя заботу о привлечении капиталов от заводоладельцев¹⁹¹. Вопрос о создании в Екатеринбурге горного института был вынесен на обсуждение VII (1899 г.) и VIII (1900 г.) съездов уральских горнопромышленников. Городская управа Екатеринбурга направила в адрес Совета Съездов письмо с просьбой поддержать ходатайство об учреждении на Урале, желательно в Екатеринбурге, высшего учебного заведения. Письмо было подписано городским головой Г.Г. Казанцевым. Этого человека, кстати, некоторые историки ошибочно считают инициатором учреждения в Екатеринбурге горного ин-

¹⁸⁷ РГИА. Ф. 1287. Оп. 23. Д. 2642. Л. 7–9.

¹⁸⁸ РГИА. Ф. 1287. Оп. 23. Д. 2642. Л. 11.

¹⁸⁹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 30. Д. 1978. Л. 5 об.

¹⁹⁰ РГИА. Ф. 1287. Оп. 23. Д. 2642. Л. 18.

¹⁹¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 30. Д. 1978. Л. 6.

ститута, хотя, как уже говорилось, обсуждение вопроса состоялось в городской думе еще в 1896 г., до избрания Г.Г. Казанцева на руководящий пост.

У участников съезда горнопромышленников, которые в большинстве своем были горными инженерами, представлявшими интересы заводов, идея создания на Урале высшего горного учебного заведения нашла понимание¹⁹². Но никаких финансовых обещаний они дать не могли. Решено было передать вопрос о содействии учреждению на Урале высшего учебного заведения «на распоряжение» уполномоченных заводоладельцев в Санкт-Петербурге. Уполномоченные же, «обсудив предложенный вопрос и соображаясь со взглядами заводоладельцев, не признали возможным оказать материальное содействие учреждению проектированного училища», о чем известили как Совет Съезда, так и Екатеринбургское городское управление. В своем извещении от 31 марта 1899 г. уполномоченные писали, что учреждение политехникума на Урале является «преждевременным и едва ли осуществимым». В основание такого заключения были положены следующие соображения: «1) из всех отраслей промышленности на Урале является развитой почти исключительно промышленность горная, а потому, в случае учреждения политехникума со многими отделениями, окончившие курс будут искать применения приобретенных ими знаний в других промышленных районах России; 2) горнопромышленность Урала не ощущает сколько-нибудь заметного недостатка в деятелях с высшим горным образованием и условия горнопромышленности Урала должны быть направлены к распространению среднего и низшего горнотехнического образования; 3) в случае учреждения политехникума или высшего горного учебного заведения представлялось бы крайне затруднительным подыскать достаточный контингент хороших профессоров для высшего технического учебного заведения на Урале»¹⁹³. Заводоладельцы, таким образом, не желали авансировать капитал в дело, которое вряд ли могло принести им прибыль даже в том случае, если оно имело государственно важный характер.

Несмотря на это, VIII съезд в январе 1900 г. вновь поднял вопрос об открытии высшего горного учебного заведения в Екатеринбурге. Собравшиеся дискутировали о том, нужно ли увеличивать количество молодых горных инженеров на Урале за счет создания своего горного института, или с этим справится Петербургский горный институт; сможет ли новое учебное заведение обеспечить себя профессорско-преподавательским составом необходимой квалификации и т.д.¹⁹⁴. В результате обсуждения съезд пришел к выводу о желательности открытия в Екатеринбурге высшего горного училища и поручил Совету составить по этому поводу ходатайство перед правительством. «Контингент инженеров представляет каплю в море, при огромных пространствах и богатствах России. Если бы ежегодный прирост был не 20, а 200 инженеров, тем лучше. Мы не знаем, что у нас есть в Сибири. Теперь самый острый момент в развитии промышленности, когда для приложения капиталов нужны люди, которым можно их вверить. Урал находится в исключительных условиях: здесь всеми заводами управляют инженеры, но много ли их в остальных областях. Перепроизводства опасаться нет оснований, каждый найдёт себе дело»¹⁹⁵ – таковым было общее мнение участников съезда. Было решено открыть при Совете Съезда подписку на сбор пожертвований для учреждения в Екатеринбурге горного института, без взятия с подписавшихся каких-либо формальных обязательств¹⁹⁶.

Представление о сборе пожертвований было направлено в министерство внутренних дел. Там же находились в это время докладные записки и ходатайства Екатеринбургской городской думы и Пермского губернского земского собрания об открытии на Урале горного института. Сам министр не видел никаких препятствий к тому, чтобы открыть подписку и выделить деньги из городского и земского бюджетов на планируемое учебное заведение, но предварительно он решил получить отзыв по этому вопросу из Министерства земледелия и государственных имуществ, в чьем ведении тогда находилась горная промышленность. В сентябре 1899 г. ходатайства Екатеринбургской городской думы и Пермского губернского правления были отправлены в Горный департамент и задержались там почти на два года. В феврале 1902 г. они вернулись обратно с от-

¹⁹² Труды VII съезда горнопромышленников Уральской горной области. С. 168–170.

¹⁹³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 23. Д. 2642. Л. 18 об.

¹⁹⁴ Труды VIII съезда Уральских горнопромышленников, бывшего 15–22 января 1900 года в г. Екатеринбурге. Екатеринбург, 1900. С. 11–16.

¹⁹⁵ Там же. С. 14–15.

¹⁹⁶ Там же. С. 59–60.

ношением, подписанным министром земледелия и государственных имуществ А.С. Ермоловым и директором Горного департамента Н.А. Иосса. Чиновники сообщали о том, какие трудности могут возникнуть при открытии на Урале высшего горного училища, и главная из них – это недостаток денежных средств. На устройство зданий и оборудование института потребуется не менее одного миллиона рублей, общественные взносы на эти цели не превышают и 200 тысяч рублей. «Рассчитывать же на значительные пожертвования для означенного учебного заведения со стороны местных горнопромышленников и горнозаводчиков, как лиц, наиболее заинтересованных в этом деле, после того, что было высказано их уполномоченными и при нынешнем неблагоприятном положении нашей горнозаводской промышленности едва ли возможно. Равным образом, мало вероятной представляется возможность отнесения недостающей на устройство училища суммы на средства государственного казначейства»¹⁹⁷. На основании этого делался вывод, «что настоящее время едва ли может считаться благоприятным не только для того, чтобы входить в законодательном порядке с представлением об учреждении горного училища на Урале, но даже и для того, чтобы испрашивать ныне Высочайшее разрешение на открытие повсеместно в империи подписки на денежные пожертвования в пользу помянутого учебного заведения»¹⁹⁸. Ход делу, таким образом, был закрыт.

Следующий шаг в организации уральского горного института сделало городское управление Перми. Принципиальное решение о создании в городе высшего учебного заведения Пермская городская дума приняла в 1907 г. Через два года городской голова П.А. Рябинин, с разрешения губернатора А.В. Болотова, горячо поддержавшего инициативу городской думы, провел особое совещание, которое решило вопрос о наиболее желательном типе будущего высшего учебного заведения и мерах к его осуществлению. Совещание собиралось три раза – 25 октября, 7 и 19 ноября 1909 г. К участию в нем были приглашены члены городской школьной комиссии, представители разных ведомств, а также казенных и частновладельческих заводов и имений. После окончания заседаний совещание избрало редакционную комиссию, которая составила мотивированный текст заключения о необходимости создания в городе высшего учебного заведения. Это заключение легло в основу ходатайства Пермской городской управы к министру торговли и промышленности, которое было одобрено на чрезвычайном собрании думы 8 декабря 1909 г. К министру ходатайство было отправлено 5 февраля 1910 г. с сопроводительным письмом вице-губернатора В.И. Европеуса. Вице-губернатор писал, что он высказывается за открытие политехникума именно в Перми¹⁹⁹.

В ходатайстве Пермской городской управы указывалось, что создание высшей школы на Урале стало уже требованием жизни. В Пермской губернии работают 35 средних учебных заведений, из них 8 – реальных училищ. Многие их выпускники не могут продолжить образование, так как высших учебных заведений в империи мало. Поэтому не приходится сомневаться, что будущий институт будет заполнен учащимися. Его создание на Урале, по мнению городской общественности, будет иметь государственное значение, так как в настоящий момент «этот богатейший край переживает тяжелый, прогрессирующий кризис: горное дело падает, деятельность заводов сокращается; крупные предприятия переходят в руки иностранцев; леса эксплуатируются нерационально; сельское хозяйство ведется примитивными способами; естественные источники энергии в должной мере не использованы; заводское население, не находя привычной работы, утрачивает специальные навыки, беднеет и бедствует. Одна из главных причин такого ненормального и печального положения – слабое применение научных знаний»²⁰⁰.

Наиболее существенные нужды Урала требуют, чтобы было создано высшее техническое учебное заведение типа политехникума с тремя отделами: горным, сельскохозяйственным и механическим. Расположиться оно должно в Перми по следующим соображениям: «1) Город Пермь является административным центром губернии и, кроме того, по сравнению с другими главнейшими городами края, имеет преимущество относительной близости к столицам; обстоятельство весьма важное как для профессорского персонала, так и вообще для ускорения и облегчения вся-

¹⁹⁷ РГИА. Ф. 1287. Оп. 23. Д. 2642. Л. 19.

¹⁹⁸ РГИА. Ф. 1287. Оп. 23. Д. 2642. Л. 19 об.

¹⁹⁹ РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5826. Л. 1.

²⁰⁰ РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5826. Л. 3.

ких сношений с культурными центрами страны; 2) Пермь лежит в узле железнодорожных линий, в непосредственной близости к такой крупной водной артерии страны, какой, несомненно, является река Кама с ее притоками, для этой системы город Пермь является главным перевалочным пунктом; 3) Близость и обилие лесных пространств, подлежащих правильной и выгодной эксплуатации; 4) Близость Перми к углепромышленному району Кизеловских и Луньевских копей и к крупной соляной промышленности Усольского края; 5) Относительная близость к Перми Ухтинского нефтяного района и возможность соединения водным путем с центром новой нефтепромышленной области; 6) Непосредственно около Перми, а также и в незначительном удалении от нее расположены самые большие и наилучшие, по-современному оборудованные в техническом и металлургическом отношении передельные и механические заводы Пермской губернии с разнообразным и сложным производством, каковы: Пермские пушечные заводы, Ижевский завод, Воткинский судостроительный, Лысьвенский, Чусовской, Пашийский, Добрянский и др.»²⁰¹.

Пермская городская дума готова была ассигновать в распоряжение правительства на устройство политехникума в Перми 200 тысяч рублей, а также отвести под постройку зданий участок земли в 12 000 кв. сажен, оцениваемый в 120 тысяч рублей. Помимо этого, городская управа ходатайствовала перед министром торговли и промышленности об отводе из прилегающей к городу казенной Мотовлихинской дачи участка земли от 500 до 1000 десятин для расположения на них опытно-показательных полей, станций, фермы, образцовой лесной дачи и для необходимых опытов лесоразведения культур наиболее ценных лесных пород.

К ходатайству Пермской городской думы был приложен доклад городской управы, который прозвучал на собрании думы 8 декабря 1909 г. Он зафиксировал те мнения городских деятелей, которые не вошли в ходатайство, очевидно, в силу их местного значения, но для пермского купечества, они, наверняка, стали одним из ведущих мотивов поддержки будущего вуза. Городской голова П.А. Рябинин, например, указал на то, что «с открытием в Перми высшего учебного заведения, несомненно, поднимется ценность и доходность городских имуществ и возрастут обороты торговых и промышленных предприятий на ту сумму, какую будут проживать в городе студенты и профессора будущего политехникума, не говоря уже о том, что с открытием политехникума в Перми разовьется вообще промышленность края, которая сторицею вознаградит затраченные на политехникум средства»²⁰².

Необходимые для городского взноса на строительство политехникума 200 тысяч рублей пермские власти хотели взять в долгосрочный заем, погашение которого будет покрываться доходами от недвижимого имущества, завещанного городу «на просветительские цели» местным купцом П.П. Калининным. С разрешения городской думы, Пермская управа обратилась с просьбой о поддержке ходатайства к губенскому земству. Вопрос был поставлен на его 40-й очередной сессии в декабре 1909 г. Понимая, что необходимы ассигнования более значительные, чем были обещаны в 1898 г., земские деятели обещали выделить на устройство уральского высшего учебного заведения 500 тысяч рублей.

На заседании Пермской городской думы встал вопрос о том, стоит ли направлять в Санкт-Петербург особую делегацию для поддержки «в подлежащих учреждениях» ходатайства об учреждении в городе высшего учебного заведения. Посовещавшись, гласные решили обойтись силами Ивана Григорьевича Каменского, представлявшего пермское земство в Государственном совете. Эту оплошность городской думы очень выгодно для себя использовало управление Екатеринбургa, ближайшего соперника Перми в деле организации высшего учебного заведения. В решении важной для города проблемы администрация горной столицы оказалась более решительной и амбициозной.

23 апреля 1910 г. екатеринбургский городской голова А.Е. Обухов собрал экстренное заседание городской думы, где поставил вопрос об открытии уральского политехникума в Екатеринбурге и тех средствах, которые можно на эти цели ассигновать²⁰³. Закрытая баллотировка об ассигнованиях на политехникум была проведена уже через несколько дней, 28 апреля, на собрании город-

²⁰¹ РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5826. Л. 4.

²⁰² РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5826. Л. 9 об.

²⁰³ Хроника // Уральская жизнь. 1910. № 85. 16 апреля.

ской управы. За пособие в 500 тысяч рублей высказались 16 гласных против 22, за 400 тысяч рублей – 17 против 21 и за 300 тысяч рублей – 32 против 7. Оглашение решения об ассигновании на будущее высшее учебное заведение 300 тысяч рублей собравшиеся встретили аплодисментами. Для разработки мотивированного ходатайства города об открытии политехникума А.Е. Обухов предложил обратиться к советам профессоров и ученым силам Уральского общества любителей естествознания. Он настаивал на том, что с этим делом городу нужно поторопиться, так как о политехникуме уже хлопочет Самара, а пермский городской голова П.А. Рябинин уже командирован в Петербург. Управа решила отправить в столицу для поддержки собственного ходатайства целую «депутацию» в составе городского головы А.Е. Обухова и гласных думы А.И. Фадеева, П.А. Кронеберга, П.В. Иванова, Н.С. Арнольдова и Г.А. Маркова.

Решение городской думы поддержало Екатеринбургское биржевое общество²⁰⁴, и местное уездное земство. Чрезвычайное собрание екатеринбургского уездного земства состоялось 3 мая 1910 г. После недолгих прений было решено выделить на создание уральского политехникума 200 тысяч рублей с внесением этой суммы в сметы с рассрочкой на 20 лет²⁰⁵. В Перми уездное земство собралось через месяц, в июне 1910 г. Оно постановило выделить на политехникум те же 200 тысяч рублей. В целом, однако, пермские ассигнования оказались на 100 тысяч рублей меньше, чем екатеринбургские. Корреспондент екатеринбургской газеты «Уральская жизнь» с восторгом писал по этому поводу: «Таким образом, Пермское уездное земство ничего не сделало больше Екатеринбургского, чтобы перетянуть на сторону Перми будущий политехникум»²⁰⁶.

В городской публике, однако, ставка делалась на Пермь. «Пермяки, конечно, стоят за Пермь, – писала газета, – заезжий народ, интернационал, говорит, что притязания обеих «столиц» равноценны, но почему-то и те, и другие сходятся на том, что Пермь может больше «дать» на политехникум, что в Перми существуют денежные мешки, которые «в крайнем случае», во время «схватки» могут и открыться и что именитые екатеринбуржцы обыкновенно делают пожертвования векселями сомнительной ценности, что если Екатеринбург поддерживают такие города, как Оренбург, Уфа, то Перми окажут поддержку Вятка, Сарапул, Елабуга и не только одними «ходатайствами», так как здесь налицо общественные деятели, широко известные своими жертвами на нужды просвещения»²⁰⁷. Частных пожертвований, однако, на нужды создающегося высшего учебного заведения так и не поступило. «Схватка» шла между общественными управлениями и решающую роль в ней сыграла активность Екатеринбургской городской управы и, конкретно, городского головы А.Е. Обухова. Александр Евлампьевич был избран на пост городского головы в 1908 г. после долгой службы на казенных и частных горных заводах в качестве лесничего. В то время ему было 44 года. Молодой, настойчивый и энергичный руководитель многое сделал для развития города, изменения его привычного облика.

Докладная записка Екатеринбургской городской думы об открытии высшего технического учебного заведения, подписанная А.Е. Обуховым, отправилась в центр 6 ноября 1910 г.²⁰⁸ Это был объемный научно обоснованный документ. Написал его по поручению екатеринбургской городской управы горный инженер Николай Степанович Михеев. Городские власти обратились к этому специалисту после того, как был заслушан отчет о поездке екатеринбургской делегации на совещание пермского губернского земства. Оценив компетентность и знания Н.С. Михеева, земские деятели именно ему поручили составить записку от имени губернского земства об организации на Урале технического вуза. Екатеринбургский городской голова А.Е. Обухов попросил Николая Степановича «выработать новую записку, в которой были бы разработаны мотивы необходимости открыть политехникум в Екатеринбурге»²⁰⁹.

Начиналась записка Екатеринбургской городской думы с обоснования государственной важности основания на Урале высшего технического учебного заведения. Авторы указывали, что в крае слабо изучены полезные ископаемые и необходимо создать собственные кадры геологов для решения этой задачи. Знакомства с местными условиями разработки полезных ископаемых и

²⁰⁴ Собрание биржевого общества // Уральская жизнь. 1910. № 90. 27 апреля.

²⁰⁵ Хроника // Уральская жизнь. 1910. № 97. 5 мая.

²⁰⁶ Пермское уездное земское собрание (от нашего корреспондента) // Уральская жизнь. 1910. № 135. 24 июня.

²⁰⁷ Письма из Перми // Уральская жизнь. 1910. № 2. 3 января.

²⁰⁸ РГИА. Ф. 741. Оп. 3. Д. 352. Л. 1.

²⁰⁹ Частное совещание // Уральская жизнь. 1910. № 109. 21 мая.

особенностями организации металлургического производства, по их мнению, требовала и подготовка рудничных и заводских инженеров, а также «ученых лесничих». Учитывая возростание роли сельского хозяйства в крае, авторы записки считали необходимым подготовить «ученых агрономов». Только создание «умственного центра научно-технической работы» поможет Уралу подняться на должную высоту и в техническом, и в экономическом отношении.

Далее записка обосновывала мотивы основания Уральского политехникума не на западном склоне Урала, а на восточном склоне, там где находится Екатеринбург. Здесь, по мнению авторов, преобладают месторождения всех уральских полезных ископаемых, что даст возможность питомцам будущего вуза наглядно с ними ознакомиться уже в ходе обучения. В доказательство этого утверждения к записке прилагались карты Урала и таблицы производительности местных приисков и рудников. Более благоприятным для Екатеринбурга при сравнениях авторы записки считали и положение металлургических заводов: к екатеринбургскому кругу, по их подсчетам, тяготели в два раза больше заводов, выделяющих чугун, железо и сталь, чем к пермскому, а медные заводы и предприятия по добыче золота и платины практически полностью находились в окрестностях Екатеринбурга. «В этом отношении, – утверждалось в записке, – город Екатеринбург, как нельзя более походит на Фрейберг в Германии, горная академия которого издавна пользуется неувядаемою славою»²¹⁰. Преимущества Екатеринбург имел и в средствах, финансируемых на открытие высшего учебного заведения. В Перми, считая средства губернского земства, на политехникум было выделено 900 тысяч рублей, в Екатеринбурге – 1 миллион. Завершалась записка общим выводом: «Итак, если сопоставить все вышеприведенные данные, характеризующие сравнительное положение городов Екатеринбурга и Перми, то всякому незаинтересованному лицу должно броситься в глаза, насколько выпукло выступают преимущества города Екатеринбурга как места учреждения Уральского политехникума, и насколько мало оснований для открытия последнего в городе Перми»²¹¹.

Докладные записки Екатеринбургской городской думы, Екатеринбургского биржевого комитета и Пермского губернского земства о создании высшего технического заведения были отправлены вице-губернатором В.И. Европеусом к министрам народного просвещения, внутренних дел, торговли и промышленности, финансов, а также государственному контролеру и главному управляющему землеустройством и земледелием. Высказавшись положительно о «безусловной желательности» учреждения на Урале политехникума, Европеус воздержался от определения пункта его расположения, заявив, что «по сему поводу мною будет представлено в дополнение к сему»²¹². Ранее, как уже говорилось, он определенно поддерживал в этом вопросе Пермь.

В конце декабря 1910 г. большая екатеринбургская «депутация» отправилась в Петербург. Ей удалось посетить почти все ведомства, от которых зависело решение вопроса об учреждении в городе высшей школы. Пермский голова П.А. Рябинин отметил позднее в одном из своих интервью успех этого мероприятия, среди высших чиновников после него в пользу Перми осталось всего около 25% голосов, остальные поддержали Екатеринбург²¹³. Одобрил проект создания горного института в Екатеринбурге и председатель Совета министров П.А. Столыпин. 6 сентября 1910 г. он ненадолго остановился в городе, возвращаясь из своей поездки по Сибири и принял ходатайство Екатеринбургской думы об устройстве политехникума. Желая закрепить свой успех, гласные думы на заседании 1 ноября 1910 г. единогласно постановили избрать Петра Аркадьевича Столыпина почетным гражданином Екатеринбурга. 15 февраля 1911 г., по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел, это постановление было высочайше утверждено²¹⁴. Впрочем, это не решило судьбу уральского политехникума окончательно. Продолжая свою поездку и остановившись в Перми, П.А. Столыпин получил сходное ходатайство от пермских властей, городской голова П.А. Рябинин при встрече просил П.А. Столыпина под-

²¹⁰ Докладная записка Екатеринбургской городской думы по вопросу об открытии высшего технического учебного заведения на Урале. Екатеринбург, 1910. С. 33.

²¹¹ Докладная записка Екатеринбургской городской думы по вопросу об открытии высшего технического учебного заведения на Урале ... С. 36.

²¹² РГИА. Ф. 741. Оп. 3. Д. 352. Л. 1.

²¹³ К вопросу об уральском политехникуме // Уральская жизнь. 1911. № 36. 15 февраля.

²¹⁴ Хроника // Уральская жизнь. 1911. № 52. 6 марта.

держат ходатайство об открытии в городе политехникума, но получил ответ, что на это все преимущества имеет Екатеринбург²¹⁵.

В январе 1911 г. Пермь противопоставила екатеринбургскому ходатайству свою фундаментальную докладную записку, в которой отвергла все притязания соперника на будущее высшее учебное заведение. В записке утверждалось, что город Екатеринбург уже потерял свое значение как центр горнозаводской промышленности. Окружающие его заводы и промыслы или закрыты, или еле существуют. Они не могут быть показательными для учащихся будущей высшей школы. Не течет больше в екатеринбургскую золотосплавочную и золото. По издании закона о свободном обращении, оно рассеялось по конторам, которые имеют ныне свои горны для сплава золота. Горное управление в Екатеринбурге, возможно, тоже скоро будет закрыто. «Как же при таких условиях можно назвать Екатеринбург центром горнозаводской промышленности Урала?» – вопрошалось в записке. Совершенно иную картину представляет Пермь, окруженная лучшими на Урале заводами. Одни Пермские пушечные заводы дают то, что не могут дать все заводы, лежащие вблизи Екатеринбурга. Кроме того, в окрестностях Перми действуют частные заводы, которые принадлежат первоклассным фирмам (Лысьвенский завод графа П.П. Шувалова, Чусовской завод Камского акционерного общества, Луньевские каменноугольные копи и пр.) и являются в своем роде столпами Урала. Все они работают и производят колоссальное количество продуктов. Политическим козырем Пермской городской думы было решение о присвоении политехническому институту имени Александра II «в ознаменование истекающего пятидесятилетия освобождения крестьян от крепостной зависимости»²¹⁶. Для училения своих позиций Пермская городская дума решила увеличить свои ассигнования на устройство вуза до 500 тысяч рублей. Общая сумма от Перми, учитывающая взнос Пермского губернского земства, таким образом, возросла до 1 миллиона 200 тысяч рублей, у Екатеринбурга же остался лишь один миллион²¹⁷.

14 января 1911 г. докладная записка Пермской городской думы вместе с отношением Пермского биржевого комитета была отправлена в Петербург. Вслед за ней туда выехала городская депутация во главе с П.А. Рябининым. В интервью городской газете городская голова уверял, что после посещения высших чиновников, в том числе и П.А. Столыпина, пермской делегации удалось добиться определенных успехов, шансы двух городов в деле организации высшего учебного заведения уравнились. Но в некоторые кабинеты они опоздали, мнение чиновников уже определилось. В частности, министр финансов В.Н. Коковцев сообщил П.А. Рябину, что «дело с Екатеринбургом, по-видимому стоит прочно в отношении политехникума». Пермским городским властям он посоветовал возбудить ходатайство об учреждении в Перми университета, на что получил ответ, «что добиться открытия университета в Перми рядом с политехникумом в Екатеринбурге для города еще более трудная, почти непосильная задача»²¹⁸.

Окончательно вопрос о размещении уральского политехникума был решен на заседании междуправительственного совещания, которое состоялось в мае 1911 г. под руководством министра народного просвещения Л.А. Кассо. Совещание было создано по просьбе председателя Совета министров П.А. Столыпина, получившего во время поездки по Сибири и приволжским губерниям несколько ходатайств от органов местного самоуправления об открытии высших учебных заведений. Помимо Екатеринбурга и Перми, с такими просьбами обратились к нему местные власти и учреждения Томска и Самары. Томское городское общественное управление считало необходимым учредить в Сибири два новых института – ветеринарный и сельскохозяйственный, а также расширить курсы преподавания в Томском университете. Помимо существовавших здесь юридического и медицинского факультетов, по мнению городских деятелей, следовало открыть еще историко-филологический и физико-математический. Независимо от городских властей к премьеру обратился также Совет Томского технологического института, ходатайствуя об учреждении при нем сельскохозяйственного отделения. В Самаре губернское земство и городская дума попросили оказать поддерж-

²¹⁵ Известия // Уральский техник. 1910. № 9. С. 31.

²¹⁶ РГИА. Ф. 573. Оп. 16. Д. 22614. Л. 1.

²¹⁷ Докладная записка Пермской городской думы по вопросу об открытии в Перми Политехнического института имени императора Александра II. Пермь, 1911. С. 3–39.

²¹⁸ К вопросу об уральском политехникуме // Уральская жизнь. 1911. № 36. 15 февраля.

ку их ходатайству об открытии в городе политехнического института. «Относясь, с своей стороны, с полным сочувствием к возможно широкому насаждению в нашем отечестве высшего специального образования, – писал П.А. Столыпин министру народного просвещения, – я полагаю подвергнуть вопрос об открытии соответствующих нуждам отдельных регионов высших учебных заведений подробному обсуждению в Совете министров. Предварительно же сего долгом считаю покорнейше просить Ваше превосходительство не отказать в сообщении мне Ваших соображений по поводу о наиболее желательных типах высшей школы в упомянутых местностях, а также о возможных источниках средств на расходы по их содержанию»²¹⁹.

Вопросу о размещении уральского политехникума было посвящено специальное заседание комиссии 31 мая 1911 г. Екатеринбург представили на заседании городской голова А.Е. Обухов и горный инженер Н.С. Михеев, Пермь – представитель пермского земства в Государственной думе князь С.Е. Львов. Пермский делегат убеждал собравшихся чиновников в необходимости учредить политехникум в Перми, отдавая при этом приоритет сельскохозяйственному образованию. Екатеринбургцы защищали тезис о размещении вуза в их городе, считая первоочередным создание в нем горного и лесного отделений. После прений совещание признало, что «Урал нуждается не столько в улучшении сельского хозяйства, сколько в правильной и планомерной эксплуатации его горных богатств»²²⁰. С этой целью решено было учредить политехникум не в Перми, а в Екатеринбурге. Сельскохозяйственное образование, по мнению чиновников, было более необходимым в центральных районах страны, чему могло способствовать открытие в Самаре Поволжского сельскохозяйственно-коммерческого института.

После получения известия о решении совещания екатеринбургская публика ликовала. В местной газете появились такие стихи:

Вновь губернская соседка
«В самый раз» обделена,
А ведь как бывало едко
Издевалась она!
    В высшей степени обидно
    Пермь – бедняжку обошли.
    А ведь как она солидно
    Представляла пуп земли!
Как изволила хвалиться,
Как изволила роптать,
Что «уральская столица»
Тоже смеет хлопотать!
    С инвалидную старушкой
    Тяжела была война:
    Мотовилихинской пушкой
    Угрожала нам она!
Угрожала даже Камой –
Многоводною рекой;
Даже оперой и драмой
И чиновничьей рукой.
    Много раз докладом дутым
    Все пыталась доказать
    Что к Уралу институтом
    Пермь потребно привязать!
Там и тут она вертелась,
Проявив большую прыть:

²¹⁹ РГИА. Ф. 741. Оп. 3. Д. 352. Л. 88.

²²⁰ Совещание о высшей школе // Уральская жизнь. 1911. № 126. 14 июня.

Чрезвычайно ей хотелось
 «Образованною» быть!
 Иногда ходили слухи,
 Что желанный институт
 Надоедливой старухе
 В самом деле отдадут...
 За свою благонадежность
 Пермь ручалась головой,
 Но прекрасную возможность
 Отнял случай роковой.
 Несомненно, только случай!
 Если б не было его –
 Как бы кумушке трескучей
 Не добиться своего?
 Спор «научный» был задорным,
 Но удар куме жесток:
 С институтом будет горным
 Наш уездный городок!²²¹

Закон «Об учреждении горного института в городе Екатеринбурге», одобренный Государственным Советом и Государственной Думой, был подписан императором Николаем II 3 июля 1914 г.²²² Согласно закону, в институте создавалось 19 профессур по следующим кафедрам: математика, теоретическая механика, физика, химия, минералогия с кристаллографией и петрографией, геология с палеонтологией, прикладная геология, геодезия и маркшейдерское искусство, прикладная механика, электротехника, строительное искусство, горное искусство, металлургия, лесоводство. Первые лекции Горного института состоялись 10 октября 1917 г. в съёмных помещениях.

Возведение собственного здания вуза серьезно осложнилось с началом Первой мировой войны. В военных условиях все строительные кредиты в стране были закрыты, тем не менее, екатеринбургские власти смогли убедить правительство начать строительные работы на средства, пожертвованные местными органами самоуправления. В сентябре-декабре 1915 г. почти все они были внесены в казначейство: 200 тысяч рублей от екатеринбургского уездного земства, 300 тысяч – от екатеринбургской городской думы, 379 302 рубля (частично наличными деньгами, частично процентными бумагами) – от Пермского губернского земства²²³. Позднее в смету строительства поступили недостающие деньги от губернского земства (120 698 рублей) и Оханского уездного земства (5 тысяч рублей). Завершить работу, однако, не удалось. В 1918 г., после занятия Екатеринбурга войсками Чехословацкого корпуса, выстроенная и закрытая крышей третья часть здания была занята под постой войск²²⁴. В советское время строительство «давножданного Горного института» забросили, недостроенные руины простояли более десяти лет, после чего их взорвали²²⁵.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что к 1917 г. Урал имел уже вполне развитый багаж профессионального образования, что являлось одним из аспектов ускорявшихся процессов профессионализации общества. Во второй половине XIX в. в крае произошла структурная дифференциация образования, выделились специализированные формы подготовки по разным профессиональным видам деятельности. Помимо традиционных для Урала горных и военных учебных заведений, здесь появились сельскохозяйственные, медицинские, коммерческие, лесные, механико-технические, художественно-промышленные школы. Заметно изменилось и профессионально-техническое образование. Потребности социально-экономического развития мо-

²²¹ Калейдоскоп // Уральская жизнь. 1911. № 123. 10 июня.

²²² Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1914. № 180. Ст. 2019.

²²³ РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5985. Л. 15.

²²⁴ Веймарн П.П. Несколько слов об Уральском горном институте // Известия Уральского горного института в Екатеринбурге. [Б.м., б.г.]. С. 5.

²²⁵ Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора. Пермь (1911–1914) / Сост. Н.Г. Павловский. Екатеринбург, 2007. С. 203.

дернизировавшегося государства потребовали значительных финансовых вливаний в эту сферу и распространения ее на широкие слои не только технических руководителей производства, но и рядовых рабочих. Общество осознало необходимость создания на Урале собственного высшего технического учебного заведения, которое должно было не только дать высококвалифицированные кадры, но и стать «умственным центром» научно-технической работы края, средоточием местной научно-технической мысли. Формирование новых норм научно обоснованной технической деятельности стало одним из признаков перехода общества от полупатриархального к индустриальному.

В целом, однако, профессионально-техническая школа в дореволюционной России была развита недостаточно. По количеству специальных учебных заведений наша страна в десятки раз отставала от своих европейских соседей. В частности, в Пруссии в 1906 г. имелось 10 горных школ с 1179 учениками и 49 горных училищ с 1069 учащимися²²⁶. У нас, согласно «Сборнику статистических сведений о состоянии среднего и низшего профессионального образования в России» 1910 г., было лишь восемь средних и низших горных школ с общим количеством учащихся в 609 человек²²⁷. Помимо этого, в развитых странах Запада существовало обязательное общее образование, что у нас отсутствовало. Все эти проблемы достались новому советскому правительству. В XX в. они были с успехом решены.

---

²²⁶ Ячевский Л.А. Статистика среднего и низшего горнотехнического образования в России // Горный журнал. 1911. Т. 3. № 7. С. 111.

²²⁷ Сборник статистических сведений о состоянии среднего и низшего профессионального образования в России. Ч. 1. СПб., 1910. С. 15–18.

ГЛАВА 3. ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИЙ

3.1. УЧИТЕЛЬСТВО ГОРОДСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Структура городской школы Среднего Урала на рубеже XIX–XX вв. была значительно более сложной, чем в настоящее время, и это обусловило сложную структуру учительства как особой социальной группы в составе городской интеллигенции. Прежде всего, учительский корпус городских учебных заведений можно разделить на две большие группы – педагогов средних и начальных учебных заведений. При этом нужно учитывать, что в пределах этих групп существовала внутренняя иерархия, обусловленная как различием должностных обязанностей, так и различным статусом педагогов внутри группы.

К педагогам средних учебных заведений относились директора и инспекторы, начальницы; преподаватели наук и языков; учителя искусств, гимнастики и специальных предметов, приготовительных классов; помощники классных наставников (классные надзиратели и надзирательницы) и воспитатели пансиона.

Педагоги начальных учебных заведений включали учителей городских училищ по Положению 1872 г.; учителей городских начальных народных училищ; помощников учителей.

Директоров и инспекторов, а также начальниц средних учебных заведений правомерно включать в состав учительского корпуса, т.к., во-первых, они были по преимуществу выходцами из учительской среды и, во-вторых, продолжали выполнять преподавательские обязанности.

Заведующих и инспекторов городских училищ нецелесообразно выделять в особую подгруппу, т.к. обязанности заведующего или учителя-инспектора, как правило, выполнял один из учителей сверх своей основной учебной нагрузки.

Законоучителей учебных заведений также нецелесообразно включать в состав учительского корпуса, т.к. они являлись священнослужителями, и именно этот фактор определял их статус и образ жизни. Тем не менее, законоучители, как и все педагоги, оказывали значительное воздействие на мировоззрение учеников.

Институт классных наставников в гимназиях и реальных училищах появился в 1871–1872 гг. (по мере ввода в действие уставов гимназий и реальных училищ соответственно). Обязанности классных наставников возлагались на преподавателей и состояли, главным образом, в контроле за учащимися как в школе, так и за её пределами.

Помощники классных наставников (классные надзиратели и надзирательницы) в некоторых случаях тоже могли преподавать, но, как правило, не основные предметы, при этом учебная нагрузка их была незначительна.

Источники официального и личного происхождения наиболее полно характеризуют педагогов средней школы. С одной стороны, преподаватели средних учебных заведений являлись государственными служащими, поэтому информация о них широко представлена в формулярных списках о службе. С другой стороны, преподаватели гимназий, прогимназий и реальных училищ представляли собой интеллектуальную элиту провинциального города, активно участвовали в общественной и культурной жизни, чем особенно запомнились современникам.

В свою очередь, среди педагогов средней школы можно выделить несколько групп в зависимости от типа учебного заведения, в котором они работали: 1) педагоги гимназий и прогимназий (мужских или женских, казённых или частных, расположенных в губернском или в уездном городе); 2) педагоги реальных училищ; 3) педагоги специальных (технических) учебных заведений. При этом обычной практикой являлось совмещение преподавательских должностей в двух, а иногда и более, средних учебных заведениях.

Городская школа на рубеже XIX–XX вв. была дифференцирована не только по статусному признаку (средняя / начальная), но и в гораздо большей степени по половому. В средней школе дифференциация учебных заведений по полу была безусловной, в системе начального образования допускались смешанные училища и школы, но в городах преобладали отдельные. Естественно, половая дифференциация учащихся определяла состав учителей в каждом типе учебных заведений.

Преподавать в мужских гимназиях и прогимназиях могли только мужчины. Вплоть до 1900-х гг. в Пермской губернии не было женщин, преподававших в мужских гимназиях или реальных училищах. Так, в Екатеринбургской мужской гимназии первые преподавательницы появились только в 1905/6 учебном году – это были учительницы французского языка Екатеринбургской 1-й женской гимназии Н.А. Шулькевич и Е.Н. Рогова, вероятно, приглашенные временно на один год. В 1907/8 и 1908/9 учебных годах уже на постоянную работу из 1-й и 2-й Екатеринбургских женских гимназий в мужскую пришли учительницы французского языка В.В. Гельман и А.В. Соколова, учительница математики А.Я. Любарская. В 1912 г. в качестве совместителя, а с 1914 г. в качестве штатного преподавателя пришла учительница немецкого языка А.В. Эгерт²²⁸.

В Пермской мужской гимназии в 1905–1907 гг. работала из платы по найму учительница французского языка Г.А. Абрамова, а в 1906–1907 гг. пришли учительницы немецкого языка Л.И. Сергеева, Н.А. Бернацкая и В.Ф. Титова, в 1914 г. двух последних в гимназии уже не было, но работали Е.А. Кузнецова, О.А. Киселёва, Н.П. Трусова – все из платы по найму. В Камышловской мужской гимназии в этот период преподавала Е.К. Баранова, в Ирбитской – А.А. Пахомова²²⁹.

В Екатеринбургском Алексеевском реальном училище с 1910 г. преподавала французский язык Е.Е. Савватеева, в Пермском Алексеевском реальном училище работали в начале XX в. Е.Г. Орлова и Г.Д. Швецова, в Шадринском реальном училище – А.Н. Петрова и А.Б. Куцнер, в Красноуфимском промышленном училище – Е.Л. Захаревская и Ю.И. Агафонова. Как правило, это были преподавательницы иностранных языков – французского или немецкого²³⁰.

Однако самое первое упоминание женщины-преподавательницы в мужском среднем учебном заведении Пермской губернии до начала XX в. относится к 1891 г. – тогда французский язык в Красноуфимском промышленном училище преподавала В.П. Финевская, супруга преподавателя черчения и чистописания в том же училище И.И. Финевского²³¹. Учитывая, что право преподавать в мужских средних учебных заведениях женщины получили только в 1906 г., а в старших классах женских гимназий – в 1901 г., этот случай можно считать исключением из правил – можно предположить, что он был вызван крайней нехваткой преподавателей иностранных языков в небольшом уездном городе.

Таким образом, к 1914 г., т.е. к началу Первой мировой войны (которая по понятным причинам способствовала росту количества женщин-преподавательниц в системе среднего образования), преподавательская работа женщин в мужских средних учебных заведениях Пермской губернии уже не была экстраординарным явлением, но, безусловно, ещё и не стала нормой. Интересно, что в гимназиях женщины были представлены в большей степени, чем в реальных и тем более специальных (технических) училищах. Возможно, это связано со спецификой учебных планов (преобладанием естественнонаучных и технических предметов над гуманитарными). При этом женщины, препода-

²²⁸ Будрин В.И. Пятидесятилетие существования Екатеринбургской мужской гимназии (1861–1911). Краткий исторический очерк. Екатеринбург, 1911. С. 114–116; ГАСО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 256.

²²⁹ Зверев А.В. Старейшее учебное заведение г. Перми. К столетию Пермской мужской гимназии (1808–1908). Пермь, 1908. С. 215–216; Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1914 год. Пермь, 1914. С. 18–19, 69; ГАСО. Ф. 457. Оп. 3. Д. 1. Л. 2.

²³⁰ ГАСО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 286; Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1909 год. Пермь, 1908. С. 100, 118; Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1914 год. Пермь, 1914. С. 19, 73, 102.

²³¹ Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1891 г. Пермь, 1890. С. 34.

вавшие в реальных училищах, как правило, работали на постоянной основе, тогда как среди женщин, преподававших в мужских гимназиях, было больше работавших временно из платы по найму.

В связи с ростом женского среднего образования на Среднем Урале постоянно росло количество женщин-преподавательниц в женских гимназиях и прогимназиях. По данным Г. Плещевой, на рубеже XIX–XX вв. в Пермской Мариинской женской гимназии из 42 преподавателей 30 были женщинами, в Пермской Александровской женской гимназии из 30 – 19²³².

*Соотношение женщин и мужчин
в педагогическом составе женских гимназий и прогимназий Пермской губернии.*

Учебное заведение	1883 г.		1914 г.	
	Кол-во женщин (%)	Кол-во мужчин (%)	Кол-во женщин (%)	Кол-во мужчин (%)
Пермская Мариинская женская гимназия	42,3	57,7	88,3	11,7
Пермская Александровская женская гимназия (в 1883 г. – прогимназия)	81,8	18,2	82,1	17,9
Екатеринбургская 1-я женская гимназия	72,7	27,3	81,5	18,5
Екатеринбургская 2-я женская гимназия	Не существовала		88,0	12,0
Ирбитская Мариинская женская гимназия (в 1883 г. – прогимназия)	66,6	33,4	85,0	15,0
Камышловская женская гимназия (в 1883 г. – прогимназия)	100,0	0	77,2	22,8
Кунгурская женская гимназия (в 1883 г. – прогимназия)	40,0	60,0	90,9	9,1
Осинская женская гимназия (в 1883 г. – прогимназия)	62,5	37,5	80,9	19,1
Красноуфимская женская гимназия	Не существовала		76,4	23,6
Оханская женская гимназия	Не существовала		68,4	31,6
Соликамская женская гимназия	Не существовала		66,6	33,4
Чердынская женская гимназия	Не существовала		63,1	36,9
Шадринская женская гимназия	Не существовала		75,0	25,0

Примечание: при подсчете не учитывались законоучители и врачи-преподаватели гигиены.

* Подсчитано по: Календарь Пермской губернии на 1883 год. Пермь, 1883. С. 44–47; Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1914 год. Пермь, 1914. С. 19–20, 52, 64, 69, 73, 79, 84, 88, 92, 98, 102.

Данные, приведенные в таблице, позволяют утверждать, что в женских средних учебных заведениях городов Пермской губернии (как губернского, так и уездных) на рубеже XIX–XX вв. педагогический состав становился преимущественно женским, количество педагогов-мужчин неуклонно сокращалось. (Исключение составляет Камышловская гимназия, но, возможно, увеличение числа педагогов-мужчин в ней объясняется сменой статуса с прогимназии на гимназию и, соответственно, повышением престижа учебного заведения в масштабе уездного города. В любом случае, число педагогов-женщин в Камышловской гимназии значительно превышало количество педагогов-мужчин).

Данные, свидетельствующие о неуклонном росте численности женщин-педагогов в составе провинциального учительства, получены также О.М. Казаковой на материалах Вятской губернии, входившей в состав Казанского учебного округа²³³.

Увеличение удельного веса женщин в педагогическом составе женских гимназий и прогимназий, помимо естественной причины, может объясняться различными факторами. Во-первых, быстрыми темпами развития женского образования в губернии и, следовательно, появлением достаточного количества квалифицированных женских педагогических кадров в сочетании с большим количеством новых рабочих мест в этой сфере. Во-вторых, растущей женской эманси-

²³² Плещева Г. Уралки // Родина, 2001. № 11 // http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=266&n=14 (дата обращения 02.12.11.).

²³³ Казакова О.М. Проблемы развития профессиональной структуры и ментальности провинциального учительства в XIX в. (на примере Вятской губернии) // Вестник Чувашского университета. 2008. № 4. С. 43.

пацией в России в период индустриальной модернизации, проявлявшейся в том числе в выходе женщин на рынок труда (народное образование было одной из немногих возможных в рассматриваемый период сфер женской профессиональной самореализации). В-третьих, замещением женщинами относительно непрестижных и невысоко оплачиваемых рабочих мест в сфере образования (особенно женского), которые мужчины в условиях экономического роста занимать не стремились. Действием этого фактора можно объяснить и появление женщин-преподавательниц в мужских гимназиях и реальных училищах. Впрочем, значение этого фактора именно для сферы среднего образования не следует преувеличивать, т.к. педагоги гимназий на рубеже XIX–XX вв. представляли собой высший слой учительства как социoproфессиональной группы, и в провинциальном городе место преподавателя в классической гимназии было довольно престижным.

В городских и уездных 2–4-классных училищах, дававших начальное образование повышенного уровня, в Пермской губернии в 1880-х – 1890-х гг. не было ни одной женщины-учительницы²³⁴. В начале XX в. среди учителей этого типа городских училищ впервые появляются женщины – сначала только в небольших уездных городах. Так, в 1908 г. женщины-учительницы работали в Верхотурском, Кунгурском и Чердынском городских училищах, но большинство учителей там по-прежнему составляли мужчины²³⁵. В 1914 г. женщины-учительницы преподавали уже в Верхотурском, Алапаевском, Кунгурском, Чердынском, Далматовском, Шадринском и Екатеринбургском 2-м городских училищах, но по-прежнему не составляли большинства²³⁶.

Однако в городских начальных народных училищах, которые открывались повсеместно в 1870-х гг. и содержались за счёт средств городской управы и мизерной родительской платы за обучение, с самого начала преобладали именно учительницы, независимо от контингента учащихся. Так, например, в семи городских начальных училищах г. Екатеринбурга во второй половине 1880-х гг. работали 20 учительниц и только 1 учитель (исключая, разумеется, священников-законоучителей)²³⁷, при этом по составу учащихся мужских училищ было больше, чем женских.

Таким образом, и в сфере начального образования в городах Пермской губернии происходил рост численности педагогов-женщин. Наиболее широко женщины были представлены в городских начальных одноклассных училищах. Это связано прежде всего с тем, что статус и уровень оплаты труда учителя начальных народных училищ был низким по сравнению не только с учителями средних учебных заведений, но и с учителями городских училищ по Положению 1872 г. Кроме того, уровень образования и квалификации, требовавшийся для работы в городских начальных одноклассных училищах, также был невысоким, что позволяло занимать эти учительские места девушкам, закончившим прогимназию или прошедшим неполный курс гимназии.

Возрастные характеристики учительства городской школы с трудом поддаются изучению, т.к. формулярные списки о службе и сходные с ними документы официального делопроизводства, в которых содержатся точные указания на возраст того или иного педагога и хронологию его продвижения по служебной лестнице, в архивах сохранились фрагментарно и характеризуют только педагогов средних учебных заведений, имевших статус государственных служащих. Тем не менее, на основании этих сведений, а также косвенных данных, содержащихся в ведомственных отчётах, адрес-календарях и памятных книжках, исторических очерках отдельных учебных заведений, можно сделать некоторые выводы.

Анализ 37 формулярных списков о службе мужчин-преподавателей наук в гимназиях, прогимназиях и реальных училищах Пермской губернии показывает, что возраст начала педагогической карьеры во 2-й половине XIX – начале XX вв. составлял в среднем 25–26 лет. Как правило, в этом возрасте молодые люди заканчивали университет и приступали к работе²³⁸.

Наиболее ранний срок начала карьеры преподавателя среднего учебного заведения – 21 год. Именно в этом возрасте в 1864 г. начал трудиться учителем французского языка будущий зна-

²³⁴ Календарь Пермской губернии на 1883 год. Пермь, 1883. С. 46–49; Календарь Пермской губернии на 1886 год. Пермь, 1885. С. 318–319; Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1889 год. Пермь, 1889. С. 50–52; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1897 год. Пермь, 1897. С. 52, 58, 69, 77, 85, 120, 132, 156, 163.

²³⁵ Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1909 год. Пермь, 1908. С. 78, 104, 116.

²³⁶ Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1914 год. Пермь, 1914. С. 38–39, 54, 79, 98, 102, 103.

²³⁷ Дополнения к статистическим таблицам по училищам Екатеринбургского уезда за 1885/6 и 1886/7 учебные годы. Екатеринбург, 1887. С. 105–109.

²³⁸ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 96. Ф. 90. Оп. 1. Д. 234, 235, 241, 246, 247, 250, 252, 272, 273, 277, 279, 284, 292, 301, 302. Ф. 91. Оп. 1. Д. 375; ГАПК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 7. Ф. 172. Оп. 1. Д. 28. Ф. 693. Оп. 1. Д. 91, 94, 100, 101, 112.

менитый преподаватель Екатеринбургской мужской гимназии О.Е. Клер – тогда швейцарский подданный, окончивший промышленную школу в г. Невшателе²³⁹.

Напротив, преподаватель математики и черчения Екатеринбургского Алексеевского реального училища Н.Г. Ершов стал педагогом в 37 лет. До этого времени он окончил Санкт-Петербургский университет и 8 лет прослужил чиновником по Министерству финансов. В 1897 г. он был определён на должность учителя математики в Оренбургской Киргизской учительской школе²⁴⁰.

Принципиальных различий в возрасте начала педагогической карьеры между преподавателями наук в мужских и женских гимназиях, в гимназиях и реальных училищах, в губернском и уездных городах не выявлено. Также не прослеживаются различия в возрасте начала карьеры преподавателей-мужчин в средних учебных заведениях во 2-й половине XIX в. и в начале XX в.

Мужчины-преподаватели искусств и специальных предметов, учителя приговорительного класса в мужских гимназиях и особенно помощники классных наставников начинали педагогическую карьеру несколько позже, чем преподаватели наук – в среднем, в 27–28 лет, при этом отмечается значительный диапазон возраста начала карьеры. Как правило, названные должности занимали либо те, кто получил соответствующее образование и с самого начала связал свою жизнь с педагогикой, либо те, кого к педагогическому труду уже в зрелом возрасте вынудили превратности судьбы²⁴¹.

Так, например, помощник классных наставников Екатеринбургского Алексеевского реального училища Н.И. Герц поступил на эту должность в 40 лет, уволившись прежде с военной службы, а через несколько лет – и с должности землемера, в связи с расстроенным здоровьем²⁴². В то же время братья М.А. и Н.А. Фортунатовы, помощники классных наставников Екатеринбургской мужской гимназии, начали работу в сфере образования в 21 и 19 лет соответственно. М.А. Фортунатов был выпускником Гатчинской учительской семинарии, а Н.А. Фортунатов окончил Старорусское городское 5-классное училище. Оба они имели свидетельства на звание учителя начальных училищ²⁴³.

Определить средний возраст начала педагогической карьеры женщин-преподавательниц и классных надзирательниц в гимназиях и прогимназиях трудно, т.к. их формулярные списки о службе не всегда отмечают работу женщин в качестве домашних учительниц в семьях, тогда как многие из них, прежде чем поступить на службу в среднее учебное заведение, зарабатывали на жизнь частными уроками. Кроме того, делопроизводство в женских гимназиях, в отличие от мужских гимназий и реальных училищ, вероятно, было организовано хуже, потому что женские формулярные списки отличаются от мужских меньшей полнотой и тщательностью составления.

Анализ 38 формулярных списков о службе женщин-преподавательниц позволяет выделить среди них две группы – тех, кто начал педагогическую карьеру сразу после получения образования (среднего или высшего), и тех, кто вступил на учительскую стезю в зрелом возрасте под влиянием различных жизненных обстоятельств. Соответственно, в первой группе (более многочисленной) средний возраст начала карьеры составлял 21–22 года. Это ниже, чем у преподавателей-мужчин, т.к. женщины нередко начинали учительскую карьеру сразу по окончании гимназии. Во второй группе средний возраст начала карьеры – 36 лет. При этом нужно учитывать, что часть женщин-педагогов прерывала свою карьеру на период замужества и рождения детей, возобновляя её в зрелом возрасте в связи с вдовством или взрослением детей. Таких женщин мы сочли возможным отнести к первой возрастной группе²⁴⁴.

Самый ранний возраст начала женской педагогической карьеры – 16 лет. Например, преподавательница гимнастики Пермской Александровской женской гимназии М.П. Спицына в 16 лет окончила Вятское епархиальное женское училище со званием домашней учительницы и начала работать помощницей учителя в земских училищах Вятского уезда. Через 10 лет она окончила курсы гимнастики со свидетельством на право преподавания и поступила на работу в гим-

²³⁹ ГАСО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 375. Л. 60.

²⁴⁰ ГАСО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 247.

²⁴¹ ГАСО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 239, 242, 267, 278, 280. Ф. 91. Оп. 1. Д. 255, 375; ГАПК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 11. Ф. 172. Оп. 1. Д. 15. Ф. 693. Оп. 1. Д. 81.

²⁴² ГАСО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 242.

²⁴³ ГАСО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 375. Л. 156–158, 212–213.

²⁴⁴ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 96. Ф. 91. Оп. 1. Д. 256; ГАПК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 6, 9, 14, 17, 20, 21. Ф. 172. Оп. 1. Д. 12, 13, 17, 18, 22, 25, 28. Ф. 693. Оп. 1. Д. 72, 76, 79, 89, 92.

назию²⁴⁵. Преподавательницы наук и языков начинали карьеру чаще всего после 20 лет, когда получали образование выше уровня гимназии.

В возрасте более 30 лет нередко начинали работать в гимназиях учительницы рукоделия или пения, не получившие высшего образования²⁴⁶.

Средний возраст начала педагогической карьеры классных надзирательниц составлял 22–23 года, с диапазоном от 16 лет до 31 года, т.к. на должность классных надзирательниц поступали либо вчерашние гимназистки, либо женщины, в зрелом возрасте вынужденные зарабатывать на жизнь самостоятельно (но не получившие образования, позволявшего преподавать в гимназии)²⁴⁷.

О возрасте завершения педагогической карьеры преподавателей средних учебных заведений в городах Пермской губернии с определённой судить трудно, т.к. он не всегда зафиксирован в дошедших до нас делопроизводственных документах. Возможно сделать лишь некоторые выводы.

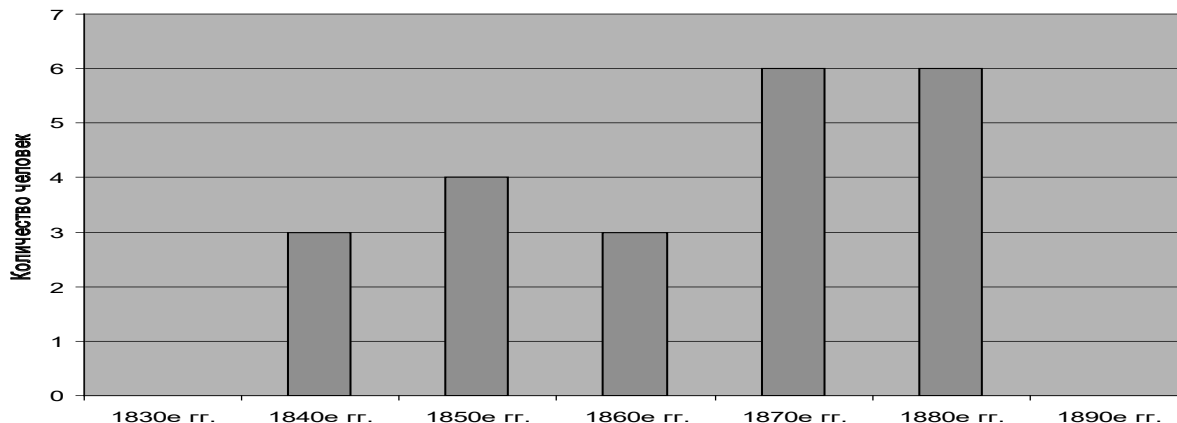
Преподаватели-мужчины в средних учебных заведениях нередко завершали педагогическую карьеру позже, чем получали право на пенсию по выслуге 25-летнего срока в качестве государственных служащих, т.е. в возрасте более 50–60 лет. В формулярных списках и личных делах преподавателей Екатеринбургской мужской гимназии и Екатеринбургского Алексеевского реального училища содержится информация об оставлении преподавателей на службе на 5, 10 и более лет после получения права на пенсию по выслуге лет²⁴⁸. Более ранний выход в отставку обычно был связан с расстроеным здоровьем.

Женская педагогическая карьера, как правило, завершалась в молодости в связи с замужеством или в преклонных годах в связи с расстроеным здоровьем, поэтому определить некий типичный возраст завершения карьеры женщин-преподавательниц средних учебных заведений затруднительно. Видимо, если женщина-педагог не выходила замуж, она продолжала трудиться до последних лет жизни, т.к. чаще всего не имела иных источников дохода, кроме заработной платы.

Что касается среднего возраста педагогических коллективов отдельных учебных заведений, то он может быть определён весьма условно – по дошедшим до нас формулярным спискам о службе и спискам служащих гимназий и прогимназий, т.е. на основании заведомо неполных данных. Примерное распределение педагогов средних учебных заведений по возрастам (на основании данных о годах рождения или о количестве полных лет на момент составления формуляра) представлено в диаграммах.

Распределение педагогов средних учебных заведений городов Пермской губернии в конце XIX – начале XX вв. по годам рождения.

Екатеринбургская мужская гимназия (период с 1881 по 1914 гг.):

* Подсчитано по: ГАСО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 252, 254–256, 375.

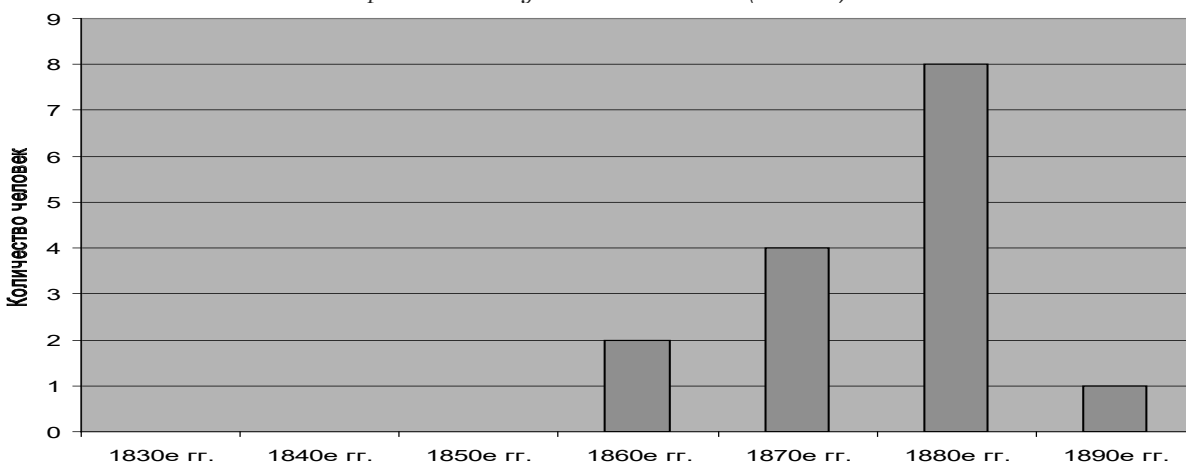
²⁴⁵ ГАПК. Ф. 172. Оп. 1. Д. 22.

²⁴⁶ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 96. Л. 9–11, 63–64; ГАПК. Ф. 172. Оп. 1. Д. 25.

²⁴⁷ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 96; ГАПК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 18. Ф. 172. Оп. 1. Д. 20, 28. Ф. 693. Оп. 1. Д. 75, 82, 84.

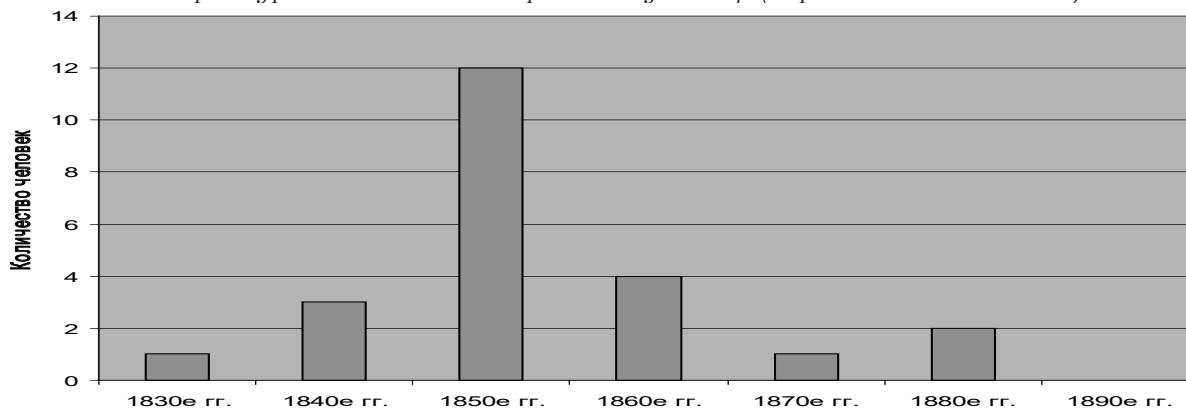
²⁴⁸ ГАСО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 241, 269, 278, 292. Ф. 91. Оп. 1. Д. 375.

Ирбитская мужская гимназия (1915 г.):

* Подсчитано по: ГАСО. Ф. 457. Оп. 3. Д. 1. Л. 1–2.

Екатеринбургское Алексеевское реальное училище (период с 1881 по 1914 гг.):

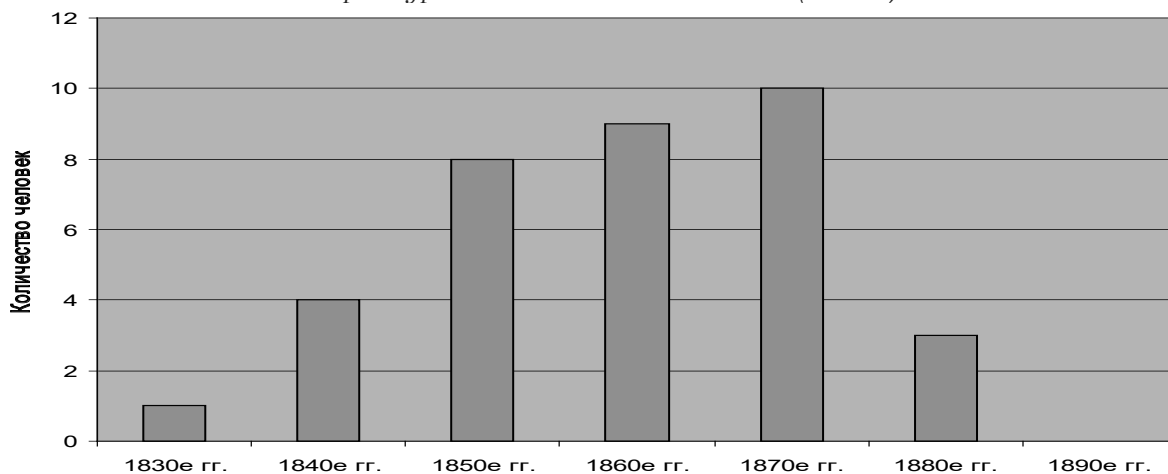

* Подсчитано по: ГАСО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 234–236, 238, 239, 241–243, 245–248, 250, 254, 267, 269, 270, 273, 277–280, 284, 292, 293, 301, 302.

Фонд Екатеринбургского Алексеевского реального училища, имеющийся в ГАСО, является наиболее полным и информативным из всех исследованных нами фондов городских учебных заведений. Поэтому можно сопоставить данные различных документов официального делопроизводства. Согласно ежегодным статистическим отчётам, направлявшимся директором Екатеринбургского Алексеевского реального училища в Канцелярию Попечителя Оренбургского учебного округа в 1892–1895 гг., большинство преподавателей училища находились в возрасте 30–40 лет, что подтверждает данные, полученные из формулярных списков учителей и приведённые в диаграмме²⁴⁹.

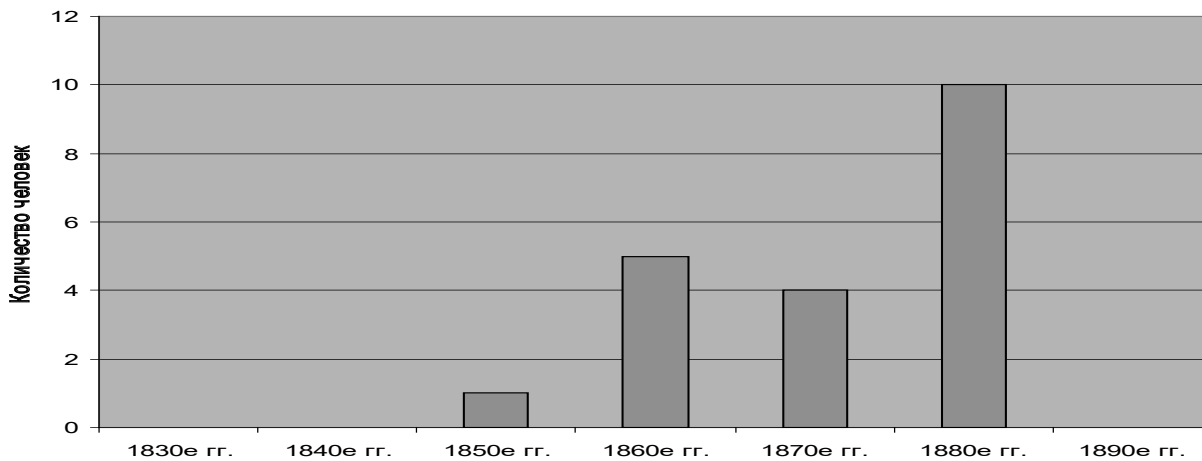
²⁴⁹ ГАСО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 101. Л. 41, 45.

Екатеринбургская 1-я женская гимназия (1903 г.):

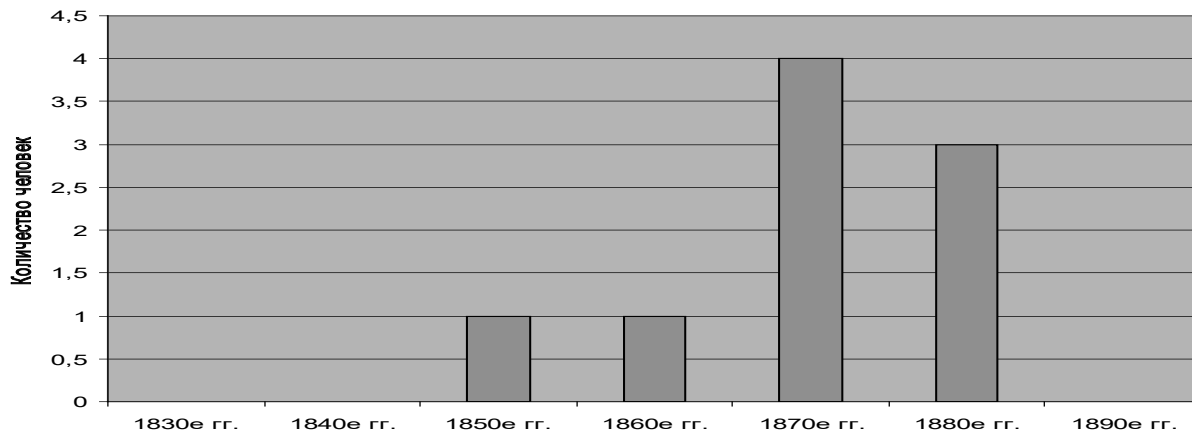
* Подсчитано по: ГАСО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 14. Л. 4–14, 18.

Екатеринбургская 2-я женская гимназия (период с 1903 по 1914 гг.):

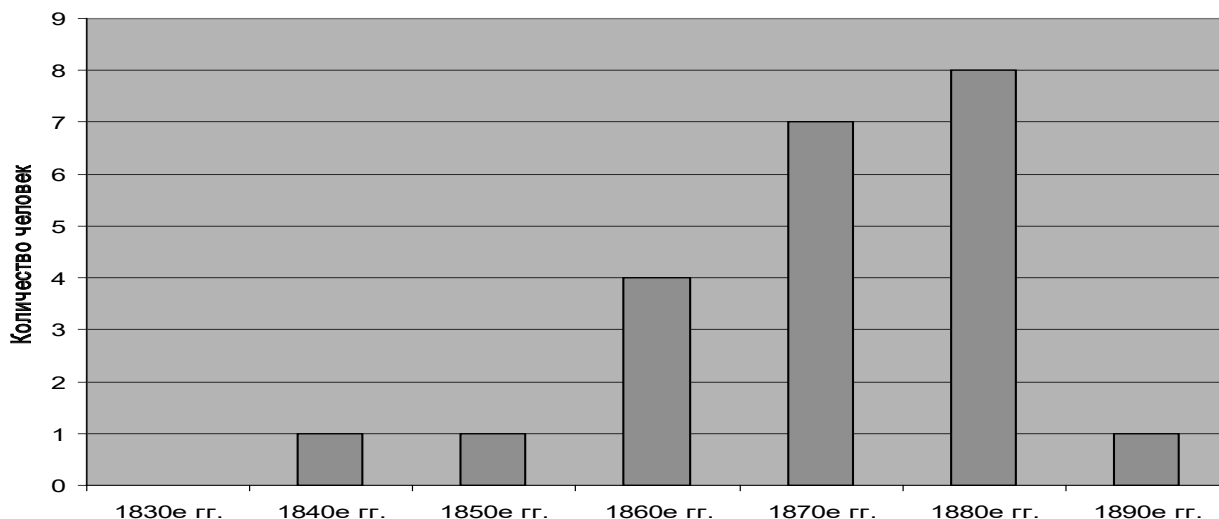
* Подсчитано по: ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 96.

Пермская Мариинская женская гимназия (период с 1881 по 1914 гг.):

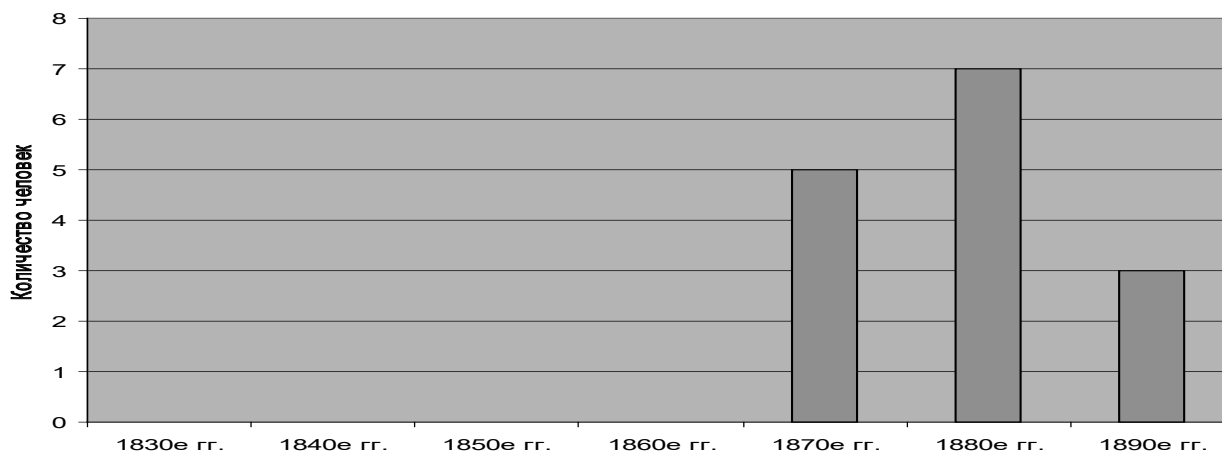
* Подсчитано по: ГАПК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 6, 7, 9, 11, 14, 16, 20, 21.

Пермская Александровская женская гимназия (период с 1887 по 1914 гг.):

* Подсчитано по: ГАПК. Ф. 172. Оп. 1. Д. 12, 13, 15, 17, 18, 20, 22, 25, 28.

Чердынская женская гимназия (период с 1899 по 1914 гг.):

* Подсчитано по: ГАПК. Ф. 693. Оп. 1. Д. 72, 75, 76, 79, 81, 82, 84, 89, 90–92, 94, 100, 101, 112.

Разумеется, при сопоставлении приведенных выше диаграмм необходимо учитывать два существенных ограничения. Во-первых, документы официального делопроизводства средних учебных заведений Пермской губернии дошли до нас не в полном объеме (это очевидно при сравнении перечня формулярных списков педагогов, хранящихся в фондах ГАСО и ГАПК, и поимённых списков служащих учебных заведений, содержащихся в ежегодных адрес-календарях и памятных книжках Пермской губернии), кроме того, далеко не во всех формулярных списках точно указаны даты рождения преподавателей. Часто приводится лишь возраст на момент начала составления формулярного списка (дату рождения не всегда возможно точно установить, так как списки переписывались и дополнялись). Во-вторых, формулярные списки и личные дела педагогов старейших средних учебных заведений Перми и Екатеринбурга охватывают больший временной диапазон, нежели документы позднее возникших гимназий и прогимназий. Более показательны в этом отношении поименные списки служащих гимназий (с указанием возраста) за определённые годы, но они сохранились фрагментарно.

Тем не менее, можно предполагать, что педагогические коллективы в женских гимназиях были в среднем более молодыми, чем в мужских гимназиях и реальных училищах. Вероятно, это объясняется более ранним началом педагогической карьеры женщин-преподавательниц и более частой сменяемостью кадров (особенно педагогов-мужчин) в женских учебных заведениях, особенно в городах, удаленных от губернского центра.

При этом старейшие средние учебные заведения Пермской губернии – Пермская и Екатеринбургская мужские гимназии, Екатеринбургская 1-я женская гимназия – отличались от остальных более высоким средним возрастом педагогического коллектива. Это можно объяснить как большей стабильностью педагогического состава, всегда характерной для давно существующего учебного заведения, так и престижностью работы в этих школах. Разумеется, при подборе учительских кадров руководство школ отдавало предпочтение более опытным педагогам и имело возможность выбора (чего нельзя сказать о гимназиях, например, Ирбита и тем более отдаленной Чердыни).

Таким образом, приведенные выше данные о половозрастном составе учительского корпуса позволяют утверждать, что педагогический состав средних учебных заведений и 3–4-классных городских училищ, в отличие от педагогического состава начальных одноклассных городских училищ, на рубеже XIX–XX вв. четко различался по гендерному признаку. При этом мужчины могли преподавать как в мужских, так и в женских учебных заведениях, а женщины вплоть до 1900-х гг. – только в женских.

И женщины, и мужчины, преподававшие в средних учебных заведениях начинали педагогическую карьеру чаще всего после 20 лет, когда получали соответствующее образование. Завершение карьеры педагогов-мужчин обычно происходило после 50 лет и позже, тогда как время завершения женской педагогической карьеры обычно зависело от брачного статуса женщины.

Средний возраст педагогических коллективов гимназий и реальных училищ определялся тремя факторами: длительностью существования учебного заведения, гендерным составом учащихся и статусом города, в котором располагалось учебное заведение.

Социальное происхождение городского учительства Пермской губернии в рассматриваемый период было достаточно разнообразным, что можно считать следствием постепенного разложения традиционного общества в результате реформ 1860-х – 1870-х гг. и последующей индустриальной модернизации страны. Ниже представлены сведения о социальном происхождении педагогов отдельных средних учебных заведений (по данным формулярных списков о службе и личных дел педагогов).

Социальное происхождение преподавателей и других педагогических работников мужских средних учебных заведений г. Екатеринбурга на рубеже XIX–XX вв..

Из какого сословия происходит педагог	Екатеринбургская мужская гимназия	Екатеринбургское Алексеевское реальное училище
Из дворян	2	2
Из личных почётных граждан	2	0
Из чиновников	4	4
Из духовенства	5	6
Из купечества	1	0
Из мещан	2	2
Из крестьян	3	1
Из обер-офицерских детей	1	3
Из иностранцев	2	4
Из казаков	0	1

* Подсчитано по: ГАСО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 252, 254–256, 375. Ф. 90. Оп. 1. Д. 234–236, 238, 239, 241–243, 245–248, 250, 254, 267, 269, 270, 273, 277–280, 284, 292, 293, 301, 302.

Согласно данным статистических отчетов о деятельности Екатеринбургского Алексеевского реального училища, в 1892–1894 гг. среди преподавателей потомственных дворян не было совсем, личные дворяне и чиновники составляли 41%, дети священнослужителей – 35%, выходцы

из крестьян, из мещан и иностранцы – по 5%, представители прочих сословий – 9%²⁵⁰. По состоянию на 1897 г. среди служащих училища дворян уже не было, однако социальное происхождение остальных в документе не конкретизировано²⁵¹.

Необходимо заметить, что выявить существенные различия в социальном происхождении преподавателей и помощников классных наставников в мужских средних учебных заведениях на основании имеющихся источников не удалось.

Социальное происхождение мужчин-преподавателей женских средних учебных заведений городов Пермской губернии на рубеже XIX–XX вв.

Из какого сословия происходит педагог	Пермская Мариинская женская гимназия	Пермская Александровская женская гимназия	Екатеринбургская 2-я женская гимназия	Чердынская женская гимназия
Из дворян	0	0	0	1
Из чиновников	1	1	0	1
Из духовенства	0	0	2	0
Из мещан	1	1	0	2
Из крестьян	0	1	0	1

Примечание: при подсчете не учитывались преподаватели, работавшие в женских гимназиях по совместительству.

* Подсчитано по: ГАПК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 7, 11. Ф. 172. Оп. 1. Д. 28. Л. 8, 48, 79. Д. 15. Ф. 693. Оп. 1. Д. 81, 91, 100, 101, 106, 112; ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 96. Л. 35, 78.

Итак, социальное происхождение педагогов-мужчин, преподававших в средних учебных заведениях – как мужских, так и женских – на рубеже XIX–XX вв. было неоднородным. Большинство педагогов-мужчин вышло из среды чиновничества или духовенства. Нередко учителя средней школы происходили из мещан и крестьян, из обер-офицерских детей, в крупных городах – из иностранцев (преимущественно преподаватели языков). Наблюдается тенденция к сокращению удельного веса выходцев из дворян в составе городского учительства Пермской губернии.

Социальное происхождение педагогов-женщин в женских средних учебных заведениях городов Пермской губернии на рубеже XIX–XX вв.

Из какого сословия происходит педагог	Пермская Мариинская женская гимназия	Пермская Александровская женская гимназия	Екатеринбургская 1-я женская гимназия	Екатеринбургская 2-я женская гимназия	Чердынская женская гимназия	Осинская женская прогимназия
Из дворян	0	4	4	4	2	0
Из чиновников	3	13	16	9	3	3
Из духовенства	1	1	5	3	1	1
Из мещан	0	1	3	3	1	0
Из крестьян	0	1	0	1	0	0
Из купцов	0	1	1	0	0	0
Из обер-офицерских и солдатских детей	1	1	0	0	0	0
Из иностранцев	1	0	2	0	0	0
Из казаков	0	1	0	0	1	0

* Подсчитано по: ГАПК. Ф. 172. Оп. 1. Д. 12, 17, 18, 22, 25, 28. Ф. 33. Оп. 1. Д. 14, 16, 20, 21. Ф. 693. Оп. 1. Д. 72, 76, 78, 79, 85, 89, 92, 108; ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 96. Ф. 70. Оп. 1. Д. 14; Календарь Пермской губернии на 1883 г. Пермь, 1883. С. 45–48.

Таким образом, среди преподавательниц и классных наставниц женских гимназий Пермской губернии на рубеже XIX–XX вв. наиболее широко были представлены дочери (иногда – вдовы, жены) чиновников и дворян, немногим менее – мещан и духовенства. Реже, чем среди педагогов-мужчин, встречаются дочери крестьян, нижних воинских чинов, иностранцев. Вероятно, это

²⁵⁰ Там же. Л. 41, 45, 47.

²⁵¹ ГАСО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 102. Л. 3.

связано с затруднённым доступом женщин из низших сословий к образованию, достаточному для преподавания в средних учебных заведениях.

Существенных различий в социальном происхождении преподавательниц и классных наставниц на основании имеющихся источников также не выявлено.

Что касается руководящих кадров средних учебных заведений в городах Пермской губернии (директоров и инспекторов), то их социальное происхождение также было неоднородным. Так, директор Пермской мужской гимназии в 1884–1906 гг. Яков Иванович Алфионов был сыном священника, а его преемник Николай Александрович Бравин, занимавший этот пост в 1906–1914 гг., происходил из дворянского сословия²⁵².

Директора Екатеринбургского Алексеевского реального училища Александр Александрович Степанов и Николай Алексеевич Стешин оба происходили из обер-офицерских детей²⁵³.

Инспекторы Екатеринбургской мужской гимназии Яков Николаевич Владимиров и Карл Болеславович Пенионжкевич происходили из духовенства и дворянства соответственно, а вторые инспектирующие Александр Иванович Истомина и Георгий Иванович Эбергардт – соответственно из духовенства и мещанства²⁵⁴.

Начальницы гимназий и прогимназий в городах Пермской губернии принадлежали преимущественно к дворянскому сословию, являясь дочерьми, супругами или вдовами дворян и чиновников. Так, дочерьми потомственных дворян были бессменная начальница Екатеринбургской 1-й женской гимназии С.А. Тиме и начальница Пермской Александровской женской гимназии Н.Я. Клинберг. В дворянских семьях родились начальницы Л.А. Дубенская (Чердынская гимназия), Е.К. Фёдорова (Екатеринбургская 2-я гимназия). Супругами или вдовами дворян и чиновников были А.Е. Градинская (Пермская Маринская гимназия), П.Д. Лохер (Осинская прогимназия), М.В. Рогожникова (Ирбитская прогимназия), Е.В. Егорьева (Оханская гимназия). Первая начальница Пермской Александровской женской прогимназии М.Л. Пермякова происходила из обер-офицерских детей, но ее отец был чиновником – коллежским ассессором²⁵⁵.

Вероятно, преобладание женщин из семей дворян и чиновников среди начальниц гимназий и прогимназий объясняется более медленным размыванием сословных границ в сфере женского образования по сравнению с мужским.

Социальное происхождение учителей городских училищ практически не отражено в имеющихся источниках, поэтому сделать достоверные выводы о нём не представляется возможным.

Документы официального делопроизводства средних учебных заведений городов Пермской губернии достаточно информативны в отношении как образовательного уровня учительства, так и форм получения образования, необходимого для работы в гимназиях, прогимназиях и реальных училищах.

Согласно ст. 1516 Свода уставов учёных учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения, для получения преподавательской должности необходимо было получить высшее (предпочтительно университетское) образование и выдержать экзамен на звание учителя гимназии²⁵⁶. Так, из 15 преподавателей наук и языков Екатеринбургской мужской гимназии, работавших в период 1881–1902 гг., университетское образование имели 9 человек (из них трое – словесник Я.Н. Владимиров и математики П.П. Елсаков и К.И. Александров – окончили университет на правах кандидата наук), историко-филологический институт окончили 2 человека, политехнический институт – 1 человек, зарубежные учебные заведения – 2 человека, техническое училище – 1 человек. При этом все преподаватели наук, не имевшие изначально университетского образования, получили после сдачи специального экзамена звание учителя гимназии. Например, преподаватель математики Г.И. Зворыкин окончил Императорское Московское техническое училище со званием инженера-механика и начал педагогическую карьеру с должности преподавателя механики в Нижнетагильском реальном училище. Потом он сдал экзамен на звание учителя гимназии по математике и преподавал сначала в Екатеринбургской 2-й женской гимназии, затем перешел в мужскую гимназию. Иностранцы по происхожде-

²⁵² Алфионов // <http://www.pravenc.ru/text/115592.html> (дата обращения 02.12.11.); ГАПК. Ф. 790. Оп. 1. Д. 351.

²⁵³ ГАСО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 292, 293.

²⁵⁴ ГАСО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 375. Л. 16, 47, 107, 146.

²⁵⁵ ГАСО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 14. Л. 1. Ф. 4. Оп. 1. Д. 96. Л. 51; ГАПК. Ф. 172. Оп. 1. Д. 17. Л. 1. Д. 28. Л. 55. Ф. 693. Оп. 1. Д. 76, 78; Календарь Пермской губернии на 1883 год. Пермь, 1883. С. 44–47.

²⁵⁶ Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. I. С. 142 // <http://civilconsultant.ru/code/>

нию, принявшие российское подданство, преподаватели языков О.Е. Клер и П.М. Лешник также выдержали экзамен на право преподавания в гимназиях и прогимназиях²⁵⁷.

Руководство Оренбургского учебного округа строго следило за тем, чтобы преподаватели работали по профилю полученного образования. Иногда это входило в противоречие с объективными потребностями и возможностями учебных заведений. В этой связи интересна двухлетняя переписка директора Екатеринбургской мужской гимназии А.К. Яненца с Попечителем Оренбургского учебного округа Н.И. Тихомировым о назначении на должности преподавателей.

В сентябре 1912 г. А.К. Янец дал объявление для окончивших курс университета о наличии вакансии преподавателя латинского языка в гимназии. В октябре 1912 г. выпускник Императорского Казанского университета по классическому отделению историко-филологического факультета Б.Х. Миквиц был допущен к исполнению обязанностей преподавателя латинского языка. Через месяц к исполнению обязанностей преподавателя русского языка и истории был допущен выпускник Императорского Московского университета по историко-филологическому факультету Д.К. Исаков, который обратился к директору с прошением о назначении его преподавателем латинского языка. Проработав чуть более месяца, Б.Х. Миквиц вышел в отставку в связи с нервным расстройством, и Д.К. Исаков занял его место.

Однако в сентябре 1913 г., когда пришло время утвердить Д.К. Исакова в должности, Попечитель Оренбургского учебного округа отказал директору гимназии в его прошении в связи с тем, что по специальности Д.К. Исаков – историк, и утвердить его в должности преподавателя латыни можно только в том случае, если он будет вести не менее 6 недельных уроков истории.

Директор направил в адрес Попечителя новое прошение, в котором объяснял, что преподавателей истории в гимназии уже четыре человека, а латиниста нет ни одного, и найти его крайне трудно. При этом один из преподавателей истории – Г.К. Кузнецов – также преподаёт русский и латинский языки. В ответ Попечитель потребовал предоставить Исакову и Кузнецову не менее 6 недельных уроков истории каждому.

В марте 1914 г., когда Д.К. Исаков фактически преподавал латинский и греческий языки, А.К. Янец вновь обратился к Н.И. Тихомирову с просьбой ходатайствовать уже перед Министром народного просвещения об утверждении Д.К. Исакова в должности, чтобы тот мог получать по 75, а не по 60 рублей за годовой урок. Директор писал, что Исаков любит и знает латынь, и в дипломе у него есть положительные отметки «по греческим и римским авторам». В ответ Попечитель заявил, что ходатайство будет отклонено, и нужно утвердить Исакова в должности учителя истории, а Кузнецова перевести в Одесский учебный округ. В этом случае за Исаковым можно будет, сверх положенных 6 недельных уроков истории, уроки латыни с оплатой по 75 рублей за годовой урок. Наконец, с 1 июля 1914 г. Д.К. Исакову было предоставлено звание учителя гимназии по истории, и именно в этой должности он был утвержден²⁵⁸.

Трудно сказать, чем было вызвано столь упорное нежелание руководства учебного округа пойти навстречу директору гимназии в случае с преподавателем Д.К. Исаковым. Данная ситуация может служить примером того, как формальное соблюдение буквы закона не только не позволяло гибко и эффективно управлять учебным процессом, но и негативно сказывалось на положении начинающих преподавателей.

Поимённый список служащих Пермской мужской гимназии содержит данные об образовательном уровне большинства педагогов, подтверждающие выводы, сделанные нами на материале Екатеринбургской мужской гимназии. Из 61 преподавателя наук и языков (чьи данные об образовании имеются в списке), работавших в Пермской гимназии в период с 1881 по 1908 гг., 32 человека имели университетское образование, ещё 4 человека являлись выпускниками духовной академии, 15 – выпускниками историко-филологического института, 10 учителей французского и немецкого языков были иностранцами, получившими звание учителя гимназии. При этом из 61 преподавателя 1 человек имел магистерскую степень (директор Я.И. Алфионов) и 12 человек – кандидатскую (правда, часть преподавателей-кандидатов работала в гимназии по совместительству)²⁵⁹.

²⁵⁷ ГАСО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 252, 375.

²⁵⁸ ГАСО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 251.

²⁵⁹ Зверев А.В. Старейшее учебное заведение г. Перми. К столетию Пермской мужской гимназии (1808–1908). Пермь, 1908. С. 190–192, 197–218.

Образовательный уровень преподавателей Пермской мужской гимназии был самым высоким среди учебных заведений Пермской губернии, что объясняется губернским статусом г. Перми и престижностью старейшего в губернии среднего учебного заведения.

Выпускникам гимназий, учительских институтов и семинарий или художественных учебных заведений в гимназиях и реальных училищах предлагались только должности учителя пения, рисования, чистописания, черчения, а чаще всего – помощника классных наставников или воспитателя пансиона. Учителя гимнастики имели, как правило, военное образование (например, юнкерское училище) и невысокие военные чины²⁶⁰.

Преподавательский состав реальных училищ по своему образовательному уровню несколько уступал гимназическому, но незначительно. Так, в Екатеринбургском Алексеевском реальном училище из 24 работавших на рубеже XIX–XX вв. преподавателей (в формулярах которых указано образование) университет окончили 17 человек, историко-филологический институт – 2 человека, технологический институт – 1 человек, средние учебные заведения – 2 человека, заграничное учебное заведение – 2 человека²⁶¹.

В статистических сведениях о Екатеринбургском Алексеевском реальном училище на 1 января 1892 г. приведены следующие цифры (без учета помощников классных наставников и воспитателей пансиона): 10 преподавателей имели университетское образование, 1 – окончил высшее специальное учебное заведение, 4 человека имели среднее образование, 2 – являлись выпускниками духовной семинарии, 1 преподаватель окончил заграничное учебное заведение. В 1893 г. ситуация изменилась незначительно: осталось 9 преподавателей с университетским образованием и прибавился еще 1 преподаватель со средним образованием²⁶². Таким образом, данные статистических отчетов в целом коррелируют с данными формулярных списков о службе и подтверждают сделанный нами вывод.

Необходимо отметить, что наряду с преподавателями, не имевшими высшего образования, в Екатеринбургском Алексеевском реальном училище работали кандидат естественных наук Санкт-Петербургского университета М.Е. Соловьёв, кандидат физико-математических наук того же университета К.И. Александров, кандидат историко-филологического факультета Н.А. Орлов и магистр русской словесности П.В. Владимиров²⁶³.

Преподаватели-мужчины, работавшие в женских гимназиях, по своему образовательному уровню распределялись следующим образом (согласно данным сохранившихся формулярных списков).

Образовательный уровень преподавателей-мужчин в женских средних учебных заведениях городов Пермской губернии на рубеже XIX–XX вв.

Какое учебное заведение окончил преподаватель	Пермская Мариинская женская гимназия	Пермская Александровская женская гимназия	Екатеринбургская 1-я женская гимназия	Екатеринбургская 2-я женская гимназия	Чердынская женская гимназия
Университет	1	3	2	1	5
Из них на правах кандидата университета	0	0	1	0	0
Духовная академия	0	0	0	1	0
Техническое училище	0	0	1	1	0
Художественное учебное заведение	1	1	1	0	1
Гимназия	0	0	1	0	0

Примечания: 1. При подсчете учитывались только штатные преподаватели. 2. Преподаватели, окончившие художественные учебные заведения, преподавали рисование и чистописание.

*Подсчитано по: ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 96. Ф. 70. Оп. 1. Д. 14; ГАПК. Ф. 33. Д. 7, 11. Ф. 172. Оп. 1. Д. 15, 28. Ф. 693. Оп. 1. Д. 81, 91, 94, 100, 101, 106, 112.

²⁶⁰ ГАСО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 375. Л. 82, 99, 134. Зверев А.В. Старейшее учебное заведение г. Перми. К столетию Пермской мужской гимназии (1808–1908). Пермь, 1908. С. 219–224.

²⁶¹ ГАСО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 234–236, 239, 241, 245–247, 250, 252, 255, 273, 277–280, 284, 292, 293, 301, 302.

²⁶² ГАСО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 101. Л. 41, 45.

²⁶³ ГАСО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 273, 279, 290. Ф. 101. Оп. 1. Д. 139. Л. 521, 676а.

Отдавая себе отчет в неполноте приведенных в таблице данных, мы все же можем сделать вывод об отсутствии существенных различий в образовательном уровне мужчин-преподавателей мужских и женских гимназий.

На основании изучения личных дел и формулярных списков о службе преподавательниц наук и языков, служивших в гимназиях Пермской губернии, можно заключить, что женщине, чтобы стать преподавательницей женской гимназии, нужно было окончить высшие женские курсы или институт благородных девиц, или быть выпускницей 8-го, дополнительного, педагогического класса женской гимназии (часто той же самой, где намеревалась преподавать) и – в любом случае – выдержать экзамен на звание домашней учительницы или домашней наставницы по определенному предмету.

Однако даже высшие женские курсы сами по себе не давали права на утверждение в преподавательской должности, если экзамен на звание домашней учительницы или наставницы был сдан по другому профилю, нежели обучение на курсах. Так, например, преподавательница естественной истории Пермской Мариинской женской гимназии Н.Н. Несслер (урожденная Зосимовская) получила звание домашней наставницы по русскому языку и математике, окончив полный курс Вяземской женской гимназии. Позднее она окончила Московские Высшие женские курсы по физико-математическому отделению с дипломом I степени. В течение нескольких лет она успешно преподавала естествознание в частных и государственных гимназиях. Однако в Перми, куда Нина Николаевна переехала, выйдя замуж за местного учителя, ее долгое время не утверждали в занимаемой должности, и только сдача повторного экзамена на звание домашней учительницы по естествознанию позволила решить проблему²⁶⁴. Также показателен в этом отношении пример преподавательницы математики Пермской Александровской женской гимназии Н.В. Саковской, которая три года добивалась утверждения в должности учительницы математики²⁶⁵.

Учительницами рукоделия, арифметики или чистописания, гимнастики или приготовительных классов могли стать выпускницы гимназий, окончившие дополнительный, восьмой, педагогический класс и получившие свидетельство домашней учительницы или наставницы, а также дочери священников, окончившие епархиальные женские училища²⁶⁶.

*Образовательный уровень преподавательниц
в женских средних учебных заведениях городов Пермской губернии на рубеже XIX–XX вв..*

Какое учебное заведение окончила преподавательница	Пермская Мариинская женская гимназия	Пермская Александровская женская гимназия	Екатеринбургская 1-я женская гимназия	Екатеринбургская 2-я женская гимназия	Чердынская женская гимназия
Высшие женские курсы	3	5	1	3	0
Институт благородных девиц / женский институт / сиротский институт	0	3	1	2	1
Заграничное учебное заведение	0	0	0	1	2
Гимназия (8 классов)	2	2	5	6	3
Гимназия (7 классов)	1	1	0	0	0
Домашнее образование	0	1	1	1	0
Прогимназия	0	0	1	1	0
Епархиальное женское училище	0	1	0	0	1
Специальные училища и школы	0	0	2	1	0

Примечание: последние 3 строки таблицы характеризуют образовательный уровень преподавательниц рукоделия, гимнастики и отчасти – приготовительного класса.

* Подсчитано по: ГАПК. Ф. 172. Оп. 1. Д. 12, 13, 17, 18, 22, 25, 28. Ф. 33. Оп. 1. Д. 6, 14, 16, 20, 21. Ф. 693. Оп. 1. Д. 72, 76, 78, 79, 85, 87, 89, 92, 108; ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 96. Ф. 70. Оп. 1. Д. 14.

²⁶⁴ ГАПК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 16. Л. 3–6, 36, 41, 52.

²⁶⁵ ГАПК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 16. Л. 3–6, 36, 41, 52. Ф. 172. Оп. 1. Д. 18. Л. 7, 14.

²⁶⁶ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 96. Л. 1, 3, 9; ГАПК. Ф. 172. Оп. 1. Д. 28. Л. 17.

Данная таблица составлена на основании формулярных списков о службе и личных дел преподавательниц, а также сводных списков лиц, работавших в указанных учебных заведениях в период с 1881 по 1916 гг., поэтому приведенные данные не являются исчерпывающими. Однако видно, что образовательный уровень преподавательниц женских гимназий Пермской губернии практически не различался в губернском и уездных городах. Тем не менее, он был значительно ниже образовательного уровня преподавателей мужских гимназий и реальных училищ.

Образовательный уровень классных надзирательниц и надзирательниц при пансионе был ниже уровня преподавательниц. Так, из 36 надзирательниц женских гимназий Перми, Екатеринбург и Чердыни, согласно формулярам о службе, 27 женщин окончили гимназию (из них двое – только 7 классов гимназии), 4 – женское училище, 3 – женский институт, 1 – епархиальное женское училище, 1 – получила домашнее образование²⁶⁷.

Документы официального делопроизводства дают возможность судить об образовательном уровне руководителей городских средних учебных заведений. Директорами и инспекторами мужских гимназий и реальных училищ в городах Среднего Урала становились преподаватели с высшим образованием – причём как светским, так и духовным. Например, директор Пермской мужской гимназии с 1884 по 1906 гг. Я.И. Алфионов окончил сначала Саратовскую духовную семинарию, а позднее – Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия. Его преемник Н.А. Бравин был кандидатом математического факультета Казанского университета. Инспекторы Пермской гимназии С.Я. Дроздов и Екатеринбургской гимназии Я.Н. Владимиров были выпускниками Санкт-Петербургского историко-филологического института по разряду древних языков. Инспектор Екатеринбургской гимназии А.И. Истомин окончил Санкт-Петербургский университет и был преподавателем русского языка и словесности²⁶⁸.

Директора Екатеринбургского Алексеевского реального училища Н.А. Стешин и А.А. Степанов окончили Казанский университет и преподавали математику и физику. Первый директор Пермского Алексеевского реального училища А.А. Залежский, побывавший до своего назначения преподавателем математики в Пермской мужской гимназии и окружным инспектором в г. Оренбурге, был кандидатом Казанского университета²⁶⁹.

К сожалению, сохранившиеся источники не содержат исчерпывающей информации об образовательном уровне всех руководителей средних учебных заведений (как мужских, так и женских) городов Пермской губернии на рубеже XIX–XX вв., поэтому привести здесь достоверную статистику невозможно. Однако обращает на себя внимание тот факт, что руководители мужских гимназий имели преимущественно гуманитарное, а руководители реальных училищ – преимущественно естественнонаучное образование. Это можно объяснить спецификой содержания образования в гимназиях и реальных училищах, что особенно характерно именно для данного периода.

Начальницы женских гимназий и прогимназий в городах Пермской губернии значительно различались по своему образовательному уровню. Среди них были выпускницы гимназий (например, начальница Чердынской женской гимназии Л.А. Дубенская), институтов благородных девиц (начальницы соответственно Пермской Александровской женской прогимназии и Екатеринбургской 2-ой гимназии М.Л. Пермякова и Е.К. Фёдорова), Высших женских курсов (начальница Пермской Александровской женской гимназии Н.Я. Клинберг и начальница Оханской женской гимназии Е.В. Егорьева). Не являлось препятствием для назначения на должность начальницы гимназии и домашнее образование, полученное, например, многолетней начальницей Екатеринбургской 1-ой женской гимназии С.А. Тиме²⁷⁰. Очевидно, образовательный статус не играл решающей роли в назначении на должность начальницы гимназии.

²⁶⁷ ГАПК. Ф. 172. Оп. 1. Д. 20. Л. 1. Д. 28. Л. 17, 20, 74. Ф. 693. Оп. 1. Д. 75, 82, 84; ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 96. Л. 3, 58, 65, 80, 82, 84, 89. Ф. 70. Оп. 1. Д. 14. Л. 10–14.

²⁶⁸ Алфионов // <http://www.pravenc.ru/text/115592.html> (дата обращения 02.12.11.); Зверев А.В. Старейшее учебное заведение г. Перми. К столетию Пермской мужской гимназии (1808–1908). Пермь, 1908. С. 190–192; ГАСО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 375. Л. 16, 47.

²⁶⁹ ГАСО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 292, 293; Гладышев В.Ф. Реалисты, или Дела ваши идут вслед за вами // <http://www.permarchive.ru/index.php?page=realisty> (дата обращения 02.12.11.); Зверев А.В. Старейшее учебное заведение г. Перми. К столетию Пермской мужской гимназии (1808–1908). Пермь, 1908. С. 192.

²⁷⁰ ГАПК. Ф. 693. Оп. 1. Д. 76, 78; Ф. 172. Оп. 1. Д. 28. Л. 55. Д. 17. Л. 1; ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 96. Л. 51. Ф. 70. Оп. 1. Д. 14. Л. 4.

Об образовательном уровне учителей городских училищ мы можем судить только по отрывочным данным источников. Наиболее полная информация имеется о Екатеринбургском городском четырехклассном училище. Из 12 учителей, работавших в этом учебном заведении в период с 1881 по 1890 гг., 3 человека окончили Оренбургский учительский институт, еще 4 – дополнительные педагогические курсы для уездных учителей при том же институте. В Екатеринбургском городском училище преподавали выпускники уездного и окружного училищ, Уральского горного училища, гимназии и частного училища (все – по 1 человеку). Инспектор училища А.П. Шалин был выпускником Оренбургского учительского института²⁷¹. Образовательный уровень педагогов городских начальных училищ г. Екатеринбурга в 1880-х гг. представлен в таблице.

Образовательный уровень учителей и помощников учителей городских начальных училищ г. Екатеринбурга в 1885–1887 гг.

Какое учебное заведение окончили	Женщины	Мужчины
Институт благородных девиц / женский институт / сиротский институт	1	0
Уральское горное училище	0	1
Гимназия	9	0
Гимназия (4 – 6 классов)	3	0
Домашнее образование	1	0
Частный пансион	1	0
Из них посещали педагогические курсы	8	1

* Подсчитано по: Дополнения к статистическим таблицам по училищам Екатеринбургского уезда за 1885/6 и 1886/7 учебные годы. Екатеринбург, 1887. С. 105–109.

Таким образом, образовательный уровень учительского корпуса городских училищ г. Екатеринбурга был невысоким и значительно уступал уровню преподавателей средних учебных заведений. Для сравнения – среди учительского корпуса Ирбитского уезда (включая г. Ирбит) в конце 1880-х – начале 1890-х гг. 21,5% имели высшее, среднее или специальное педагогическое образование, но более половины педагогов (64,6%) также были выпускниками городских и уездных училищ, прогимназий или низших классов гимназий²⁷².

Итак, образовательный уровень педагогов городских школ Среднего Урала различался в зависимости от гендерного признака – уровень образования преподавателей средних учебных заведений был выше уровня образования преподавательниц. Однако зависимость образовательного уровня от гендерного признака была тем ниже, чем ниже был статус педагога в профессиональной иерархии. Среди классных надзирательниц, воспитательниц пансиона и учительниц приготовительных классов гимназий, учительниц городских начальных училищ, как и среди воспитателей пансиона и помощников классных наставников мужских гимназий, учителей городских училищ преобладали люди со средним или с неполным средним образованием.

В целом же уровень образования преподавателей средних учебных заведений был значительно выше уровня учителей городских училищ разных категорий. Существенной динамики в образовательном уровне учительского корпуса с 1881 по 1914 гг. не выявлено.

Имущественное положение педагогов средних учебных заведений возможно реконструировать лишь частично на основании данных о заработной плате и о находящейся в собственности педагогов или членов их семей недвижимости.

Заработная плата педагогов определялась рядом факторов: должностью, объемом учебной и внеучебной нагрузки, стажем работы, видом учебного заведения, гендерным статусом.

Нормальная учебная нагрузка преподавателей гимназий, прогимназий и реальных училищ (сейчас называемая учительской ставкой) в городах Пермской губернии, как и в Российской им-

²⁷¹ Шалин А.П. Историческая записка об Екатеринбургском городском четырехклассном училище. Екатеринбург, 1890. С. 123–138.

²⁷² Удинцев С.А. Очерк развития народного образования в Ирбитском уезде Пермской губернии (с картой и диаграммами). Ирбит, 1892. С. 64.

перии в целом, составляла на рубеже XIX–XX вв. 12 учебных часов в неделю. Оклад преподавателя, согласно ст. 1521–1522 Свода уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения, определялся в зависимости от разряда. В гимназиях и реальных училищах преподаватели делились на четыре разряда по уровню оплаты труда, в прогимназиях – на три.

Оклад начинающего преподавателя составлял 750 рублей в год за 12 нормальных уроков, через пять лет службы он повышался до 900 рублей, потом до 1250 и далее до 1500 рублей в год. Очередное повышение оклада обсуждалось Педагогическим советом и утверждалось Попечителем учебного округа по представлению директора учебного заведения²⁷³. Высший разряд оплаты труда был сопряжён со званием заслуженного преподавателя, которое, однако, само по себе не давало никаких привилегий. Оплата собственного преподавательского труда директоров и инспекторов средних учебных заведений не отличалась от оплаты других преподавателей соответствующего разряда. При этом директор и инспектор не имели права вести более 12 уроков в неделю²⁷⁴.

Анализ архивных источников не позволяет с достаточной точностью определить среднюю учебную нагрузку преподавателей в городах Пермской губернии и проследить динамику изменения учебной нагрузки на протяжении всего изучаемого периода, т.к. в документах представлены в большей степени данные об окладе преподавателя за 12 нормальных уроков, а не о фактической учебной нагрузке.

Тем не менее, на основании отдельных сохранившихся документов о распределении нагрузки на учебный год, сведений о работе преподавателей по совместительству в двух и более учебных заведениях, фрагментов административной переписки можно предположить, что типичная учебная нагрузка преподавателя по основному месту работы в мужском среднем учебном заведении составляла более 20 уроков в неделю. Минимальное значение – 6 уроков (что было необходимо для сохранения всех прав госслужащего по ведомству МНП), максимальное из упомянутых в источниках – 33 урока в неделю. Возможно также, что фактическая учебная нагрузка преподавателей реального училища несколько превышала нагрузку преподавателей гимназий²⁷⁵.

Заработная плата преподавателя среднего учебного заведения складывалась из нескольких составляющих: 1) оклада; 2) платы за уроки сверх установленной нормы в 12 недельных часов; 3) платы за исполнение обязанностей заведующего библиотекой, секретаря Педагогического совета и т.п.; 4) платы за проверку тетрадей учеников или за подготовку учебных опытов; 5) платы за исполнение должности классного наставника (160 рублей в год).

По истечении 25-летнего срока службы по ведомству МНП преподаватель получал пенсию, которая повышалась через каждые 5 лет продолжения службы. Исходный размер пенсии составлял 700 рублей в год.

Достаточно распространённым явлением была работа по совместительству в двух и более учебных заведениях (например, в мужской и женской гимназиях, в гимназии и в горном училище или торговой школе, в казённом и частном учебном заведении и т.д.). Это объясняется как желанием преподавателей получить максимальный доход, так и нехваткой преподавательских кадров. По данным документов официального делопроизводства, не менее половины преподавателей Екатеринбурга работали по совместительству. Совместительство преподавателей практиковалось также в Перми, Чердыни, Ирбите, Кунгуре, однако неполнота источниковой базы не позволяет точно определить масштаб явления в пределах всей Пермской губернии²⁷⁶.

²⁷³ Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. I. С. 143 // <http://civil.consultant.ru/code/>

²⁷⁴ Там же. С. 141.

²⁷⁵ ГАСО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 251. Ф. 90. Оп. 1. Д. 43. Л. 30–31. Д. 137. Ф. 70. Оп. 1. Д. 14. Л. 16–18.

²⁷⁶ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 96. Ф. 70. Оп. 1. Д. 14. Л. 16–18. Ф. 82. Оп. 1. Д. 6, 7.

⁹⁰ Оп. 1. Д. 137, 146. Ф. 91. Оп. 1. Д. 252, 256, 375. Ф. 457. Оп. 3. Д. 1; ГАПК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 7, 11. Ф. 172. Оп. 1. Д. 28. Ф. 693. Оп. 1. Д. 91, 100; Календарь Пермской губернии на 1883 год. Пермь, 1883. С. 45–46; Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1890 г. Пермь, 1889. С. 34–37; Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1891 г. Пермь, 1890. С. 34–36; Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1914 год. Пермь, 1914. С. 20–21, 52; Зверев А.В. Старейшее учебное заведение г. Перми. К столетию Пермской мужской гимназии (1808–1908). Пермь, 1908. С. 190–224; Будрин В.И. Пятидесятилетие существования Екатеринбургской мужской гимназии (1861–1911). Краткий исторический очерк. Екатеринбург, 1911. С. 111–118.

Таким образом, преподаватель наук и языков мужской гимназии или реального училища в Пермской губернии в 1881–1914 гг. мог зарабатывать от 750 до 2290 рублей в год, с пенсией – до 2525 рублей в год. Преподаватель рисования, черчения, чистописания, гимнастики, пения (из платы по найму), учитель приготовительного класса, помощник классных наставников или воспитатель пансиона – от 250 до 850 рублей в год. Заработная плата директоров и инспекторов доходила до 2650 рублей в год, с пенсией – до 3250 рублей в год²⁷⁷.

В женских гимназиях и прогимназиях учебная нагрузка как преподавателей, так и преподавательниц составляла от 6 до 30 уроков в неделю, как правило, чуть более 20. Возможность работы по совместительству для женщин была ограничена, только в начале XX в., как было показано выше, женщины стали преподавать и в мужских учебных заведениях (от городского 3–4-классного училища, как в Чердыни или Шадринске, до классической гимназии, как в Перми или в Екатеринбурге).

Данные источников по вопросу фактической заработной платы в женских учебных заведениях неполны, однако дают возможность приблизительно определить диапазон зарплат. Так, мужчины – штатные преподаватели женских гимназий и прогимназий зарабатывали от 980 до 1890 рублей в год (в зависимости от объема нагрузки, стажа работы и дополнительных обязанностей), с пенсией – до 2200 рублей в год. Женщины-преподавательницы получали меньшую заработную плату – от 360 до 1380 рублей в год. Как преподавательницы, так и классные надзирательницы могли получать надбавку в размере 120 рублей за выслугу более 10 лет и доплату за дополнительные обязанности (за проверку тетрадей учеников, за исполнение обязанностей делопроизводителя Попечительского совета, за заведование библиотекой и т.п.). Начальницы гимназий зарабатывали от 990 до 2220 рублей в год в 1906–1916 гг., причины такого расхождения в оплате труда неясны. Безусловно, классные надзирательницы, учительницы приготовительного класса, воспитательницы при пансионе и их помощницы, а также учительницы рукоделия, гимнастики и пения являлись самой низкооплачиваемой частью педагогического корпуса средних учебных заведений. Их заработная плата составляла от 250 до 720 рублей в год²⁷⁸.

Время от времени педагоги как мужских, так и женских средних учебных заведений получали единовременные пособия. Основанием для выплаты пособия могли быть «отлично-усердная служба», особые профессиональные достижения (например, подготовка специального отчета или выдающиеся успехи выпускников на экзамене) или особые жизненные обстоятельства (расстройство здоровья, семейные проблемы и т.п.). Сумма пособия обычно не превышала 150–200 рублей, выплачивались они нерегулярно. Отдельный вид пособий представляли собой пособия на проезд к новому месту службы и обзаведение хозяйством, которые получали учителя при перемещении из города в город по инициативе ведомственного начальства. Поскольку каждый факт получения единовременного пособия фиксировался в формулярном списке о службе, можно утверждать, что среднестатистический учитель городского среднего учебного заведения получал такое пособие всего несколько раз на протяжении многолетней службы²⁷⁹.

Хотя уровень доходов как преподавателей, так и преподавательниц средних учебных заведений значительно различался, он, тем не менее, был значительно выше уровня доходов учителей начальных учебных заведений – как городских, так и, особенно, сельских.

По данным С.А. Удинцева, учителя земских школ Ирбитского уезда Пермской губернии в 1874–1875 гг. получали 300 рублей в год, а учительницы и помощники учителей – 180 рублей в год. С 1881 г. ежегодный оклад всех категорий педагогов увеличивался на 60 рублей каждые 5 лет, причем с 1887 г. это повышение распространялось только на педагогов, получивших одобрительный отзыв уездного училищного совета об их работе. В 1888 г. были установлены максимальная и минимальная планка учительского оклада в Ирбитском уезде – соответственно 480 и 240 рублей в год²⁸⁰.

²⁷⁷ ГАСО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 14. Л. 16–18. Ф. 90. Оп. 1. Д. 105, 234–236, 239, 241, 245–247, 250, 252, 255, 273, 277–280, 284, 292, 293, 301, 302. Ф. 91. Оп. 1. Д. 375.

²⁷⁸ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 96. Ф. 70. Оп. 1. Д. 14. ГАПК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 6, 7, 9, 11, 14, 16, 20, 21. Ф. 172. Оп. 1. Д. 17, 28. Ф. 693. Оп. 1. Д. 72, 75, 79, 81–84, 87, 91, 92, 100, 101, 112.

²⁷⁹ Там же. Оп. 1. Д. 375.

²⁸⁰ Удинцев С.А. Очерк развития народного образования в Ирбитском уезде Пермской губернии (с картой и диаграммами). Ирбит, 1892. С. 55–56.

Как видим, заработная плата классных надзирательниц и начинающих преподавательниц в женских гимназиях и прогимназиях, а также воспитателей пансиона и помощников классных надзирателей в мужских гимназиях и реальных училищах была сопоставима с заработной платой учителей начальных школ. Однако заработная плата преподавателей и даже большинства преподавательниц в средних учебных заведениях в два и более раз превышала заработную плату учителей начальных учебных заведений. При этом нужно учитывать, что в Пермской (особенно в Екатеринбургском, Верхотурском, Соликамском и Чердынском уездах) и Уфимской губерниях, в отличие от Оренбургской, в начале XX в. наметилась тенденция к постепенному сокращению разрыва в уровне заработной платы педагогов начальной и средней школы. Однако это сокращение шло очень медленными темпами – прежде всего за счет уменьшения численности педагогов начальных школ, получавших минимальный годовой оклад (до 200 рублей)²⁸¹.

Педагогический труд был нелёгким. В личных делах педагогов средних учебных заведений нередко встречаются документы, свидетельствующие о наличии у преподавателей заболеваний, вызванных не столько физическим, сколько нервным истощением. Чаще всего именно длительная работа педагогов с превышением нормальной недельной учебной нагрузки, нередко в 2 раза, приводила к ухудшению их здоровья, что косвенно подтверждается свидетельствами врачей²⁸².

Имущественное положение подавляющего большинства педагогов определялось заработной платой. Тем не менее, нужно учитывать и наличие у ряда учителей городских школ недвижимого имущества.

*Наличие недвижимого имущества у педагогов средних учебных заведений
в городах Пермской губернии на рубеже XIX – XX вв..*

Категории педагогов	Количество педагогов, имевших в собственности землю	Количество педагогов, имевших в собственности дом или часть дома	Количество педагогов, чьи члены семьи имели в собственности землю	Количество педагогов, чьи члены семьи имели в собственности дом или часть дома
Администрация гимназий и реальных училищ	0	1	1	0
Преподаватели наук и языков	1	6	0	4
Преподавательницы наук и языков	0	2	1	2
Преподаватели и преподавательницы искусств, учителя подготовительных классов	0	1	0	1
Помощники классных наставников, классные надзирательницы, воспитатели и воспитательницы при пансионах	0	1	1	0

* Подсчитано по: ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 96. Ф. 90. Оп. 1. Д. 234–302. Ф. 91. Оп. 1. Д. 252, 254, 256, 375. Ф. 457. Оп. 3. Д. 1. Ф. 458. Оп. 3. Д. 1. ГАПК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 6, 7, 9, 11, 14, 16, 20, 21. Ф. 172. Оп. 1. Д. 12–18, 22, 25, 28. Ф. 693. Оп. 1. Д. 72, 75, 79, 81–84, 87, 91, 92, 100, 101, 112.

Данная таблица составлена на основании заведомо неполных данных документов официального делопроизводства и не позволяет определить процентное отношение учителей-владельцев недвижимости к общей численности педагогов городских средних учебных заведений Пермской губернии. Однако можно утверждать, что лишь незначительная часть педагогов владела собственным домом и тем более землёй. Количество членов семей педагогов (супругов или родителей), владевших недвижимостью, также было невелико. Не найдено сведений об использовании педагогами собственной недвижимости как источника дополнительного дохода. Не удалось выявить принципиальных различий во владении недвижимостью между отдельными категориями

²⁸¹ Кузьмин К.В. Народное учительство Урала в 1861–1905 гг.: проблемы формирования. Екатеринбург, 1995. С. 19–20.

²⁸² ГАСО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 140. Л. 2, 3. Д. 141. Л. 20, 25. Д. 145. Л. 2. Ф. 91. Оп. 1. Д. 251. Л. 15.

педагогов городских средних учебных заведений (статусными, территориальными, возрастными, гендерными).

Большинство педагогов не имели собственного дома, нередко проживали на съёмных квартирах. В ряде случаев преподавателям или воспитателям пансиона предлагались казенные квартиры при учебном заведении.

К сожалению, имущественное положение учительства начальных учебных заведений в городах Пермской губернии невозможно достоверно реконструировать на основании имеющейся источниковой базы. Источники и литература по данному вопросу не отделяют учительство городской начальной школы от массы народного учительства в целом.

Таким образом, основным источником доходов городского учительства Пермской губернии в 1881–1914 гг. была заработная плата по основному месту работы (включавшая в себя оплату основных и дополнительных уроков или исполнение надзорных и воспитательных функций, иногда – проверку тетрадей, подготовку физических опытов). Дополнительными источниками дохода учителей являлись: 1) совмещение должностей по основному месту работы (классное наставничество, заведование библиотекой, исполнение обязанностей секретаря Педагогического совета или делопроизводителя Попечительского совета и др.); 2) работа по совместительству в других учебных заведениях (для преподавателей); 3) единовременные пособия; 4) пенсия по выслуге лет.

На уровень доходов педагогов в большей степени влияли гендерный статус, положение в профессиональной иерархии, объём учебной нагрузки и стаж работы. Тип учебного заведения и его территориальная принадлежность не оказывали решающего влияния на размер заработка.

Зарботная плата учительства средних учебных заведений на протяжении всего периода 1881–1914 гг. росла медленнее, чем заработная плата учителей начальной школы. Возможно, это объясняется тем, что должностные оклады педагогов средних учебных заведений были установлены на государственном уровне и не различались в пределах империи, а оплата труда народных учителей зависела от возможностей земского и городского самоуправления (как правило, заинтересованного в повышении качества образования и привлечении профессиональных кадров).

Преподаватели гимназий и реальных училищ – элита российского учительства на рубеже XIX–XX вв., его наиболее образованная и самая высокооплачиваемая группа, выделявшаяся из общей среды даже городского учительства. Существовали различные варианты карьерного старта преподавателей-мужчин. Эти варианты реконструированы на основании сохранившихся формулярных списков о службе, личных дел преподавателей и представлены в таблице.

Варианты карьерного старта мужчин-преподавателей средних учебных заведений в городах Пермской губернии на рубеже XIX–XX вв..

Вариант начала карьеры	Количество человек	% от общего количества
1. Окончание высшего учебного заведения и поступление на работу в мужскую гимназию, или реальное училище, или среднее специализированное учебное заведение (реже – в городское 4-классное училище).	32	57%
2. Окончание высшего учебного заведения и поступление на работу в женскую гимназию или прогимназию.	16	28,5%
3. Переход с военной или иной государственной службы на службу по ведомству Министерства народного просвещения.	3	5%
4. Без получения высшего образования – переход из начального или неполного среднего учебного заведения в среднее (характерен в большей степени для преподавателей рисования, чистописания, черчения, иногда – технических дисциплин).	4	7%
5. При наличии высшего образования – переход из воспитателей пансиона в преподаватели.	1	2,5%

Примечание: при подсчете не учитывались преподаватели-совместители, учителя приготовительного класса и те, в формулярах которых нет сведений о начале педагогической карьеры.

* Подсчитано по: ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 96. Ф. 90. Оп. 1. Д. 234, 235, 241, 246, 247, 250, 252, 272, 273, 277, 279, 284, 292, 301, 302. Ф. 91. Оп. 1. Д. 375; ГАПК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 7. Ф. 172. Оп. 1. Д. 28. Ф. 693. Оп. 1. Д. 91, 94, 100, 101, 112; Календарь Пермской губернии на 1883 г. Пермь, 1883. С. 45; Шалин А.П. Историческая записка об Екатеринбургском городском четырехклассном училище. Екатеринбург, 1890.

Важно отметить, что 53,6% преподавателей, начавших карьеру в женских гимназиях и прогимназиях, позднее перешли на службу в мужские гимназии или реальные (иногда – специализированные) училища, и только 12,5% преподавателей, начавших карьеру в мужских учебных заведениях, поступили наоборот. При этом, как правило, переход на постоянную работу из мужской гимназии или реального училища в женскую гимназию они совершили на закате карьеры, после 25-летней службы по ведомству МНП, дававшей право на получение пенсии. На основании этих данных можно сделать вывод, что служба в мужской гимназии и даже в реальном училище рассматривалась педагогами как более престижная и выгодная, чем в женской гимназии.

Еще 12,9% от общего числа представленных в таблице преподавателей в течение всех лет службы неоднократно меняли место работы, переходя из женских учебных заведений в мужские и обратно, из гимназий в реальные училища и обратно и т.д., 3,7% педагогов перешли на другую гражданскую или военную службу. В каждом конкретном случае, насколько можно судить по документам официального делопроизводства, мотивы подобных переходов были различны – от желания улучшить условия труда, получить более высокий доход (в реальном училище, например, было более выгодно работать, чем в гимназии) до ухода от конфликтных ситуаций.

Типичную карьеру городского учителя на рубеже XIX–XX вв. мы можем представить себе на основании комплекса документов официального делопроизводства, касающихся Никанора Константиновича Диомидова, преподавателя истории, географии и языков, отца четверых детей²⁸³. Родившись в семье причетника, он окончил Симбирскую духовную семинарию, а затем Казанский университет (где был стипендиатом Министерства народного просвещения), и в 1874 г. поступил на службу преподавателем в Екатеринбургскую мужскую гимназию с обязательством прослужить не менее 3 лет по ведомству МНП.

Никанор Константинович преподавал историю, географию, латинский язык, был классным наставником, заведовал гимназической библиотекой, регулярно получал награды «за отлично-усердную службу». За 25 лет службы он стал статским советником, получил четыре ордена и медаль. Параллельно время от времени он вёл уроки из платы по найму в Екатеринбургской женской гимназии, три года состоял членом Уральского общества любителей естествознания.

С 1899 по 1910 гг., будучи на пенсии, Н.К. Диомидов работал сначала в Екатеринбургской мужской гимназии, потом в Пермской Мариинской и Екатеринбургской женских прогимназиях, а завершил карьеру в Екатеринбургской торговой школе (сначала совместителем, потом штатным преподавателем). Если его доход (жалование плюс пенсия) в женской гимназии составлял 1160 р. в год за 8 уроков в неделю (1905 г.), то в торговой школе – 2480 р. в год за 12 уроков в неделю (1910 г.).

Когда в 1910 г. Н.К. Диомидов скончался от тяжелой болезни в возрасте 63 лет, его вдова Серафима Александровна, дочь крестьянина, и неизлечимо больной сын Павел получили ежегодную пенсию с выплатой из казначейства, а сын Алексей, студент Казанского университета, – стипендию имени барона Штиглица²⁸⁴.

Карьерный рост педагогов-мужчин определялся двумя факторами. Во-первых, педагогический состав городских учебных заведений, подведомственных МНП, состоял на государственной службе. Статус государственного служащего предполагал продвижение вверх по чиновной лестнице в соответствии с «Табелью о рангах». В среднем каждые 3–5 лет преподаватель гимназии или реального училища получал следующий гражданский чин – от коллежского секретаря (IX класс) до статского советника (V класс). Директор гимназии мог иметь чин действительного статского советника (IV класс). Примерами могут служить Я.И. Алфионов и Н.А. Бравин, директора Пермской гимназии²⁸⁵. Преподаватели и служащие средних учебных заведений регулярно награждались орденами и медалями, обычно с формулировкой «за отлично-усердную службу». Наиболее распространенные награды педагогов на рубеже XIX–XX вв. – ордена Св. Станислава и Св. Анны II и III степеней, серебряная медаль в память в Бозе почившего императора Александра III, реже – орден Св. Владимира IV степени²⁸⁶.

²⁸³ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 96. Л. 35–44; ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–11.

²⁸⁴ ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 7. Л. 16–21.

²⁸⁵ Зверев А.В. Старейшее учебное заведение г. Перми. К столетию Пермской мужской гимназии (1808–1908). Пермь, 1908. С. 190–191.

²⁸⁶ ГАСО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 375.

Во-вторых, карьерный рост проявлялся в повышении статуса педагога в профессиональной иерархии. Именно преподаватели, как правило, становились инспекторами и директорами гимназий и реальных училищ. Кроме того, как показано выше, карьерный рост мог выражаться в переходе преподавателя из женского среднего учебного заведения в мужское.

Женская учительская карьера имела свои особенности, обусловленные подчинённым положением женщины в обществе, и в значительной степени зависела от брачно-семейного статуса женщины. Как правило, учительницами становились молодые незамужние женщины, получившие образование и не имевшие иных средств к существованию. Через несколько лет, выйдя замуж, девушка оставляла работу и посвящала себя семье²⁸⁷. Часто в училищах и гимназиях преподавали девицы или вдовы, вынужденные сами содержать себя и семью²⁸⁸.

Если учительница была замужем, чаще всего ее муж также работал в системе народного просвещения²⁸⁹. Преподавательница русского языка Л.М. Коробко (урожденная Егорова), дочь чиновника, выпускница Уфимской Мариинской женской гимназии, начала карьеру в 19 лет учительницей в Пермском приюте для слепых детей. Потом она перешла в Мензелинскую женскую прогимназию и вскоре вышла замуж за учителя Мензелинского городского училища В.А. Коробко. Родив первенца, Людмила Михайловна оставила службу. Однако сразу после рождения третьего ребёнка вновь вернулась к учительскому труду – видимо, жить всей семьёй на жалование мужа было трудно. Вскоре семья переехала в Пермь, но в 1905 г. муж умер, и Людмиле Михайловне пришлось продолжить работу уже в Пермской женской прогимназии, чтобы содержать себя и детей, старшему из которых было тогда всего 9 лет²⁹⁰.

К.М. Левицкая (урожденная Симонова) в 1893 г. окончила Пермское епархиальное женское училище, начала работать, а вскоре вышла замуж за учителя городского училища Василия Левицкого. У молодой четы родились два сына и три дочери. Не оставляя службу, Клавдия Михайловна 16 лет проработала в начальных народных училищах Чердынского уезда помощницей учительницы, а потом и учительницей²⁹¹. Вероятно, материальные трудности вынуждали мать семейства работать наравне с мужем.

В 1909 г. она прекратила работу, но уже через два года, когда младшему из ее детей исполнилось пять лет, подала прошение о назначении на должность учительницы приготовительных классов Чердынской женской гимназии. Клавдия Михайловна была допущена к исполнению обязанностей учительницы, «если семейные условия исключают возможность манкировки занятиями», однако в 1914 г. уволилась²⁹².

Девицы или вдовы, а отнюдь не замужние женщины, чаще всего становились начальницами женских гимназий на Урале²⁹³. Как правило, должность начальницы гимназии – венец карьеры не столько преподавательницы, сколько классной надзирательницы. Даже в случае длительного отсутствия начальницы на работе в связи с болезнью или личными обстоятельствами ее заменяла обычно одна из «классных дам». Наоборот, директора или инспектора мужской гимназии или реального училища заменял в такой же ситуации кто-то из преподавателей²⁹⁴.

В обязанности надзирательниц входил присмотр за поведением и нравственностью гимназисток, взаимодействие с их родителями, составление отчетов об успеваемости и поведении учениц, о посещении ими занятий. Разумеется, вполне логичным выглядит назначение бывших надзирательниц начальницами гимназий. Именно они отличались организаторскими способностями, умением поддерживать дисциплину и, находясь на государственной службе, были готовы нести ответственность за благонадежность уже не только гимназисток, но и педагогов вверенного им учебного заведения.

Мамельфа Лаврентьевна Пермякова окончила Казанский Родионовский институт со свидетельством на звание домашней наставницы, два года преподавала историю, русский и француз-

²⁸⁷ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 96. Л. 15, 16, 19.

²⁸⁸ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 96. Л. 3, 54–57, 58–60; ГАПК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 14. Л. 35.

²⁸⁹ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 96. Л. 63 – 64, 69–71; ГАПК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–2; ГАПК. Ф. 172. Оп. 1. Д. 28. Л. 4–6, 17–19.

²⁹⁰ ГАПК. Ф. 172. Оп. 1. Д. 28. Л. 26–28.

²⁹¹ ГАПК. Ф. 693. Оп. 1. Д. 92. Л. 7–9.

²⁹² Там же. Л. 2, 6.

²⁹³ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 96. Л. 51; ГАПК. Ф. 172. Оп. 1. Д. 28. Л. 55; ГАПК. Ф. 693. Оп. 1. Д. 78. Л. 1.

²⁹⁴ ГАПК. Ф. 693. Оп. 1. Д. 103. Л. 1–4; ГАСО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 375. Л. 54, 69, 110.

ский языки в младших классах Пермской Мариинской женской гимназии. Однако вскоре она стала надзирательницей гимназии, а потом – начальницей прогимназии, позднее преобразованной в Пермскую Александровскую женскую гимназию. В должности начальницы гимназии она проработала 25 лет, оставив службу в связи с болезнью. За отличное руководство гимназией Мамельфа Лаврентьевна была удостоена серебряной медали в память Александра III, подарка от великой княгини Марии Павловны и «душевной благодарности» от попечителя Оренбургского учебного округа по итогам ревизии в 1885 г.²⁹⁵. Е.В. Егорьева и Л.А. Дубенская, начальницы соответственно Оханской и Чердынской женских гимназий, также работали классными надзирательницами перед тем как возглавить учебное заведение²⁹⁶. Интересна судьба Елены (Эвелины) Карловны Фёдоровой (урождённой Яненц), начальницы Екатеринбургской второй женской гимназии. Будучи дочерью чиновника, она в 17 лет окончила курс в Варшавском Александро-Мариинском девичьем институте с аттестатом домашней наставницы и стала преподавать немецкий язык в Оренбургской и Уральской женских гимназиях. В 25 лет она вышла замуж за М.П. Фёдорова (будущего директора Екатеринбургской мужской гимназии), покинула службу и родила шестерых детей. Оставшись в 40 лет вдовой статского советника, вернулась к учительскому труду, но уже в качестве начальницы женской прогимназии, а позднее – гимназии. Обе дочери ее, Ольга и Татьяна, поступили на высшие женские курсы, сыновья получили университетское образование²⁹⁷. Кстати, брат Елены Карловны, Альфред Карлович Яненц, стал директором Екатеринбургской мужской гимназии через два года после смерти своего зятя М.П. Фёдорова²⁹⁸.

Надежда Яковлевна Клинберг (урождённая Попова), напротив, вступила в должность начальницы Пермской Александровской женской гимназии, будучи замужем за действительным статским советником Фёдором Александровичем Клинбергом. Выпускница Пермской Мариинской гимназии, она еще в юности закончила Санкт-Петербургские Высшие женские курсы по отделению словесности. Однако педагогическую карьеру Надежда Яковлевна начала только в 42 года, когда выросли ее дети Александр и Зинаида²⁹⁹.

Начальница Пермской Мариинской женской гимназии Александра Егоровна Грацинская, преподававшая также немецкий язык, занимала руководящую должность, будучи супругой, а позднее вдовой директора Пермской мужской гимназии Ивана Флоровича Грацинского³⁰⁰.

Истории Е.К. Фёдоровой, Н.Я. Клинберг и А.Е. Грацинской позволяют предположить, что быстрые карьерные взлеты женщин в системе народного образования в значительной степени зависели от социального статуса их супругов.

Обращает на себя внимание достаточно высокая, особенно по сравнению с современной, степень мобильности учителей. Анализ формулярных списков преподавателей показывает, что многие учителя меняли место работы раз в 2–3 года, а то и чаще, переезжая при этом из одного города в другой. Очень часто педагоги преподавали одновременно в нескольких учебных заведениях – как государственных, так и частных³⁰¹.

В этой связи интересен формулярный список о службе М.Т. Матвеевой, 27-летней преподавательницы истории и словесности Екатеринбургской 2-й женской гимназии, как пример последовательного продвижения из сибирской глуши к столицам. Мария Терентьевна, дочь мещанина, в 1904 г. окончила Высшие женские курсы в Санкт-Петербурге и получила свидетельство на звание домашней учительницы. Свою карьеру она начала преподавательницей женской гимназии в Западно-Сибирском учебном округе, однако уже через год перебралась в Екатеринбург, возвратив в казну, «как не прослужившая в отдаленном крае трех лет», полученные прогонные деньги и пособие на подъем и обзаведение (общая сумма – 222 руб. 20 коп.). Через два года Мария Терентьевна была перемещена на аналогичную должность в Тулу. Интересно, что в ее формулярном

²⁹⁵ ГАПК. Ф. 172. Оп. 1. Д. 28. Л. 55–59.

²⁹⁶ ГАПК. Ф. 693. Оп. 1. Д. 78. Л. 1–8. Д. 76. Л. 1–4.

²⁹⁷ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 96. Л. 51–53.

²⁹⁸ Микитюк В.П., Шкерин В.А. Екатеринбургская мужская гимназия в 1900 – 1919 гг. Екатеринбург. 2002. С. 10–11.

²⁹⁹ ГАПК. Ф. 172. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–7.

³⁰⁰ Календарь Пермской губернии на 1883 год. Пермь, 1883. С. 44; Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1891 г. Пермь, 1890. С. 35.

³⁰¹ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 96. Л. 5, 51; Ф. 70. Оп. 1. Д. 14. Л. 16–18; Ф. 90. Оп. 1. Д. 138. Л. 2, 12. Д. 137. Л. 3, 39, 55. Д. 277. Л. 1–3; Ф. 457. Оп. 3. Д. 1; ГАПК. Ф. 172. Оп. 1. Д. 28. Л. 30, 79; ГАПК. Ф. 693. Оп. 1. Д. 89. Л. 1–3; Зверев А.В. Старейшее учебное заведение г. Перми. К столетию Пермской мужской гимназии (1808–1908). Пермь, 1908. С. 194–223.

списке содержится довольно редкая для учителей запись о нахождении в заграничном отпуске летом 1908 г.³⁰².

Далеко не всегда перемещения были столь быстрыми, есть и прямо противоположные примеры. Преподавательница русского языка в младших классах Чердынской женской гимназии С.Д. Бахарева, выпускница Пермской Мариинской женской гимназии, впервые подала прошение о переводе из северной глухомани на юг, в Одесский учебный округ, в 1912 г. Свое желание оставить Чердынь 28-летняя девушка мотивировала неблагоприятными климатическими условиями, вызывающими частые простуды, вплоть до потери голоса, а также удаленностью Чердыни от железной дороги, «что затрудняет сообщение с центральным миром». Однако только через три года Серафима Дмитриевна смогла перебраться из Чердыни в Казань, поступив там на Высшие женские курсы³⁰³.

Иногда частые переезды из одного города в другой были вызваны недостаточным профессионализмом или крайне неуживчивым характером педагога. Так, например, личное дело Михаила Алексеевича Р., 36-летнего преподавателя русского языка и истории Чердынской женской гимназии, выпускника Казанского университета, свидетельствует о том, что за 7 лет, с 1904 по 1911 гг., он успел поработать в пяти гимназиях, двух коммерческих и одном реальном училищах – от Армении до Урала – и дважды побывать в отставке. В Чердынской гимназии он неоднократно был замечен в грубом обращении с ученицами (презрительно отзывался об их интеллектуальном развитии, произносил слово «черт») и классными наставницами, о чём свидетельствуют их донесения начальству³⁰⁴.

В конце концов, в письме из канцелярии Попечителя Оренбургского учебного округа председателю Педагогического совета Чердынской гимназии было предписано «предложить преподавателю гимназии Р. готовиться к урокам и держать себя корректно как по отношению к учащимся, так равно и к сослуживцам, предупредив его, что только при этом условии может быть терпима дальнейшая его служба в пределах Оренбургского учебного округа»³⁰⁵. Вскоре Михаил Алексеевич был перемещен из Чердынской гимназии в Осинскую.

Тем не менее, многие учителя по 30–40 лет работали на одном месте, пользовались заслуженным авторитетом у учеников и коллег, нередко становились заметными фигурами в общественной жизни губернского или уездного города. В частности, преподаватели истории Екатеринбургской мужской гимназии Н.К. Диомидов и сменивший его на этом посту В.И. Будрин стали летописцами своего родного учебного заведения³⁰⁶. Кроме того, достаточно высокий уровень мобильности педагогов способствовал постепенной интеграции учительского корпуса гимназий (как мужских, так и женских) и реальных училищ.

К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют реконструировать карьерные стратегии учителей начальных учебных заведений городов Пермской губернии. Тем не менее, на основании списка педагогов, служивших в Екатеринбургском городском четырехклассном училище в 1881–1890 гг., можно выявить некоторые варианты дальнейшей карьеры учителей городских училищ. Так, из семи учителей (включая инспектора) училища, двое стали инспекторами, а еще двое – штатными учителями других городских училищ в пределах Пермской губернии, один человек уволился по собственному желанию и два человека продолжали занимать свои должности инспектора и штатного учителя соответственно³⁰⁷.

Таким образом, в рассматриваемый период времени для учителей городских училищ была типична, вероятно, карьера в рамках системы начального образования. Но есть примеры (относящиеся к более широкому периоду 1860–1910 гг.) перехода учителей городских и уездных училищ на преподавательские должности в гимназию (чаще женскую) или реальное училище, т.е. уже в

³⁰² ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 96. Л. 5–8.

³⁰³ ГАПК. Ф.693. Оп. 1. Д. 72. Л. 8, 14–15.

³⁰⁴ ГАПК. Ф.693. Оп. 1. Д. 100. Л. 1–5, 27–30.

³⁰⁵ Там же. Л. 31.

³⁰⁶ Будрин В.И. Пятидесятилетие существования Екатеринбургской мужской гимназии (1861–1911). Краткий исторический очерк. Екатеринбург, 1911; Диомидов Н.К. Историческая записка о Екатеринбургской мужской гимназии (1861–1886). Оренбург, 1887.

³⁰⁷ Шалин А.П. Историческая записка об Екатеринбургском городском четырёхклассном училище. Екатеринбург, 1890. С. 123, 137–138.

систему среднего образования³⁰⁸. Однако это было характерно, в основном, для преподавателей искусств, а не наук и языков. Кроме того, большая часть подобных примеров относится к периоду до 1881 г., когда возникающие в городах средние учебные заведения испытывали нехватку квалифицированных педагогических кадров.

Карьерный рост представляет собой, если можно так сказать, формальную, внешнюю сторону более широкого явления – профессионального роста педагога. Собственно же профессиональный рост отнюдь не исчерпывается продвижением по служебной лестнице и далеко не всегда выражается в переходе на следующую карьерную ступень. Под профессиональным ростом в широком смысле следует понимать и повышение квалификации учителя, и расширение его кругозора, и его научную деятельность.

В городах Пермской губернии на рубеже XIX–XX вв. не существовало целостной системы повышения квалификации педагогических кадров. Это объясняется как многоукладной, переходной от сословного общества к бессословному структурой городской школы в целом, так и неоднородностью, разобщенностью городского учительства как социопрофессиональной группы.

Как показал в своем исследовании К.В. Кузьмин, повышение квалификации учителей проводилось, главным образом, в двух формах – педагогических съездов (по предписанию Министерства народного просвещения от 31.07.1881 г. и по Правилам от 26.11.1899 г.) и постоянно действовавших педагогических курсов при учительских институтах и семинариях. Однако эти формы повышения квалификации были адресованы, главным образом, учителям начальных народных училищ, преимущественно сельских³⁰⁹.

Согласно данным источников, учителя городских училищ также широко пользовались возможностями учительских курсов и съездов. Так, например, педагогические курсы посещали 56% учителей и помощников учителей городских начальных училищ г. Екатеринбурга в 1885–1887 гг.. В 1883 г. учителя г. Ирбита и Ирбитского уезда приняли участие в работе учительского съезда под руководством педагога Н.Ф. Бунакова. В рамках съезда учителя слушали лекции, выступали с докладами, посещали и разбирали с методической точки зрения открытые уроки лучших учителей, что привело к положительным результатам³¹⁰.

В связи с ужесточением правительственной политики в сфере народного образования в середине 1880х – середине 1890-х гг. учительские съезды практически не проводились. Однако с конца 1890-х гг. и особенно в первые годы XX в. в связи с ростом демократических настроений в обществе съезды и курсы возобновились, более того, приобрели общегубернский статус. В 1901 г. в Перми прошли масштабные педагогические курсы, в работе которых принял участие выдающийся российский педагог П.Ф. Каптерев. Слушателями курсов были и учителя Пермского городского училища (например, Ф.Н. Ягодников), хотя большинство слушателей составили все же сельские народные учителя³¹¹.

Преподаватели и преподавательницы средних городских учебных заведений, напротив, реже посещали подобные мероприятия, предпочитая им научные занятия или педагогические курсы и съезды за рубежом. Однако и в России в начале XX в., в период усиления демократических тенденций в системе образования, собирались съезды преподавателей средних учебных заведений. Так, например, преподаватель истории Екатеринбургской мужской гимназии В.И. Будрин в мае 1906 г. был командирован в Уфу на съезд преподавателей русского языка и истории средних учебных заведений³¹².

Отдельные гимназические преподаватели вели профессиональную научную деятельность, участвовали в создании и деятельности научных обществ, имели хобби, путешествовали во время летнего отпуска, в том числе и за границу. Именно в этом, а не в рутинном учительском труде, они достигали максимальной самореализации.

³⁰⁸ Там же. С. 123, 127, 129, 130; ГАПК. Ф. 693. Оп. 1. Д. 81; ГАСО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 239, 278.

³⁰⁹ Кузьмин К.В. Народное учительство Урала в 1861–1905 гг.: проблемы формирования. Екатеринбург, 1995. С. 17.

³¹⁰ Дополнения к статистическим таблицам по училищам Екатеринбургского уезда за 1885/6 и 1886/7 учебные годы. Екатеринбург, 1887. С. 105–109; Удинцев С.А. Очерк развития народного образования в Ирбитском уезде Пермской губернии (с картой и диаграммами). Ирбит, 1892. С. 58–59.

³¹¹ Слудковская И.А. Учительство Урала в борьбе за демократизацию народного образования (конец XIX – начало XX вв.) // Из истории демократической культуры на Урале (XVIII – начало XX вв.). Пермь: Изд-во ПГУ, 1986. С. 113.

³¹² Там же. Л. 60–76.

Например, статский советник Онисим Егорович Клер, швейцарский подданный (до 1885 г.), преподавал французский язык в Екатеринбургских мужской и женской гимназиях, а также ботанику и минералогию в Алексеевском реальном училище, много лет был классным наставником. Он отдал учительскому труду 35 лет жизни, однако гораздо более известен как один из отцов-основателей Уральского общества любителей естествознания, проводившего масштабные краеведческие изыскания.

О.Е. Клер был членом-корреспондентом Нью-Йоркской Академии наук, сотрудником и корреспондентом Смитсоновского института в Вашингтоне, а также членом множества научных обществ – как российских, так и зарубежных (Императорских русских Географического и Археологического, Академического Индо-Китайского в Париже, Невшательского Географического и др.).

Он много сделал для организации астрономических и метеорологических наблюдений на Среднем Урале, инспектировал заводы, наладил деятельность Екатеринбургской обсерватории³¹³. Сыновья Онисима Егоровича Модест, Георгий и Владимир пошли по стопам отца, занимались наукой, двое из них некоторое время преподавали в Екатеринбургской мужской гимназии.

Александр Алексеевич Дмитриев, уроженец Соликамского уезда Пермской губернии, выпускник Императорского Казанского университета, много лет преподавал историю и географию в Пермской мужской гимназии и Пермской Мариинской женской гимназии. Кроме того, он был известным на Урале историком, краеведом, автором трудов по истории Пермского края³¹⁴.

Он активно работал в Пермской и Рязанской губернских ученых архивных комиссиях, Пермском губернском статистическом комитете, состоял в Финляндском обществе археологии, Уральском обществе любителей естествознания, в комитете Ростовского музея церковных древностей³¹⁵.

Преподаватели Чердынской женской гимназии А.В. Лебедев и А.Г. Туманский во время летнего отпуска познакомились с постановкой школьного преподавания в Германии, Швейцарии и Австро-Венгрии, а преподаватель Пермской мужской гимназии П.С. Богословский проводил лето в археологической экспедиции. Преподавательница французского языка в Пермской Александровской женской гимназии М.П. Бенескриптова в 1909 г. в течение 8 месяцев проходила заграничную стажировку для усовершенствования в преподавании французского языка³¹⁶.

Преподаватель истории и географии Екатеринбургского Алексеевского реального училища Н.А. Орлов, согласно отзыву директора училища, добросовестно прослужил 27 лет, отличался интеллигентностью и порядочностью. Он много путешествовал по Западной Европе и живо, наглядно рассказывал об этом на уроках. Преподаватель рисования в том же училище А.М. Писарев в 1900 г. находился в заграничном отпуске для участия в международном конгрессе по рисованию в рамках Всемирной выставки в Париже, а преподавательница французского языка Е.Е. Савватеева в 1914 г. получила заграничную командировку для ознакомления с системой обучения языку во франко-арабских школах Алжира³¹⁷.

Директор Пермской мужской гимназии Я.И. Алфионов был магистром Казанской духовной академии, автором трудов по истории христианской церкви, которые до сих пор не утратили своего научного значения (наиболее известен его труд об императоре Юлиане Отступнике)³¹⁸.

Наталья Степановна Мальцева, преподавательница (и выпускница) Пермской Мариинской гимназии, знала семь иностранных языков, увлеченно занималась энтомологией, регулярно путешествовала по Средиземноморью и состояла действительным членом Императорского русского Географического общества. Она участвовала в работе четырех международных конгрессов, посвященных вопросам воспитания, съезда преподавателей географии в Москве, изучала постановку дела начального и среднего образования в Швеции и Норвегии, причём по собственной

³¹³ Там же. Л. 60–76.

³¹⁴ Например: Дмитриев А.А. Столетие Пермской гимназии. Казань, 1886. Он же. Очерки из истории г. Перми. Пермь, 1886. Он же. Исторический очерк Пермского края. Пермь, 1896. Он же. Пермская старина. Вып. 1–8. Пермь, 1889–1900.

³¹⁵ ГАПК. Ф. 597. Оп. 1 – личный фонд А.А. Дмитриева.

³¹⁶ ГАПК. Ф. 693. Оп. 1. Д. 91. Л. 29. Д. 106. Л. 2. ГАПК. Ф. 171. Оп. 1. Д. 13. Л. 44. Ф. 172. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–3.

³¹⁷ ГАСО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 273, 278, 286.

³¹⁸ Алфионов // <http://www.pravenc.ru/text/115592.html> (дата обращения 02.12.11.); Зверев А.В. Старейшее учебное заведение г. Перми. К столетию Пермской мужской гимназии (1808–1908). Пермь, 1908. С. 190.

инициативе, а не по поручению гимназического начальства. Ее статьи о проблемах образования регулярно печатались в санкт-петербургских и московских журналах.

Проработав в родной гимназии четыре десятилетия, вплоть до ее закрытия в 1919 г., Наталья Степановна не ушла на покой, а еще много лет продолжала трудиться учителем, лектором, библиотекарем в Перми, а позднее в Красноярске³¹⁹.

Инспектор Екатеринбургского городского четырехклассного училища Алексей Петрович Шалин был автором методических пособий для народных учителей и труда, посвященного истории Екатеринбургского городского училища. Учитель того же учебного заведения Я.С. Ухин был автором учебного пособия для учащихся по географии³²⁰.

Таким образом, возможности и направления профессионального роста отдельных групп городского учительства были различными. Профессиональный рост учителей начальных и неполных средних учебных заведений предполагал, главным образом, повышение собственно учительской квалификации посредством участия в работе учительских курсов и съездов. Преподавательский состав гимназий и реальных училищ (как мужчины, так и женщины) под профессиональным ростом понимал в большей степени научные занятия. Кроме того, преподаватели средних учебных заведений (прежде всего мужчины), обладая статусом государственных служащих, имели наибольшие возможности по сравнению с другими группами городского учительства для формального, карьерного роста.

В целом учительская карьера в городах Среднего Урала на рубеже XIX–XX вв. не предполагала ни особых взлетов, ни падений. Мобильность была в большей степени горизонтальной, но зато в масштабах всей Российской империи. Женская педагогическая карьера отличалась от мужской прежде всего тем, что женщины вплоть до начала XX в. могли работать только в женских средних учебных заведениях (на начальные школы это не распространялось), тогда как мужчины преподавали и в мужских, и в женских гимназиях, прогимназиях, училищах. Кроме того, женщины в системе образования, в отличие от мужчин, не являлись в полной мере государственными служащими, их карьерный рост не регулировался «Табелью о рангах». Преимущественно начальницы гимназий получали государственные награды. Карьера женщины в системе образования в немалой степени зависела от ее семейного положения, тогда как на карьере педагога-мужчины этот фактор влияния не оказывал.

Итак, процесс реформирования системы образования в городах Пермской губернии, начатый либеральными реформами Александра II, был тесно связан с процессом модернизации уральского города в целом. Переход от традиционного общества к индустриальному оказал существенное влияние на социопрофессиональный облик городского учительства (прежде всего на образовательный уровень учителей, их социальное происхождение и соотношение полов). На протяжении всего периода с 1881 по 1914 гг. неуклонно возрастал удельный вес женщин-педагогов в системе не только начального, но и среднего образования (в т.ч. мужского), повышался образовательный уровень городского учительства по сравнению с большей частью XIX в. Данные источников позволяют утверждать, что в рассматриваемый период расширялся социальный состав учительского корпуса, прежде всего это заметно на примере средних учебных заведений. Социальное происхождение педагогов, особенно мужчин, в значительно меньшей степени, чем раньше, влияло на их карьерный и тем более в целом профессиональный рост. Имущественное положение учителей постепенно улучшалось по сравнению с предшествующим периодом, но сохранялся существенный разрыв в уровне доходов учителей средней и начальной школы.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. городское учительство в Пермской губернии, как и в России в целом, представляло собой формирующуюся социопрофессиональную группу с определенным социальным, имущественным, образовательным статусом, со своими особенностями брачно-семейного и профессионального поведения. Тем не менее, городское учительство отнюдь не являлось однородной и тем более закрытой социальной группой. Различия в положении город-

³¹⁹ ГАПК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 21. Л. 2–27; Егорова М.В. Растительная жизнь педагога // Родина, 2008. № 11. С. 107; Жаворонкова Г.И. Две судьбы. Воспитанницы Мариинской женской гимназии // Инновационному развитию АПК – научное обеспечение. Международная научно-практическая конференция. Пермь. 2010. Ч. 5. С. 17–18.

³²⁰ Шалин А.П. Историческая записка об Екатеринбургском городском четырехклассном училище. Екатеринбург, 1890. С. 123–124, 137.

ских учителей определялись, главным образом, двумя факторами: гендерной принадлежностью педагога и статусом учебного заведения – среднего или начального. Значительную, но не главную роль играло положение педагога в профессиональной иерархии внутри системы среднего образования, зависевшее в первую очередь от образовательного уровня педагога.

3.2. ГОРНЫЕ ИНЖЕНЕРЫ

Профессия горного инженера была одной из технических профессий, которые для раннеиндустриальной экономики имели базовое значение. Профессиональное сообщество горных инженеров к середине XIX в. прошло более чем полувековой путь формирования и подвергалось ведомственному регулированию и учету как основной кадровый ресурс казенной промышленности. В связи с этим изучение процесса профессионализации горных инженеров имеет солидную источниковую базу.

Все инженеры, работавшие по специальности, вносились в «Списки горным инженерам», выпускавшимся ежегодно. Е.М. Заблоцкий на основе этого издания, а также других источников (адрес-календарей, некрологов) создал базу данных о классных чиновниках, работавших на уральских заводах³²¹. Из этой базы данных нами выделены материалы о 614 специалистах, занимавших инженерные должности на казенных и частных заводах, а также в аппарате местного управления, начиная с 1861 г. Из 614 инженеров 14 чел. (2%) окончили горный кадетский корпус, 171 чел. (почти 28%) – Институт корпуса горных инженеров, 70% специалистов были выпускниками Горного института по уставу 1866 г.

63 наиболее известных имен инженеров пореформенного времени попали в энциклопедию «Инженеры Урала». Справочные сведения энциклопедии (автор В.П. Микитюк) иногда существенно дополняют материалы официального учета о профессиональной судьбе инженеров после отставки³²². Привлечены также законодательные источники (Горный устав), делопроизводственная документация Уральского горного правления и горного департамента, источники личного происхождения (переписка и воспоминания). К сожалению, мемуарных источников на тему «как я стал инженером» по уральским материалам мало. Большое значение имеют воспоминания однокурсников, выпускников Горного института 1885 г., М.А. Павлова³²³ и В.Е. Грум-Гржимайло³²⁴. Об учебе в дореформенном институте, выпускники которого составляли старшее и среднее звенья специалистов после 1861 г., вспоминали А.В. Иванов³²⁵ и А. Кавадеров³²⁶.

К концу XIX в. горные инженеры составляли около 60% специалистов с высшим образованием, занятых в уральской промышленности³²⁷. Они были монополистами в казенной промышленности и горной администрации, но находились в конкурентных отношениях с выпускниками других вузов и техниками в частной промышленности. Это обстоятельство накладывало отпечаток на публичный образ и самосознание сообщества.

Выбор профессии

Выбор профессии горного инженера до реформы 1866 г. в значительной мере носил случайный характер. Самым весомым фактором при выборе учебного заведения была возможность обучать детей за казенный счет. По уставу 1804 г. в горном кадетском корпусе для детей горных чиновников выделялось 50 мест. Казеннокоштные учащиеся (кадеты и казенные пансионеры), а тем более своекоштные не обязаны были после окончания пригготовительных классов обучаться в старших классах, в которых давалась специальная подготовка. Лишь выпускники двух старших

³²¹ Заблоцкий Е.М. Личный состав Уральских горных заводов. Классные чины. – <http://rusmin.narod.ru/> (дата обращения 08.01.2013).

³²² Инженеры Урала: Энциклопедия в 3 Т. Екатеринбург: Уральский рабочий. Т. 1, 2001.

³²³ Павлов М.А. Воспоминания металлурга. Киров: Кировская областная типография, 1992.

³²⁴ Грум-Гржимайло Владимир. Хочу быть полезным Родине /Сост. А.В. Андреев и др. Екатеринбург: Уральский рабочий, 1996.

³²⁵ Иванов А.В. Воспоминания о воспитании в Горном кадетском корпусе, 1815–1822 // Воспоминания бывших питомцев Горного института. СПб., 1873.

³²⁶ Кавадеров А.Л. Воспоминания о горном корпусе // Русская старина. 1905. Т. 123, август.

³²⁷ Дашкевич Л.А., Бугаева С.Я. Техническая интеллигенция горнозаводского Урала. XIX век. Екатеринбург, 1997. С. 96.

классов принимали присягу и считались на государственной службе, обязанные прослужить на казенных горнозаводских предприятиях – «казеннокоштные» – 10 лет, «своекоштные» – 5 лет. Многие родители пользовались возможностью обучить детей в подготовительных классах, которые продолжались 7 лет. А.В. Иванов так описывает решение о поступлении в институт: «Принесли мне письмо от моего отца, который по службе своей при дворе находился в то время /.../ в свите императрицы Елизаветы Алексеевны. Отец мой писал ко мне, что государыня удостоила меня назначить своим пансионером для определения в горный кадетский корпус»³²⁸. В данном случае речь идет о казенном пансионере. Свое обучение только в подготовительных классах А.В. Иванов объясняет так: «Утомленный трудностью изучения высших математических наук...я просил моего отца дозволить мне кончить мое образование в С-Петербургском университете»³²⁹.

Во второй четверти XIX в перекокс в сторону общеобразовательной подготовки не стал отвечать потребностям времени. Николаевские преобразования учебного заведения, которое из Горного корпуса в 1833 г. было переименовано в Горный институт, а в 1834 г. в институт Корпуса горных инженеров, привели к тому, что 2/3 казеннокоштных вакансий стали предназначаться для детей горных инженеров и горных чиновников. Списки кандидатов на штатные вакансии велись с 10-летнего возраста детей на уровне Штаба корпуса горных инженеров с разрешения министра финансов по ходатайству начальников, в ведение которых работали отцы этих детей. Устанавливалась ответственность начальников за качество претендентов на казенное обучение. «Если /.../ с заводов прислан будет в Институт кандидат, не соответствующий правилам – для приема установленным, то таковой возвращается на заводы на счет приславшего его Начальника, обще с лицами, участвовавшими в осмотре и испытании кандидата»³³⁰, – было написано в инструкции для желающих поступить в Институт Корпуса Горных инженеров.

Прием учащихся велся в 1 по 4 классы. В первый подготовительный класс принимались дети с 12–13 лет, в четвертый – 15–16 лет. Если учеба «штатного или обучающегося на счет горных сумм воспитанника, который начальством признан будет совершенно способным к продолжению наук», прерывалась по неуважительным причинам, то с родителей или родственников за каждый год взыскивалась сумма 285 руб.³³¹. Таким образом, именно во второй четверти XIX в. были усилены механизмы искусственного прикрепления к профессии по ведомственной принадлежности.

В пореформенное время горному департаменту ежегодно отпускалась сумма на пособие или стипендии для сыновей, служащих в горном ведомстве, в размере 15 тыс. руб. «взамен помещения их в Горный институт на казенное содержание, которое отменено с преобразованием Института корпуса горных инженеров в 1861 г.» Горному ведомству предоставлялась возможность иметь 30 стипендиатов в Горном институте (стипендия 300 р.), 18 – в СПб Технологическом институте (стипендия 240 р.), 2 – в Петровской земледельческой и лесной академии (стипендия 250 р.), 2 – в Медико-хирургической академии (стипендия 300 р.), 10 – в СПб. Коммерческом училище (стипендия 325 р.), всего 75 стипендий вместе со средне-учебными заведениями³³². С 12-летнего возраста выдавались по 200 руб. в год в течение 5 лет на одного ребенка «по возможности на помещение детей преимущественно в гимназиях Екатеринбургской и Пермской, как расположенные в таких местностях, где есть горные заводы»³³³. Служащим горного ведомства, получающим пособие, предоставлялось право «воспитывать детей, где пожелают, не возлагая на них последних обязанностей поступать в Горный институт или на службу по горному ведомству». Впрочем, «монетизация» льготы вызывала недовольство. Горный инженер А. Кавадеров, сравнивая жизнь горных инженеров до и после реформы 1861 г., писал: «С них не только были сняты все заботы по образованию и воспитанию их сыновей, но все это производилось за счет казны и не стоило им почти ни копейки. Теперь же, взамен такой громадной льготы, горным инженерам выдается от

³²⁸ Иванов А.В. Указ. соч. С. 233–234.

³²⁹ Там же. С. 256.

³³⁰ Руководство для желающих поступить в Институт Корпуса Горных инженеров (1849 г.) // А. Грибанов. История горного дела. Горное образование // <http://sanuchpiter.narod.ru/ucheba.htm> (дата обращения 08.01.2013).

³³¹ Лоранский А. Исторический очерк Горного института. СПб., 1873. С. 65.

³³² РГИА. Ф. 37. Оп. 49. Д. 828.

³³³ Правила о выдаче пособий на воспитание детей горным инженерам и чиновникам по технической части // Свод законов Российской империи. СПб., 1904. Т. 7. Горный устав. Приложения. С. 122.

казны на воспитание их сыновей лишь по 200 руб. ежегодно и то только в течение 5 лет. А между тем, образование мальчиков, общее и высшее, стало требовать вместо прежних 7–8 лет уже *minimum* 12–13 и обходится очень дорого, до 7500 рублей и даже более»³³⁴.

Определенную роль в выборе профессии играл горнозаводской характер региона, который формировал у молодежи представление о востребованности профессии горного инженера. М.А. Павлов писал о своем выборе так: «Легко понять, почему мы стремились в Горный институт, — ведь мы жили в Баку /.../ Надо сказать, что в то время, т.е. в 70-х годах прошлого столетия, население Баку переживало нефтяную горячку, подобную золотой горячке, которая временами охватывает местности, где открывают золото»³³⁵. «Все служащие Урала, от самых крупных до мелких, стремились определить своих детей в эти два заведения (Горный и Лесной институты – Б.С.), что обеспечивало молодежи карьеру на заводах Урала»³³⁶.

Горный институт привлекал и тем, что по сравнению с другими вузами там было больше стипендий. По свидетельству М.А. Павлова, «Горный институт имел много стипендий для студентов, — отчасти казенных, отчасти частных. Конечно, это было нечто исключительное /.../ Стипендия составляла 25 рублей в месяц: на эти деньги в то время можно было жить в Петербурге»³³⁷. По официальным данным, в 1872–74 гг. стипендиаты составляли 17% от общего количества учащихся. 26% учащихся относились к категории вольнослушателей. Остальные студенты вносили плату за учебу 30 р.³³⁸ По уставу института 1896 г. ежегодно из казны отпускалось 16 тыс. руб. на 40 казенных стипендиатов. Плата за учебу и пользование учебными пособиями возросла до 100 р.³³⁹.

Несмотря на то, что государство поддерживало престиж горного образования разными мерами, на мотивацию посвятить жизнь этой профессии влияли социальные проблемы в обществе. В.Е. Грум-Гржимайло вспоминал о разговоре с чиновником особых поручений Министерства финансов, который считал, что служит русскому народу в отличие от автора воспоминаний: «И охота вам служить приказчиком Демидова, пятаки у рабочих высчитывать?»³⁴⁰. Опасения, что, по словам Д.Н. Мамина-Сибиряка, «инженеры должны больше всего и, прежде всего, думать о прибылях предприятия»³⁴¹, не привлекали в профессию людей народнического склада личности.

«Мой идеал того времени – практический деятель /.../ Я решил быть Штольцем и Тушиним /.../ Не любил политиканствующих», – так объяснял свой выбор в автобиографии В.Е. Грум-Гржимайло³⁴². «И до сих пор русские люди не могут себе представить, что заводская работа полна поэзии, увлечения, идеалов. Фабрика им представляется прессом для выжимания пота из рабочих», – писал В.Е. Грум-Гржимайло в статье «Русский народ» уже в 1920-е гг.

Подготовка к профессии

Вот как описывает экзамен в горный корпус в 1817 г. А.В. Иванов: «Командир сам проэкзаменовал меня: заставил прочитать страничку по-русски, столько же по-французски и по-немецки, написать с книги несколько строк на этих языках, спросил таблицу умножения, задал из немногих цифр деление, проверил задачу и объявил, что экзамен выдержан мною как нельзя лучше»³⁴³ (с. 235). В «Руководстве для желающих поступить в Институт Корпуса Горных Инженеров» (1849 г.): сформулированы примерно эти же требования: экзамены должны проводиться по 12-балльной системе, проходной балл по каждому предмету был не менее 6. Требования к поступавшим в первый пригособительный класс были следующие: уметь читать, писать и рассказать прочитанное на русском, французском и немецком языках, знать четыре действия по арифметике, пять частей света, государства Европы и их столицы по всеобщей географии, несколько молитв, чтение на славянском языке.

³³⁴ Кавадеров Ал. Воспоминания о горном корпусе // Русская старина. 1905. т. 123, август. С. 425.

³³⁵ Павлов М.А. Указ. соч. С. 43.

³³⁶ Там же. С. 167.

³³⁷ Там же. С. 63.

³³⁸ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 352. Л. 142

³³⁹ РГИА. Ф. 25. Оп. 5. Д. 367. Л. 20–20 об.

³⁴⁰ Грум-Гржимайло Владимир. Указ. соч. С. 283.

³⁴¹ Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. Свердловск. 1962. С. 100.

³⁴² Грум-Гржимайло Владимир. Указ. соч. С. 283.

³⁴³ Иванов А.В. Указ. соч. С. 235.

В пореформенное время, когда Горный институт стал открытым учебным заведением, он оказался обычным инженерным институтом, в который был открыт доступ непривилегированным выпускникам реальных училищ. Их наплыв сдерживался небольшим количеством вакансий, что создавало серьезные конкурсы. По информации журнала «Техническое образование» в 1897 г. конкурс в технические вузы был 10 чел. на место³⁴⁴. Но по подсчетам А.Е. Иванова, в петербургские специальные институты в 1897 г. реальный конкурс оказался 1,6 человек на место, в 1910 г. – 2,4, хотя он казался современникам гораздо большим, т.к. поступающие имели право подавать документы в несколько учебных заведений³⁴⁵. В 1878–1884 г. в числе зачисленных в Горный институт было 70% выпускников реальных училищ³⁴⁶. М.А. Павлов о вступительных экзаменах пишет: «Мы... знали, что будут очень строгие конкурсные экзамены и нужно все знать назубок, чтоб выдержать их и попасть в Горный институт ... Приемные экзамены здесь производились лишь по математике и физике... По математике назначались лишь письменные испытания... Затем предстоял экзамен по физике. Тут дело обстояло посложнее, потому что экзаменовал Краевич, автор известного учебника физики, человек раздражительный, придирчивый и даже грубый... Краевич был очень подходящим экзаменатором для конкурса в том смысле, что он мог провалить сколько угодно экзаменующихся и тем разрешить трудную задачу: как принять всего лишь сорок человек из огромного количества конкурентов³⁴⁷. В XIX – начале XX в. Горный институт работал по уставам 1804 г., 1834 г., 1848 г., 1866, 1896 гг.

Обучение в Горном кадетском корпусе продолжалось 9 лет и состояло из 3 нижних, 4 средних и 2 верхних классов. 6 классов считалось пригготовительными и 2 окончательными.

На запрос министра просвещения о том, какие знания требуются горным чиновникам, горный департамент в 1812 г. сформулировал требования к уровню общего и специального образования горного чиновника: «Знание русского языка по правилам грамматики и правильное на оном сочинение, общее познание российских законов, общие понятия в Отечественной истории и географии, знание, по крайней мере, начальных оснований математики и общие сведения в главных частях физики – в общем образовании, знания минералогии, общих оснований химии, пробирного, горного и маркшейдерского искусства, металлургии, подземной географии, горной архитектуры и горной механики – в специальном образовании. При этом было отмечено, что «горная служба по различию особенных дел разделяется на 4 рода – горную и заводскую, монетную, горную судную и службу по Горному Кадетскому корпусу, каждый из сих родов требует особенных наук и познаний». В последних двух классах преподавались горная статистика, горное право, окончательная минералогия или физиография минеральных видов, петроматогнозия или палеонтология, геогнозия, химия неорганическая, органическая и аналитическая, механика, горное искусство, маркшейдерское искусство, пробирное искусство, минералогия, черчение. В учебном заведении очень большое внимание уделялось изучению иностранных языков.

После теоретической специальной подготовки выпускник горного корпуса оставался в С.-Петербурге для усовершенствования на 1 год, после чего еще 2 года имел звание практиканта. Представление описаний горных и заводских работ завершало обучение профессии и присвоение офицерского чина. Практиковалась стажировка лучших выпускников за границей.

Во второй четверти XIX в. в процессе преобразований института велись поиски оптимального сочетания общего и профессионального образования в рамках учебного процесса. По уставу 1834 г. 4 класса были пригготовительными, 4 горными. Несмотря на уменьшение пригготовительных классов и увеличение специальных, целью реформы учебного заведения, провозглашалось не только образование горных инженеров, но и «усиление общих способов образования». В 1836 г. старший офицерский класс был разделен на два разряда (горный и заводской), но через год от этого новшества отказались³⁴⁸.

Вопрос об отмене пригготовительных классов в институте был поставлен герцогом М. Лейхтенбергским при подготовке устава 1848 г. Он предлагал сосредоточиться на горнозаводском об-

³⁴⁴ Техническое образование. 1897. № 6. С. 70.

³⁴⁵ Иванов А. Классики и реалисты. Кому открывались вузы столетие назад // Родина. 2001. № 7.

³⁴⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 53. Д. 2344. Л. 2.

³⁴⁷ Павлов М.А. Указ соч. С. 38, 40–42.

³⁴⁸ Лоранский А. Указ соч. С. 102–103.

разовании, а средства от упразднения кадетских классов предоставить горным офицерам для обучения детей в гимназиях. Но по уставу 1848 г. количество приготовительных классов даже увеличилось: только 3 последних класса стали считаться специальными.

Большую роль в подготовке специалистов играли учебные практики и практические занятия после окончания института. Для этого они на один год причислялись к «разным заводским производствам», а в течение двух лет должны были представить два описания – «одно по технической, а другое – по хозяйственной части заводов или производств, ими лично осмотренных. Эти работы должны быть одобрены будут Ученым Комитетом Корпуса Горных инженеров. Сохранялось положение о стажировке отличнейших «из выпущенных инженеров» после нескольких лет практики, по разрешению Императора за границей³⁴⁹.

Уставом Горного института была тщательно разработана мотивация для повышения успеваемости. Знания оценивались по 10–16 балльной системе в зависимости от важности предмета. Согласно § 58 «Руководства для желающих поступить в Институт Корпуса горных инженеров (1849)» получившие из 148 возможных баллов во всех науках 7 и 8 классов не менее $\frac{4}{5}$ и по каждому предмету не менее $\frac{3}{4}$ полного числа баллов производились в Горные Инженеры, Поручики; в общей сложности $\frac{3}{4}$ и по каждому предмету не менее $\frac{2}{3}$ – в Подпоручики; в общей сложности не менее $\frac{3}{4}$, а по каждому предмету не менее $\frac{1}{2}$ – в прапорщики. Меньшее количество баллов лишало возможности стать горным инженером. Такой выпускник становился горным чиновником³⁵⁰.

В эпоху реформ состояние Горного института было подвергнуто критике за укороченный курс и общеобразовательной и специальной подготовки. Вызывал сомнение срок обязательной службы – 10 лет. В обсуждении проблем высшего образования на страницах «Горного журнала» в рубрике «О специальном горном образовании» приняли участие сами специалисты. Почти все участники обсуждения ставили вопрос о необходимости специализации. Всем очевидно было выделение на практике к середине XIX в. двух специальностей – горной и заводской. «Специалистами назваться могут только те инженеры, которые одну из отраслей дела усвоили профессионально, – писал Н. Барбот де Марни³⁵¹. Деление на горную и заводскую специальности идеально, но в России невозможно, – возражал Ф. Савченков³⁵². Н. Покровский обратил внимание, что курс Горного института не дает никакого представления об администрации, несмотря на то, что горным инженерам приходится быть администраторами. По его мнению, в программу подготовки нужно было ввести теорию горного промысла, горную историю, горное законоведение³⁵³. А. Татаринов видел недостатки института в том, что он до сих пор был сориентирован на казенную промышленность, а «большая часть горнозаводских производств находится у нас в частных руках» /.../ Пусть горное заведение не берет на себя приготовить известный класс людей с известными правами /.../ Оно должно дать все средства для приобретения познаний»³⁵⁴.

Реформа Института проводилась параллельно с ликвидацией Корпуса горных инженеров. С 1862 г. началось постепенное упразднение низших классов. Военная форма была отменена в 1865 г. В 1866 г. состоялся последний выпуск по старым правилам – военными чинами, но в том же году был утвержден новый устав. По уставу 1866 г. Горный институт превращался в специальное учебное заведение с 5-летним сроком обучения. Если до этого институт выпускал горных инженеров и горных чиновников, то после реформы – только горных инженеров. По сведениям Н. Кулибина, в 1860–70-е гг. со званием горного инженера выпускался только каждый десятый из обучавшихся студентов³⁵⁵. Обязательной служба становилась только для казенных стипендиатов – 1 год за год получения стипендии.

На 4 курсе вводилась специализация. Все предметы делились на два разряда – горный и заводской. «Главными предметами у горняков были геология (во всех своих отраслях) и горное ис-

³⁴⁹ Лоранский А. Указ соч. С. 105.

³⁵⁰ Грибанов А. Там же // <http://sanychpiter.narod.ru/ucheba.htm> (дата обращения 08.01.2013).

³⁵¹ Горный журнал. 1862. Т. I. № 2. С. 419.

³⁵² Горный журнал. 1861. Т. IV. № 11. С. 305.

³⁵³ Горный журнал. 1861. Т. IV. № 11. С. 305.

³⁵⁴ Горный журнал. 1861. Т. IV. № 12. С. 471–473.

³⁵⁵ Н. Кулибин. Предисловие к кн. П. Туннера Горнозаводская промышленность России и в особенности ее железное производство. СПб., 1872. С. X.

кусство, – писал М.А. Павлов, – а у заводчиков — аналитическая химия и металлургия /.../ Это разделение не было резким. Мы слушали одни и те же предметы у одних и тех же профессоров, и лишь на экзаменах требования были несколько различными. Поэтому инженер, окончивший по заводскому разряду, мог работать как горняк, и наоборот. Случаи, когда заводчики специализировались впоследствии на горном деле, бывали очень редко, но горняки часто становились на практике заводчиками... Был у нас еще один «общий» предмет, одинаково необходимый и для горняков и для заводчиков, — это горнозаводская механика»³⁵⁶. Воспоминания М.А. Павлова исключительно информативны в аспекте оценки качества подготовки горных инженеров в его время. Он очень высоко оценивал уровень преподавания зоологии, кристаллографии, химии, минералогии, геологии, механики с позиции того, что впоследствии пригодилось в профессиональной деятельности. О преподавателе механики И.А. Тиме писал, что он был первым и единственным профессором, который ввел практические упражнения. «Он достигал того, что студент /.../ впоследствии мог рассчитать и спроектировать всякую заводскую машину»³⁵⁷. Критично оценивался уровень преподавания математики, физики, теории передаточных механизмов, горного искусства. О Н.А. Иоссе, профессоре металлургии, М.А. Павлов писал: «Иосса поражал нас своей изумительной памятью, ибо в его голове вмещалось огромное количество фактов и цифр о производстве чугуна, железа, стали, серебра, свинца, цинка, меди /.../ Читая лекции, Иосса наизусть приводил все цифры о размерах печей, о производительности, о расходе горючего. Цифрами он угощал нас в исключительном изобилии. Польза от этого была сомнительная. Видимо, профессор пытался заменить рядами цифр отсутствие знакомства с заводской практикой»³⁵⁸. Оценивая в целом свою подготовку, В.Е. Грум-Гржимайло писал: «Я был слаб в математике, ибо у нас практиковалась лекционная система, слаб и в строительной механике, поставленной тогда в Горном институте безобразно»³⁵⁹.

Почти все мемуаристы отмечают трудности в обучении из-за отсутствия официальных учебников. Во всех учебных заведениях была распространена практика составления учебников самими студентами. Так, М.А. Павлов вспоминает, что ему от студенческой кассы взаимопомощи поступил заказ на создание записок по курсу химии с тем, чтобы доход от их продажи поступил в фонд кассы. «Мои записки пользовались большим успехом и принесли нашей кассе порядочную прибыль», – писал он. Составление учебника по курсу физической геологии студентами, хорошо знавшими иностранные языки, происходил под руководством профессора И.В. Мушкетова, который дал им «несколько иностранных изданий, отметив, что следует взять из того или иного источника»³⁶⁰. Иногда в качестве издателей выступали богатые студенты. Так, инициатором издания литографированных записок по курсу металлургии был некий Овсянников. «Мне повезло принять участие в создании руководства по курсу профессора Иосса в виде литографированных записок, – пишет М.А. Павлов. – Материал был распределен между отдельными студентами четвертого курса и разделен на два тома. В первый том вошла «общая металлургия» — почти сплошь переводные главы о горючих материалах, огнеупорах, печах, лишь частью заимствованные из «Горного журнала». Второй том содержал в себе металлургию иных, кроме железа, металлов (цветную металлургию, как теперь говорят). Составляли мы второй том на пятом курсе. На мою долю в этом томе пришлось серебро и свинец. Писать о них приходилось по указаниям Иосса и брать новейший материал из «Горного журнала» и по данным Иосса, еще не опубликованным. Оба тома сопровождалась хорошими атласами. Учебник, в общем, получился неплохой, многие годы он служил единственным пособием для студентов Горного института, и немало русских инженеров, еще здравствующих и поныне, проходили курс металлургии по изданию Овсянникова»³⁶¹. Участие в подобного рода деятельности было уделом наиболее успешных студентов. При издании записок требовалась подпись преподавателя.

Отсутствие в ходе обучения практических занятий в какой-то мере компенсировалось летними практиками. После первого курса проводилась геодезическая практика. После третьего и

³⁵⁶ Павлов М.А. Указ. соч. С. 54.

³⁵⁷ Там же. С. 57.

³⁵⁸ Павлов М.А. Указ. соч. С. 60.

³⁵⁹ Грум-Гржимайло Владимир. Указ соч. С. 9.

³⁶⁰ Павлов М.А. Указ. соч. С. 52–53, 58.

³⁶¹ Павлов М.А. Указ. соч. С. 62–63.

четвертого курса студенты разъезжались на заводы «поближе к родным местам» на двухмесячную практику под руководством преподавателей института. Отчетам по практике придавалось большое значение для подведения общих итогов учебы.

По свидетельству мемуариста, на выпускных экзаменах «экзаменовали строго, и немало студентов проваливались /.../, оставались на второй год на последнем курсе или оканчивали по второму разряду». М.А. Павлов перечисляет пять предметов, по которым сдавался выпускной экзамен теми, кто специализировался по заводскому разряду – аналитическая химия, металлургия, палеонтология, маркшейдерское искусство и заводская механика, причем последний экзамен сопровождался проектом. «Проекты задавались разные, – писал М.А. Павлов, – более трудные и более легкие. Тот, кто претендовал на лучшую отметку или даже на денежную награду, брал самый трудный проект, требовавший искусного черчения и длительных расчетов, например, углеподъемные машины. Кто шел по пути наименьшего сопротивления, тот брал проект парового молота, считавшийся самым легким. Денежные награды выдавались в размере 50 и 100 рублей. Эта были премии имени Юза за лучшие проекты. Юз (кажется, по указанию И. А. Тиме) пожертвовал Горному институту некоторую сумму в виде благодарности за многие миллионы, доставшиеся ему из русской казны»³⁶².

При пятибалльной системе студентам, набравшим не менее 4 баллов по каждому из специальных предметов, присваивался первый разряд, не менее 3,5 баллов – второй разряд. «Разница между окончившими по первому и второму разряду заключалась в том, что инженеры второго разряда получали при выпуске чин губернского секретаря, первому же разряду присваивался следующий чин — коллежского секретаря. Впрочем, для инженеров, работающих в промышленности, эти чины никакого значения не имели» – писал М.А. Павлов³⁶³.

В каждом выпуске фамилия первого по набранным баллам выпускника попадала на мраморную доску, набранную золотыми буквами. Далеко не всегда это обстоятельство влияло на дальнейшую карьеру инженера. По нашим подсчетам, на «золотой доске» были увековечены 16 инженеров, служивших на Урале. Наиболее известные уральские инженеры М.А. Павлов и В.Е. Грум-Гржимайло не были на ней представлены.

К концу XIX в. подготовка специалистов в Горном институте вновь начала вызывать нарекания. В «Известиях горных инженеров» были озвучены следующие претензии горнопромышленников Юга России к состоянию института: курс института не представляет стройного целого, предметы не согласованы; преобладает лекционная система преподавания, отсутствие наглядных пособий, кабинетов; литографированные лекции изданы неряшливо; знания у студентов книжные, формальные; летние занятия более менее рационально поставлены только по геодезии; для студентов нет ни общежитий, ни столовой³⁶⁴. Автор другой публикации полагал, что промышленности нужны не теоретики, а практики: «В жизни /.../ узкий специалист окажется несравненно более полезным, чем энциклопедист»³⁶⁵. «Едва ли здесь не играет роль желание получить инженеров «числом поболее, ценою подешевле» /.../ Горнопромышленники предъявляют молодым русским инженерам слишком высокие требования», – вторил им оппонент³⁶⁶. Уставом Горного института 1896 г. некоторые общеобразовательные предметы были заменены специальными, расширялись права специалистов на производство строительных работ, исключалась ранее существовавшая возможность получения звания горного инженера экстерном. Эти правом, введенным в 1866 г., по сведению Горного департамента никто за несколько десятилетий не воспользовался³⁶⁷.

Звание горного инженера с этого времени давало право «заведывать рудниками, шахтами, копиями, приисками, производить поиски и разведки месторождений ископаемых всякого рода, заведывать фабриками и заводами, воздвигать рудничные и заводские здания с их принадлежностями и жилые помещения, находящиеся с ними в непосредственной связи, производить другие, соединенные с означенными сооружениями строительные работы и составлять проекты для этих зданий и работ»³⁶⁸.

³⁶² Павлов М.А. Указ соч. С. 85.

³⁶³ Там же. С. 87.

³⁶⁴ Известия общества горных инженеров. 1896. № 6. С. 54.

³⁶⁵ Техническое образование. 1897. № 3. С. 7.

³⁶⁶ Известия общества горных инженеров. 1897. № 4. С. 46.

³⁶⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 81. Д. 15. С. 100.

³⁶⁸ Свод законов Российской империи. СПб., 1904. Т. 7. Горный устав. Приложения. С. 5–6.

К концу XIX – началу XX вв. встал вопрос о выделении из горной специальности геологической. Решение о создании при горном факультете геолого-разведочного отделения было принято в 1907 г.³⁶⁹.

Открытие в 1899–1902 гг. нескольких учебных заведений – Екатеринославского высшего горного училища, Томского и Варшавского политехнических институтов, получивших право присваивать звание горного инженера, на кадровый состав уральских горных инженеров не повлияло. Выпускники Екатеринославского высшего горного училища по первоначальному замыслу могли получать звание горного техника. К первому выпуску студентов в 1903 г. была внесена поправка: им присваивались звания инженера-металлурга или рудничного инженера с правом после 2 лет технической службы сдавать экзамены в Петербургском горном институте на звание горного инженера. М.А. Павлов, ставший к этому времени профессором училища писал: «На заводах наше училище называли «маргариновым институтом», а окончивших его — «маргариновыми инженерами». По свидетельству Павлова, один из выпускников, родом из Перми пытался, но не смог устроиться на работу с дипломом училища, т.к., «инженер-металлург» не считался настоящим инженером»³⁷⁰. Началась борьба Екатеринославского училища за переименование в институт и присвоение выпускникам звания «горный инженер», увенчавшаяся успехом к 1912 г.

Удельный вес выпускников Горного института, работавших на Урале в 1861–1916 гг.

Годы выпусков специалистов	Количество выпускников Горного института (чел.)	Количество горных инженеров, служивших на Урале в 1861–1916 гг.	
		(чел.)	%
1820–1829	153	7	4,5%
1830–1839	118	11	9,3%
1840–1849	104	32	30,7%
1850–1859	178	72	40,4%
1860–1869	145	66	45,5%
1870–1879	209	83	39,7%
1880–1889	365	126	34,5%
1890–1899	399	105	26,3%
1900–1909	611	93	15,2%
1910–1916	541	19	3,5%

Источник: Горный журнал. 1923. №11. С. 747–763; Заблоцкий Е.М. Личный состав Уральских горных заводов. Классные чины // <http://russmin.narod.ru/> (дата обращения 08.01.2013).

По нашим подсчетам, в среднем, в 1850 – гг. с каждого курса на уральские заводы направлялось по 7, в 1860 – е по 6, в 1870 – е по 8, в 1880 – е по 12, в 1890-е – по 10, в 1900-е – по 9 человек, но в отдельные годы их количество доходило до двух десятков и выше. Так, в 1880 и 1895 на заводы приехали по 18, в 1888 – 23 выпускника. Для многих служба на Урале ограничивалась двумя обязательными годами службы в качестве практикантов. Но удельный вес выпускников, служивших на Урале, достигнув пика в 1880-е гг. начал резко снижаться в начале XX в. Вероятно, это связано с тем, что масштабы производства на Урале увеличивались незначительно и все вакансии были заняты опытными кадрами, выпускниками предшествующих лет.

Вхождение в профессию

М.А. Павлов в воспоминаниях пишет, что после выпускных экзаменов «полагалось подавать прошение на «высочайшее имя» о зачислении на государственную службу по Главному горному

³⁶⁹ Ленинградский горный институт. Юбилейный сборник. 1773–1923. Л., 1926. С. 12.

³⁷⁰ Павлов М.А. Указ. соч. С. 284–285.

управлению. «Но это зачисление по Горному управлению само по себе ровно ничего не означает; надо получать место на каком-нибудь казенном или частном горном предприятии»³⁷¹. Сведения о вакантных местах поступали в Горный институт и выпускники выбирали понравившееся место службы.

Не поступившие на штатную службу выпускники могли, по усмотрению Министра финансов, в течение 1–2 лет получать пособия для практического совершенствования на казенных заводах и рудниках. Выпускники, не подавшие прошение и не прошедшие начало службы практикантами, горным ведомством не учитывались. Встречаются записи, когда зачисление по горному ведомству состоялось на несколько лет позже после окончания института. Вероятнее всего, что инженеры, не состоявшие никогда на учете в ведомстве, по специальности не работали.

Молодые специалисты приезжали на заводы практикантами. «Практикант – лицо без определенных обязанностей», – писал В.Е. Грум-Гржимайло. По его сведениям, выпускников без опыта работы «берут на заводы только потому, что этого желает правительство, не знающее, куда деть кончающих курс молодых инженеров»³⁷².

И М.А. Павлов, и В.Е. Грум-Гржимайло описали примерно одинаковую картину, как постепенно практикантов знакомили с заводами и служащими. «Мне /.../ предоставлено было право сидеть на заводе, смотреть, как работают, и только. Положение практиканта показалось мне тягостным. Каждый вечер нас звали в гости /.../ Что же касается работы, то я тщетно искал таковую. Все управители, к которым я обращался, встречали мою просьбу недоверчиво /.../ Мы были кандидатами на замещение старших мест в округе, и каждый от нас хоронился, указывая на соседа»³⁷³.

М.А. Павлов приводит такой диалог с управляющим округом П.М. Карпинским. Павлов: «Мне неловко так бездельничать. Надо же чем-нибудь заняться. – Карпинский: Если хотите, приходите посидеть в мой кабинет. Посмотрите, чем занимается управляющий округом. Или погуляйте по заводу, оглядитесь»³⁷⁴. Практикант-выпускник имел минимальную оплату – 50 р. в месяц.

Только после успешного выполнения задания, которое практиканты получали не скоро, они назначались на младшую инженерную должность надзирателя или смотрителя завода. Начиналась полноценная профессиональная жизнь специалиста.

Организация профессиональной деятельности

До реформ 1860-х гг. горные инженеры были привилегированной частью государственных служащих, включенных в состав кадровых военных специалистов. В 1866 г Александр II утвердил мнение большинства в Государственном совете, направленное против привилегий и отступлений от устава о службе гражданской³⁷⁵.

22 апреля 1867 г. были высочайше утверждены «Временные правила о преобразовании корпуса горных инженеров в гражданское ведомство»³⁷⁶. Согласно п. 3 «горные инженеры не выше подполковника /.../ переименовываются в тот гражданский чин, которого бы они достигли по правилам о производстве в гражданские чины за обыкновенную выслугу лет /.../ При этом горные инженеры переименовываются в чин одним классом выше класса занимаемой каждым должности, если по числу лет /.../ выслужили право на этот чин»³⁷⁷.

Горные инженеры теряли право на дополнительное жалованье – деньги на денщиков (от 25 до 75 р. в зависимости от чина), командировочные как военные чины, право на получение половинного по чину содержания при командировках в частные железнодорожные общества «сверх получаемого от обществ содержания»³⁷⁸. Новое положение резко ограничивало возможность повышения сословного статуса.

³⁷¹ Павлов М.А. Указ. соч. С. 87–88.

³⁷² Грум-Гржимайло Владимир. Указ. соч. С. 18.

³⁷³ Грум-Гржимайло Владимир. Указ. соч. С. 37.

³⁷⁴ Павлов М.А. Указ. соч. С. 97.

³⁷⁵ РГИА. Ф. 1149. Оп. Т. 6. 1866. Д. 19. ЛЛ. 94–106.

³⁷⁶ ПСЗ -2, Т. 42, № 44487.

³⁷⁷ ПСЗ -2, Т. 42, № 44487.

³⁷⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 49. Д. 828.

Горный департамент в новых условиях проявил настойчивость в стремлении сохранить корпоративность службы инженеров. По ст. 182 Устава горного инженеры, не занимающие штатных должностей, зачислялись по Главному горному управлению без содержания от казны в течение года. Судя по личным делам горных инженеров, они не всегда вовремя сообщали о своих переменах по службе. Горное управление посылало запросы в заводууправления и в случае сведений об увольнении издавало приказы о зачислении по Главному горному управлению на 1 год. Создается впечатление, что ведомство было более заинтересованной стороной в сохранении корпоративности.

Горный департамент вел кандидатские списки на замещение вакантных должностей. Назначение происходило в соответствии с просьбой специалиста, желающего сменить место работы, или с согласия претендента³⁷⁹.

Горный устав издания 1893 г. подтверждал право выпускников Петербургского горного института на все должности казенных заводов, которые «принадлежат к распорядительной и искусственной части и не слишком малозначительны» (ст. 25).

Формулярные списки горных инженеров свидетельствуют, что наиболее успешные впоследствии инженеры довольно быстро после начала службы командировались за границу с формулировкой конкретного задания: «для изучения производства крупносортного железа», «для знакомства с рельсопрокатным производством» «для сравнительного анализа деятельности простых и газовых сварочных печей», «для изучения приготовления железа и стали усовершенствованными способами Бессемера, Мартена и Лундена» и т.д. Часто это были молодые инженеры из знаменитых горных династий. Распространены были также командировки по заводам внутри России. Такого рода командировки были важной частью повышения квалификации специалиста. М.А. Павлов и В.Е. Грум-Гржимайло, инженеры частных заводов, ездили в командировки за границу по собственной инициативе. Так, М.А. Павлов получил премию от владельцев в размере 1 тыс. руб. за проектированную, построенную и введенную в эксплуатацию доменную печь³⁸⁰. Командировке в Европу и США предшествовал его проезд и оценка состояния уральских заводов. В.Е. Грум-Гржимайло объясняет свое решение ехать за границу тем, что «недоставало питания извне. Я варился в собственном соку». С разрешения управляющего, разрешившего отпуск на 3 месяца и выдавшего 600 руб., Грум-Гржимайло поехал на заводы Швеции³⁸¹. Характерно, что ни тот, ни другой на прежнее место работы не вернулись. Командировки специалистов казенных заводов оплачивались казной и включались в рабочий стаж. На частных заводах – в счет отпуска и за счет собственных средств.

Новым опытом профессиональной деятельности инженеров в пореформенное время было массовое освоение службы на частных заводах.

Предписание Министра финансов Главному начальнику Уральских заводов от 10 июня 1861 г. гласило: «В случае поступления от заводовладельцев просьб о командировании горных инженеров для управления принадлежащими им заводами, разрешать таковые ходатайства с тем, чтобы при подобных командировках офицерам от казны никакого довольствия не производить»³⁸².

Как видно из таблицы, выпускники 1820-х гг., работавшие на Урале, имели опыт работы только в казенной промышленности. В 1830-е гг. 25% инженеров были временно командированы к частным лицам. На частные заводы направлялись управляющие от казны в случае угрозы банкротства и для «технических занятий». В 1850-е гг. их количество увеличилось до 40%. Лишь в пореформенное время появились инженеры, которые всю профессиональную жизнь проводили в частной службе, числясь в командировках. В 1880-х гг. таких инженеров уже было больше трети. Исключительно в казенной промышленности работали лишь 22,5%. Большинство инженеров чередовали службу в казенной и частной промышленности. Командирование в частную промышленность было обусловлено формальным сроком. После окончания срока работ горное ведомство требовало отчет о технических занятиях или удостоверения окружающих

³⁷⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 48. Д. 2668.

³⁸⁰ Павлов М.А. Указ. соч. С. 177.

³⁸¹ Грум-Гржимайло Владимир. Указ. соч. С. 102–103.

³⁸² ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 2006. Л. 1–106.

инженеров о службе по специальности. Инженеры имели право в течение года заниматься поисками новой работы без перерыва трудового стажа, числясь по Главному горному управлению без содержания от казны.

Удельный вес специалистов, работавших в казенной и частной промышленности

Годы выпуска	Количество специалистов, работавших после 1861 г.	Специалисты, работавшие в казенной промышленности (в %)	Специалисты, совмещавшие казенную и частную службу (в %)	Специалисты, работавшие в частной промышленности (в %)
1821–1829	7	100	–	–
1830–1839	11	75	25	–
1850–1859	72	60	40	–
1880–1889	126	22,5	42,8	34,7

Подсчитано по: Заблоцкий Е.М. Личный состав Уральских горных заводов. Классные чины // <http://rusmin.narod.ru/> (дата обращения 08.01.2013).

В 1885 г. в частновладельческих округах Урала работали 128 специалистов с высшим образованием. 89% из них были выпускниками отечественных институтов, из них 62% – выпускниками Горного института. Относительную конкуренцию горным инженерам составляли инженеры-технологи. Их удельный вес равнялся 21%³⁸³.

Горное ведомство с конца 1870-х гг. начало испытывать трудности «замещать способными и опытными инженерами открывающиеся вакансии заводских управителей и горных начальников», так как не было «возможности настолько возвысить должностные оклады, чтобы удержать их на казенной службе»³⁸⁴. По инициативе министра государственных имуществ горным инженерам перестали зачислять время, проведенное на частной службе, в срок выслуги на пенсию, их лишили пособий на воспитание детей.

При работе над новой редакцией горного устава (1893 г.) горное ведомство попыталось даже вернуть понятие «корпус». Этот вопрос обсуждался в соединенных департаментах законов и государственной экономии Государственного совета 27 января и 21 марта 1892 г., где было признано, что «по силе узаконений, последовавших со времени преобразования горного департамента сам корпус был упразднен»³⁸⁵. В 1895 г. горным департаментом был разработан проект «О некоторых особенностях службы горных инженеров», в котором ведомству должны были быть предоставлены исключительные права по контролю за инженерным составом: право определять соответствие должности и специальности, фиксировать все изменения по службе в приказах по горному ведомству, устанавливать срок командировок к частным лицам не более трех лет³⁸⁶.

Эта инициатива не увенчалась успехом, но все же в новой редакции Устава сумма на содержание инженеров, зачисленных по Главному горному управлению, при условии выполнения технических обязанностей была незначительно увеличена³⁸⁷.

Стремление горного ведомства распоряжаться личным составом горных инженеров можно объяснить не только желанием обеспечить казенные интересы, но и удержать специалистов в нелегкой профессии. Уменьшение срока обязательной службы для казенных стипендиатов и ее

³⁸³ РГИА. Ф. 37. Оп. 55. Д. 5. ЛЛ. 36–81.

³⁸⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 47. Д. 1022. Л. 2.

³⁸⁵ РГИА. Ф. 1162. Оп. Т. 16. 1892. Отдел департамента гос. экономии. Д. 1. ЛЛ. 3–51.

³⁸⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 48. Д. 1987. ЛЛ. 8–10 об.

³⁸⁷ ПСЗ – 3. Т. 17. № 13884.

отмена для тех, кто не получал стипендии, для вольнослушателей имели последствием значительные размеры депрофессионализации.

Профессиональная жизнь

«Молодой инженер знакомится со своеобразной обстановкой цеховой работы, приучается к жару, холоду, пыли, грязи и грохоту металлургического завода, в котором нельзя ходить с палочкой и в белых перчатках /.../ – писал В.Е. Грум-Гржимайло. – Для многих инженеров такая школа окажется не по зубам. /.../ Заводская служба не сахар, и они скоро подыщут себе место где-нибудь в канцелярии, в чистом светлом помещении, в приятном обществе сослуживцев. /.../ Нет ничего несноснее в заводе так называемых «смотрителей», которые на дело смотрят, а дела не видят. Заводская служба трудная, и человеку, у которого не хватает характера привыкнуть к ней, лучше в заводе не служить»³⁸⁸.

Проанализируем, как складывалась карьера инженеров разных лет выпусков. В целом сложилась к концу имперского периода профессиональная жизнь выпускников 1820–1880-х гг. Выпускники 1890–1910-х гг. к 1917 г. находились еще в середине или в начале профессионального пути.

Массовым сроком выхода в отставку после реформы 1867 г. был 20–25-летний стаж. Именно такой стаж давал право на половинное или полное жалование при выходе на пенсию. Но это не означает, что на этом завершалась трудовая деятельность, часто она продолжалась до смерти, т.к. средняя продолжительность жизни инженеров, по нашим подсчетам, не превышала 55–60 лет. После официальной отставки инженеры просто выходили из системы официального учета на службе в горном ведомстве. Они устраивались по контрактам к частным лицам, искали работу вне профессии. Так, например, В.А. Грамматчиков после выхода в отставку работал еще 23 г., в том числе был управляющим Холуницким и Нижнетагильским горными округами. А.А. Зигель после официальной отставки работал еще в профессии 9 лет. А.П. Протасов после отставки стал преподавателем металлургии в Уральском горном училище и т.д. Как складывалась судьба большинства инженеров, ушедших в отставку, проследить не представляется возможным.

Выпускники 1820–30-х завершали свою карьеру в 1860-е гг. До 1880 г. продлилась трудовая деятельность лишь у отдельных, наиболее успешных администраторов. Более 2/3 выпускников 1820–1850-х гг., попавших на Урал практикантами, связали всю свою профессиональную жизнь с уральскими заводами со средним сроком стажа около 27 лет.

Почти 90% инженеров, работавших с 1861 по 1917 гг., были специалистами, подготовленными в 1850–1900 гг. В 1880-е гг. по сравнению с 1850-ми мобильность инженеров существенно выросла: инженеров, проработавших только на Урале, осталось 1/3 от их общего количества. Средний стаж на уральских заводах уменьшился до 14,9 лет³⁸⁹. Большинство инженеров, приобретя опыт, уезжали в другие регионы.

В.Е. Грум-Гржимайло свидетельствовал об отношении рабочих к инженеру: «Ты перелетная птица. Сегодня здесь, – завтра там...»³⁹⁰. Это было связано не только с мобильностью самих инженеров, но и с частыми переводами по воле начальников: существовало мнение о необходимости частой смены командного персонала на заводах. Поэтому карьера инженеров складывалась сначала по пути горизонтальной мобильности – освоения должностей смотрителей разных заводов и рудников, затем управителей. Судя по формулярным спискам, в среднем на должности смотрителя заводов или цехов инженеры находились около 10 лет. На втором десятке лет инженер получал должность управителя. Высокими командными должностями в местной горной администрации были должности горных начальников заводских округов, окружных ревизоров, окружных инженеров и самой высшей – Главного начальника уральских заводов. Высшую должность на Урале занимали в 1856–1863 гг. Ф.И. Фелькнер, в 1863–1870 г. А.А. Иосса, в 1870 – В.А. Грамматчиков, в 1871–1896 И.П. Иванов, в 1897–1912 гг. П.П. Боклевский, в 1913–1917 П.И. Егоров.

³⁸⁸ Грум-Гржимайло Владимир. Указ. соч. С. 50.

³⁸⁹ Подсчитано по: Заблочкий Е.М. Личный состав Уральских горных заводов. Классные чины // <http://rusmin.narod.ru/> (дата обращения 08.01.2013).

³⁹⁰ Грум-Гржимайло Владимир. Указ. соч. С. 25.

Сами инженеры и их современники к частым переводам относились скептически. А.Н. Митинский писал: «Инженеры повышаются по службе в зависимости от штатов и окладов, а не по специальности. Так, инженер, служащий на прокатке кровельного железа, назначается заведующим механическим заводом; доменный инженер ... – на выделку кос; металлург – заведующим горными работами»³⁹¹. «Эти переводы с места на место вредны для дела, – писал И.Х. Озеров, – они не дают возможности вырабатывать хороших специалистов по отдельным производствам»³⁹². Очевидно, что горное начальство стремилось не к технической специализации, а к формированию управленческих кадров, которые прошли хорошую выучку на разных участках управления.

В частной промышленности должности горного начальника соответствовала должность управляющего. Смена командного состава на частных заводах проходила по чисто субъективным причинам. «Управляющие заводами менялись как пешки. Почему? Этого положения добились только лучшие инженеры. Они были хороши, пока были инженерами, но делались никуда не годными, когда попадались на глаза владельцам... Им надо было людей смиренных, послушных, но вместе с тем таких, кои бы делали дело хорошо. А это им не удавалось, и отсюда вечная смена управляющих», – писал В.Е. Грум-Гржимайло³⁹³. О причинах увольнения управляющего Нижне-Тагильскими заводами В.А. Грамматчикова, при котором заводы были в «блестящем состоянии», автор воспоминаний пишет: «Надо обновить управление – вот единственный мотив»³⁹⁴.

Карьера инженеров далеко не всегда завершалась значительной административной должностью: по нашим подсчетам, лишь у 1/3 специалистов. Потолком рядовой карьеры была должность смотрителя, управителя, помощника управляющего. Впрочем, по официальной информации должности инженеров, находившихся на частной службе, были непрозрачны. Традиционной была формулировка: «Состоит по Главному горному управлению с откомандированием на заводы» и далее называлась фамилия заводовладельца.

10–15% инженеров перебирались в С.-Петербург на должности начальников отделов в Горный департамент, в министерства, в высшие учебные заведения. Самой высокой для горного инженера была должность директора Горного департамента. Опыт работы на заводах, в том числе и уральских, таких инженеров как Рашет В.К., Иосса Н.А., Денисов Н.А., Курмаков Н.Н., способствовал продвижению по административной лестнице до главного горного начальника страны. 10 инженеров – Иосса А.А., Стрельман А.П., Миклашевский П.И., Воронцов Н.В., Тимофеев В.И., Холостов В.Е., Деви П.П., Зеленцов А.А., Урбанович И.Н., Нестеровский Н.Я. в завершение своей карьеры были членами Горного совета и Горного ученого комитета.

Работа на уральских заводах была частью биографии ряда деятелей науки. Иногда это были выпускники, проявившие свои научные способности на студенческой скамье и направленные на уральские заводы, чтобы иметь практику. Через 2 г. для подготовки диссертации в институт были отозваны А.П. Карпинский, А.П. Лоранский, К.Д. Сушин, С.Г. Войслав, А.Н. Митинский. Через 4–5 лет были прикомандированы к Горному институту Н.А. Иосса, Н.П. Асеев, И.В. Мушкетов, Е.Н. Барбот-де-Марни. А.П. Кондратьев, А.А. Ауэрбах и И.А. Корзухин попали на кафедры через 7–8 лет практической деятельности. А.А. Ауэрбах после нескольких лет преподавательской работы вернулся к практической инженерной деятельности.

Но нередки были случаи, когда инженеры в науку приходили после довольно длительного стажа производственной деятельности. Н.П. Барбот-де-Марни стал преподавателем института через 11 лет после его окончания. В.Н. Липин, М.А. Павлов, Е.С. Федоров имели 14–15 стаж работы, прежде чем заняться научно-преподавательской деятельностью. Более всех имел инженерную практику В.Е. Грум-Гржимайло. Он стал адъюнктом кафедры металлургии после 22 лет работы в промышленности. Высокие административные должности в сфере науки имели В.В. Никитин, В.Н. Воронцов, Е.С. Федоров, ставшие директорами Горного института. В.Н. Воронцов занял эту должность, минуя профессорское звание. Высокий авторитет в профессиональном сообществе он заработал своей деятельностью на посту начальника Пермских пушечных и директора Путиловского сталелитейного заводов.

³⁹¹ Митинский А.Н. Горнозаводской Урал. СПб., 1900. С. 160.

³⁹² Озеров И.Х. Горные заводы Урала. М., 1910. С. 123.

³⁹³ Грум-Гржимайло Владимир. Указ соч. С. 36–37.

³⁹⁴ Там же. С. 127.

С именем А.П. Карпинского связано учреждение Геологического комитета, положившего начало становления профессии геолога как практического деятеля. Он стал также ординарным профессором Академии наук, в мае 1917 г. избранным ее президентом.

И на казенных, и на частных заводах работодателя интересовала не собственно техническое творчество инженеров, а управленческое обеспечение технологического производственного процесса. Этот аспект был более важен в связи с тем, что новейшее оборудование закупалось за границей.

Техникой производства, в основном, занимались смотрители заводов. Начиная с должности управителя, инженеры были заняты административными, хозяйственно-распорядительными делами. О характере труда управляющего Нижне-тагильскими заводами В.Е. Грум-Гржимайло писал: «В.А. Грамматчиков сидел в управлении с 10-ти до 3-х. Как чиновник, он завел большой порядок в отчетности /.../ Техником он не был, но тем не менее он завел большой порядок и в технике и старался, сколько умел, поддержать ее в заводах, хотя и чисто канцелярским путем»³⁹⁵. М.А. Павлов о своем начальнике сообщает то же: «Сам Карпинский на завод не ходил и распоряжался, управлял, сидя в кабинете. Сашка (помощник – Б.С.) ходил по всем цехам завода и докладывал два раза в день Карпинскому о том, что делается. Они вместе обсуждали бесчисленные мелочи повседневной заводской жизни»³⁹⁶.

В техническом плане работа инженеров в период индустриальной реконструкции заводов была сложной и ответственной. Для перехода мануфактурного производства в индустриальную стадию требовалась инновационная инженерная деятельность – анализ технического уровня существующих изобретений, выбор оптимального решения из альтернативных вариантов, применение новой техники, технологии, новых способов производства, коммерческая эффективность и, наконец, собственные изобретения. Уральским инженерам пришлось в основном работать в имитационном цикле инноваций – периоде распространения паровых машин, газопудлинговых и газосварочных печей нового типа, бессемеровского конвертора, печей В. Сименса – П. Мартена и др. С точки зрения инженерной деятельности многим инженерам пришлось внедрять и эксплуатировать инновации впервые на своем предприятии, заниматься производными технологиями.

Распространением передового мирового опыта, возможности применения его в отечественных условиях брал на себя «Горный журнал». Многие инженеры были корреспондентами журнала, описывая свою практику. На заводах имелись библиотеки, куда поступали новейшие работы. М.А. Павлов, будучи молодым инженером в Омутнинском округе, вспоминал: «Когда стало нужным решать новую для меня техническую задачу, сразу явилась мысль о пособиях. Просмотрев каталог, я обнаружил в нем несколько интересных книг. Из них выбрал «Производство железа» Валериуса, известного бельгийского металлурга (в библиотеке оказалось новейшее, третье французское издание), и «Калибровку валков» Неве и Анри — тоже на французском языке /.../ После теоретической подготовки по курсу Валериуса, я стал учиться у рабочих, наблюдая, как действует пудлинговая печь, какова длительность отдельных периодов и т. д.»³⁹⁷.

«В завод ведут две двери: через чертежную и через лабораторию. Завод нуждается в лицах с мышлением химическим и механическим» – писал, В.Е. Грум-Гржимайло. – Мы, старые инженеры, были в заводах всем»³⁹⁸. Подводя итог своей деятельности, он также перечислял круг своих обязанностей: «делал всякую работу /.../ без всякого выбора: углежжение, производство доменное, чугунолитейное, сталелитейное, пудлингование, бессемерование, мартенование, прокатка, калибровка, листоделание, жечь, машиностроение, механика, гидравлика, кирпичное производство, железные конструкции, архитектура, /.../ лесное хозяйство, таксация лесов, железнодорожное дело, изыскания, разведка и разработка рудников /.../, землеустройство мастеровых, целая энциклопедия наук и специальностей. И таков круг обязанностей всех других инженеров»³⁹⁹.

³⁹⁵ Грум-Гржимайло Владимир. Указ. соч. С. 84.

³⁹⁶ Павлов М.А. Указ. соч. С. 107.

³⁹⁷ Павлов М.А. Указ. соч. С. 119.

³⁹⁸ Грум-Гржимайло Владимир. Указ. соч. С. 51.

³⁹⁹ Грум-Гржимайло Владимир. Указ. соч. С. 127–128.

Г. Бессемер получил патент на свое изобретение в 1856 г., П. Мартен в 1864 г., а в 1870 г австрийский профессор Туннер, посетивший Урал, писал: «Печи Сименса и способ Мартена я встречал на многих уральских заводах»⁴⁰⁰.

Опыты по бессемерованию в конце 1850-х гг. начал В.Н. Воронцов на Златоустовском заводе. Впоследствии им была установлена на Пермских заводах печь Сименса. Промышленное освоение бессемеровского метода связано с именами А.А. и Н.А. Иосса, а также И.П. Иванова. В 1871 г. В.Е. Холостовым была спроектирована и построена первая на казенных заводах России мартеновская печь. Семенников В.А. впервые на Богословских заводах осуществил бессемерование медного штейна. Освоение бессемеровского процесса выплавки стали привели к значительному сдвигу в технологии прокатного производства. Появились прокатные станы с валками больших диаметров. Во второй половине XIX в. конструкции прокатных станов, паровых машин, водяных турбин были, в основном, зарубежного производства. Об условиях установки реверсивной паровой машины фирмы «Эрхард и Земмер» в своих воспоминаниях рассказывает В.Е. Грум-Гржимайло. «Условия заказа фирмы были такие: сборка машины фирмой – год ответственности за поломки»⁴⁰¹.

О разработках уральских инженеров к 1870 г. П. Туннер писал: «Чтобы назвать способы, которые не заимствованы извне, но представляют драгоценные изобретения русских техников, я упомяну о закаливании железных рельсов и об употреблении особого фотомера для определения температуры, при которой обрезают рельсы с обоих концов; ...приготовление больших кричных криц по 45–90 пуд. весом и о производстве так называемого глянцевого железа, которое вывозится в Англию и Северную Америку»⁴⁰². Здесь речь идет, главным образом, о достижениях К.П. Поленова, выпускника Московского университета. Науку и практику горного дела создавали не только горные инженеры, но и выпускники университетов, Технологического, позже политехнических институтов. П. Туннер в данном контексте не упомянул о «печи Рашета», которая в это время активно продвигалась директором Горного департамента В.К. Рашетом. Но в другом месте написал: «Я не в состоянии точно указать, в чем и какая разница находится между действием печей рашетовских и обыкновенных ... Заметной разницы не существует»⁴⁰³. Это замечание вызвало возражение переводчика и автора предисловия Н. Кулибина: «Мнение ... несправедливо, разница значительная»⁴⁰⁴.

В последней трети XIX – начале XX вв. вклад в освоение производства стали и совершенствование изготовления стальных пушек внес Н.В. Воронцов. По его проекту на Мотовилихинском заводе был создан чугунный паровой молот весом более 600 тонн. Иванов П.А. впервые применил при разливке стали специальную надставку на изложницу. Н.Г. Славянов предложил новый способ сварки, т.н. электрическую отливку металлов. Инженерно-экспериментальная деятельность В.Е. Грум-Гржимайло на заводах Нижне-Тагильского и Алапаевского округов дала ему материал для усовершенствования конструкции мартеновских печей, стала базой для создания гидравлической теории движения газов в печах. Инженерная работа М.А. Павлова на Климковском заводе Холуницкого округа также подводила к созданию теории доменного производства. А.А. Ауэрбах первым применил микроскопический метод исследования минералов. Вклад в минералогии Ильменских гор внесли уральские инженеры И.И. Редикорцев, П.А. Версилов. Буровыми работами в дачах горных заводов занимался В.И. Тимофеев. И.И. Редикорцев был первооткрывателем Челябинского угольного бассейна. В геологическое исследование Урала внесли вклад Е.С. Федоров, В.И. Тимофеев, В.Ф. Фельдгаузен, К.И. Иордан и др. Опытами по обогащению руд занимался Ф.И. Фелькнер. С достижениями в Каслинском художественном литье связаны имена инженеров Б.И. Копылова, Н.А. Огильви. Первым строителем на Урале цементного завода был А.Н. Кузнецов. Впервые применил магнитометрическую съемку при разведке железных руд Е.Н. Барбот-де-Марни.

Но большей частью трудовой деятельности инженеров было решение задач по поддержанию существующего уровня техники. «Избитые, изработанные машины работали только из любез-

⁴⁰⁰ Туннер П. Горнозаводская промышленность России и в особенности ее железное производство. СПб., 1872. С. 7.

⁴⁰¹ Грум-Гржимайло Владимир. Указ. соч. С. 82.

⁴⁰² Туннер П. Указ. соч. С. 7.

⁴⁰³ Туннер П. Указ. соч. С. 142.

⁴⁰⁴ Туннер П. Указ. соч. С. X.

ности и постоянно ломались. Запасных частей не было... Вечные поломки, вечная нехватка пара, дутья, ремонт водопроводов, паропроводов», – так описывал завод в Нижней Салде В.Е. Грум-Гржимайло в начале своей деятельности⁴⁰⁵. Инженеры не были самостоятельны в процессе внедрения капиталоемких технических новшеств. «При явном неумении наших владельцев вести дело у всех мало по малу пропадает охота предлагать проекты и улучшения», – писал М.А. Павлов⁴⁰⁶. «Мы, управители заводов, не всегда можем провести в жизнь те начала, которые обязует нас провести наука и техника, ибо часто самое искреннее желание сделать то, либо другое техническое или хозяйственное улучшение ... разбивается о денежные и прочие преграды», – жаловался в письме к Н.А. Иоссе горный инженер Усть-Катавских заводов С. Жуковский⁴⁰⁷.

Мнение П. Туннера о том, что на Урале пока еще преобладает *Meisterwirthschaft*, «т.е. такая работа, которая в техническом отношении управляется преимущественно мастерами»⁴⁰⁸, подтверждается и воспоминаниями инженеров. Молодой инженер М.А. Павлов был удивлен, когда о секретах методов испытания железа «вятский рабочий (он оказался «уставщиком») рассказал мне то, чего я никогда не слышал в институте от начиненного цифрами профессора Иосса»⁴⁰⁹.

Становление инженерной деятельности как результата регулярного применения научных знаний к производству не завершилось ни в России, ни в мировой практике в целом. В стадии формирования находились технические науки на основе механики и теплотехники, энергетического и физико-химического цикла технологического знания. В.Е. Грум-Гржимайло писал в 1907 г. «Наша металлургия еще до сих пор наполовину рецептурная наука...мечта всякого металлурга-практика подвести под рецептурную металлургию идейный, научный фундамент»⁴¹⁰. В инженерной повседневности сохранила свою значимость техническая деятельность, основанная на опыте и навыках местных специалистов-практиков.

Понятие инновации включает в себя и понятие о рыночной эффективности нововведений. Но иногда коммерчески выгодно было иметь старую технологию. О характерном примере рассказывает М.А. Павлов: «Я попросил Карпинского объяснить мне: какой смысл существования маленькой, со старым оборудованием кричной фабрики на Кирсинском заводе. Вот что он мне сказал:— Дело в том, что кричное железо находит себе хороший сбыт в Средней Азии. Вы заметили короткие полосы кричного железа? Оно кованое, не прокатанное, а малая длина полос объясняется тем, что их перевозят на верблюдах где-нибудь в Хиве или Бухаре. Железо это приносит доход, а не убыток заводу»⁴¹¹. С другой стороны, В.Е. Грум-Гржимайло оценивал деятельность А.А. Ауэрбаха по управлению самым модернизированным на Урале Богословским округом как экономически неэффективную. По его мнению, А.А. Ауэрбах, «несмотря на свои выдающиеся способности инженера», показал полную неподготовленность в вопросах экономики. «Строить завод – и не справиться с тарифами. Строить железную дорогу – и не подсчитать расходы эксплуатации и количества грузов – все это дилетантство, недопустимое в крупном деятеле, каковым считал себя Ауэрбах ... Завод обошелся в колоссальную сумму, кажется около 12 миллионов рублей»⁴¹².

Заработная плата инженеров казенных заводов складывалась из жалованья, столовых, квартирных (или казенной квартиры), разъездных, добавочных. Общая сумма зависела от занимаемой должности, величины, профиля предприятия. Должность смотрителя на казенных заводах оплачивалась минимальной суммой от 377 до 554 руб. в год. Оплата труда смотрителя, управителя, горного начальника и главного начальника уральских заводов в 1870 г. соотносилась как 1:1,8:4,1:6,9. За тридцать пореформенных лет оплата инженерного труда увеличилась в 2,5 – 3 раза и уменьшился разрыв в оплате низшей и высшей инженерной должности. В 1900 г. соотношение оплаты этих же должностей выглядело как 1:2:3,3:4. Разрыв между оплатой низших и высших инженерных должностей на частных заводах был более значительным, опла-

⁴⁰⁵ Грум-Гржимайло Владимир. Указ. соч. С. 75–76.

⁴⁰⁶ РГИА. Ф. 945. Оп. 1. Д. 26. Л. 228 об.

⁴⁰⁷ РГИА. Ф. 945. Оп. 1. Д. 26. Л. 101.

⁴⁰⁸ Туннер П. Указ. соч. С. 125.

⁴⁰⁹ Павлов М.А. Указ. соч. С. 99.

⁴¹⁰ Грум-Гржимайло Владимир. Указ. соч. С. 128.

⁴¹¹ Павлов М.А. Указ. соч. С. 113.

⁴¹² Грум-Гржимайло Владимир. Указ. соч. С. 122–123.

та носила индивидуальный характер. Но даже на частных заводах «работа не оплачивалась, оплачивалась только кокарда инженера». Работая механиком в Нижней Салде, В.Е. Грум-Гржимайло получал 1800 руб. в год. Управляющий Нижне-Тагильскими заводами В.А. Грамматчиков получал 12 тыс., отдельно оплачивались путевые расходы; на прием гостей получал до 3 тыс. в год. Сведения о годовой оплате управляющих частными заводами в начале 1890-х, собранные горным департаментом, показывали большой разницей. Так, управляющий Симскими заводами Умов получал 6 тыс. руб. и 5% с чистого дохода, что составляло еще 3,5–4 тыс. Управляющий Холуницким округом, П.А. Зигель, получал 9 тыс. руб. и процентное вознаграждение с прибыли – 5–6 тыс. Управляющий Омутнинским округом Кузнецов получал 5 тыс. руб. Самую большую оплату своего труда имел управляющий Богословским округом А.А. Ауэрбах – 24 тыс. Но заменивший его на этом посту П.Н. Фигнер имел 7,5 тыс. с премией от 1,5 до 3 тыс. Всем управляющим предоставлялась квартира с отоплением, освещением, оплачиваемой за счет заводов прислуге, отдельно оплачивались прием гостей и путевые расходы, в личном распоряжении имели несколько лошадей⁴¹³.

Инженеры казенных заводов и чиновники горного ведомства неоднократно ставили вопрос о переводе заводов на коммерческое управление и участии заводской администрации в прибылях предприятий. Низкий уровень оплаты приводил к поискам других доходов: к махинациям в сметах доходов и расходов, в создании неучтенных запасов материалов и продукции и т.д.⁴¹⁴.

Некоторые инженеры использовали свои профессиональные знания не только в качестве наемных специалистов, но и в качестве предпринимателей. В списке лидеров делового мира в 1914 г., составленного А.Н. Бохановым, есть 8 фамилий горных инженеров, работавших на Урале⁴¹⁵. Это А.А. Ауэрбах, Е.Н. Барбот-де-Марни, С.И. Литтауэр, А.П. Мещерский, Р.Ф. Цейдлер, С.А. Эрдели, А.Д. Шварц, А.Ф. Шуппе.

А.А. Ауэрбах, управляющий Богословским горным округом в 1881–1896 гг., был учредителем, акционером и директором-распорядителем общества «Ртутное и угольное дело А.А. Ауэрбаха и К^о». Был также членом правления Инзерского горнозаводского общества, членом оценочной комиссии Донского земельного банка.

Е.Н. Барбот-де-Марни, работавший в конце XIX в. на Лысьвенских заводах графа П.П. Шувалова, в 1914 г. был председателем Южно-Сибирского золотопромышленного общества, директором-распорядителем Олекминского и кандидат в члены Ленского золотопромышленных обществ.

С.И. Литтауэр, инженер Богословских заводов, стал директором-распорядителем Невьянского горнопромышленного общества, членом правлений Симского общества горных заводов, Общества «Сибирская медь», Общества рудного дела в Монголии, фабрики сельскохозяйственных машин и орудий, членом администрации Федоровского золотопромышленного общества, техническим консультантом С-Петербургского Частного коммерческого банка.

А.П. Мещерский, работавший в 1890-е гг. в Богословском округе, в 1914 г. был членом совета С.-Петербургского Международного коммерческого банка, председателем правления Русского сельскохозяйственного товарищества «Работник» (торговля машинами и орудиями), директором-распорядителем Общества Коломенского машиностроительного завода, Общества железоделательных, сталелитейных и механических заводов «Сормово», Общества «Шестерня-Цитроэн», членом правлений Общества Выксунских горных заводов, Общества «Океан», Русского судостроительного общества, Центрального общества для производства цемента.

Р.Ф. Цейдлер, инженер Богословских заводов, был директором-распорядителем Общества Богословской железной дороги, председателем правления Русско-Персидского горнопромышленного общества, членом правлений Богословского горнопромышленного общества, Общества меднопрокатного и трубного завода, Общества Невского судостроительного и механического завода.

С.А. Эрдели, инженер Лысьвенских заводов, в 1914 г. был членом правлений Богословского горнозаводского общества, Товарищества Берестовской каменноугольной промышленности, Таганрогского металлургического общества.

⁴¹³ РГИА. Ф. 37. Оп. 74. Д. 352. ЛЛ. Зоб. – 4.

⁴¹⁴ Корельский А. Горнозаводская служба и общественная жизнь на Урале в крепостное время // Русская старина. 1905. № 11. С. 319–323.

⁴¹⁵ Боханов А.Н. Лидеры делового мира // Деловая элита России 1914 г. М.: РАН, 1994. С. 68–265.

А.Д. Шварц, инженер Сосьвинского золото-платинового общества, был членом правлений Общества Мариинских золотых приисков, Российского золотопромышленного общества, Олекминского золотопромышленного общества, Общества рудного дела в Монголии.

А.Ф. Шуппе, более 10 лет проработавший на Златоустовских заводах, был одним из учредителей и пайщиков Оренбургско-Уфимского товарищества чугуноплавильных заводов, Товарищества «Магнезит» и Уральского электрометаллургического товарищества. Товарищество «Магнезит» построило в горнозаводском поселке Златоустовского округа – Сатке – завод огнеупорных материалов из магнезита. А.Ф. Шуппе выполнял функции председателя правления, совмещая организационные, технические и маркетинговые функции. Товарищество Уральского электрометаллургического товарищества пустило в эксплуатацию завод по выпуску ферросплавов «Пороги», построив для его действия гидроэлектростанцию. В своей автобиографии А.Ф. Шуппе называл инициатором строительства новых заводов и гидроэлектростанции именно себя⁴¹⁶.

Среди тех, кто не числился в лидерах делового мира к 1914 г., но успешно занимался предпринимательством, можно назвать А.А. Износкова, бывшего механика Златоустовских заводов, который по контракту с горным департаментом с конца 1870 г. стал заниматься комиссионерской деятельностью – подыскивал заказы сначала для Уральских, а впоследствии всех казенных заводов России. Был учредителем и председателем правления Русского Товарищества торговли металлами «Износков, Зуккау и К^о».

С.Г. Войслав, работавший в 1870-х гг. на Пермских пушечных заводах и Луньевских копиях Уральского горнозаводского товарищества, впоследствии профессор Горного института, в 1888 создал в Петербурге частное предприятие – «Бюро исследования почвы», осуществлявшее бурение скважин для разведок, геологических и гидротехнических изысканий, инженерно-геологических работ при строительстве различных сооружений и железных дорог. Разбогатец, покинул институт и стал предпринимателем.

В.Е. Грум-Гржимайло после отъезда с Урала открыл в Петрограде частное предприятие «Металлургическое бюро проектирования пламенных печей» (1915).

Н.В. Коншин, работавший в 1890-е гг. в Невьянском горнозаводском округе наследников П.С. Яковлева, в 1898 г. на условиях концессии от Уфимской городской управы получил право на строительство всех линий электропередач, являясь представителем С-Петербургской компании «Дюфлон и Константинович» и парижской «Сатте Харле и К^о».

Окружной инженер Южно-Екатеринбургского горного округа И.Н. Крыжановский был одним из крупнейших коллекционеров минералов. Его сын Л.И. Крыжановский стал владельцем екатеринбургской фирмы, которая поставляла минералы музеям страны. Скорее всего, это был семейный бизнес. Сегодня эти коллекции хранятся в Минералогическом музее им. А.Е. Ферсмана РАН, в геологическом музее им. Вернадского.

П.Н. Фигнер, придя на должность управляющего Богословского округа в 1906 г., вошел в состав правления этого горнозаводского общества, состоял также членом правления акционерного общества «Магнезит», был арендатором части Егоршинских каменноугольных копей. В 1913 г. стал председателем правления Центрального акционерного общества, владельцем вновь построенного цементного завода недалеко от Коломны. Своей знаменитой сестре он сообщал о своих «бизнес-планах», о чем в переписке Веры Фигнер есть кое-какая снисходительная информация: «брат Петр, горный инженер, думал разбогатеть, организовав что-то вроде семейного товарищества на паях для добывания рассыпного золота в какой-то реке на Урале. Куплена была драга, получались радостные телеграммы о количестве промывного золота; потом наступило молчание, и все дело было предано забвению»⁴¹⁷. В другом письме она пишет о просьбе брата «дать ему 5 тысяч рублей для горнозаводского предприятия, которое должно дать большие барыши»⁴¹⁸.

В 1898 г. начало действовать Пермское инженерно-техническое товарищество – форма предпринимательства, наиболее доступная инженерам, не имевшим капиталов. Инженеры, служащие на частных горных заводах Пермского округа (К.М. Добровольский, Н.А. Пивинский, В.Н. Грамматчиков, Н.Н. Грамматчиков, А.Л. Доткевич, Я.А. Полянский и др.), создали фирму

⁴¹⁶ ГАПО. Ф. р-790. Оп. 1. Д. 1293. Л. 5.

⁴¹⁷ Фигнер В. Полн. собр. соч. в 7 т. М., 1932. Т. 5.

⁴¹⁸ Фигнер В. Указ. соч. Т. 6. С. 125.

для того, чтобы «1) доставлять промышленникам, не имевших своих специалистов-инженеров, возможность пользоваться трудом высокообразованных специалистов по всем отраслям; 2) доставлять материальное оборудование для промышленных предприятий; 3) заниматься по заказу промышленников технически правильной организацией и эксплуатацией рудничных предприятий; 4) составлять проекты, сметы и приводить их в исполнение в области горнозаводского, строительного дела, механики и химической технологии; 5) организовать сбыт как сырых продуктов, так и готовых изделий в России и за границей»⁴¹⁹.

В предпринимательскую деятельность включались, прежде всего, инженеры, работавшие в частной промышленности. Относительно распространенной формой предпринимательства была покупка акций и в отдельных случаях участие в директорате акционерных компаний. Технические знания инженеров были формой интеллектуальной собственности, которая позволяла использовать рыночные отношения для перехода из профессионалов – наемных служащих в экономическую элиту.

Инженеры частной промышленности были более активны и в создании общественных ассоциаций, которые способствовали саморегуляции профессиональной деятельности. В 1889 г. начали действовать Вятские технические съезды, а в 1894 г. – съезды инженеров в Пермском округе горных заводов. Организация съездов имела цель – «единение инженеров на пользу горного дела и науки», из обсуждения исключались «вопросы экономического, административного характера и т.п., ... чтобы разбор подобных вопросов не дал ... съезду ... какой-нибудь иной, невыгодной ... окраски»⁴²⁰. А. Зигель так описывал съезды инженеров Омутнинского и Холуницкого округов в частном письме: «Условились два раза в год собираться для взаимных собеседований. /.../ Собеседования наши с каждым разом делаются более и более оживленными /.../, мы решили даже печатать журналы наших заседаний для раздачи членам съезда. /.../ Посылаю тебе ноябрьские протоколы /.../ «Программы подробного изучения вопроса о горячем дутье на заводах Вятского горного округа»⁴²¹. В Пермском округе инициатором съездов был А. Левитский, который сообщал: «Я послал частные приглашения – пожаловать ко мне в Лысьву – 40 инженерам, но из них явились 15 /.../ Первый день прошел в кратких технических беседах /.../ Второй день (утро) было посвящено коллегиальному осмотру Лысьвенского завода и /.../ распределению по членам съезда тех докладов, кои будут обсуждаться на следующем съезде»⁴²². Съезды управляющих и техников с 1883 г. начали действовать на горных заводах Строгановых⁴²³. В 1887 г. был утвержден устав общероссийского общества горных инженеров «для сближения горных инженеров, для содействия успеху развития теоретических и практических горнозаводских знаний и для доставления инженерам и их семействам средств к приятному препровождению времени в своей среде». В объяснительной записке к проекту устава утверждалось, что «мысль эта была встречена сочувственно и приезжающими на время горными инженерами, которыми было заявлено мнение о пользе подобных собраний и в местных горнозаводских центрах»⁴²⁴.

Значительную роль в создании негативного публичного образа горных инженеров сыграл Д.Н. Мамин-Сибиряк. В журнальной публикации романа «Горное гнездо» в авторском примечании было сказано: «Под именем «горного гнезда» на Урале громкой известностью пользовался во времена оны институт казенных горных инженеров; но я придаю этому термину более широкое значение, именно, подвожу под него ту всесильную кучку, которая верховодила и верховодит всеми делами на Урале»⁴²⁵. Образ горных инженеров как сильных мира сего создавался писателем прежде всего применительно к 1830–1840-м гг.: «Времена Глинка и теперь заставляют замкнутый мирок горных инженеров тяжело вздыхать: золотое было время...», когда на них пролилось «благословение божие», скрытое в земных недрах»⁴²⁶. Но критичное отношение распространилось на горных инженеров и пореформенного времени. Между тем, социальный статус профессии был существенно понижен в ходе реформ 1860–70-х гг. Среди горных инженеров, как

⁴¹⁹ ГАСО. Ф. 74. Оп.1. Д. 144–147. Л. 153.

⁴²⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 18. Д. 3448. ЛЛ. 4–10.

⁴²¹ ЦГИА. Ф. 945. Оп. 1. Д. 29. Л. 8

⁴²² РГИА. Ф. 945. Оп. 1. Д. 26. Л. 186–186 об.

⁴²³ ГАПО. Ф. 186. Оп. 4. Д. 42

⁴²⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 48. Д. 930

⁴²⁵ Отечественные записки. 1884. № 1.

⁴²⁶ Мамин-Сибиряк Д.Н. Город Екатеринбург. Исторический очерк // Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 12 т. Свердловск, 1951. Т. 12.

и в любой другой профессии, были низшая, средняя и высшая страты, существенно отличавшиеся по содержанию труда, образу жизни и материальному положению.

Во многих работах, анализировавших причины отставания уральской горнозаводской промышленности на рубеже XIX – XX вв. подвергались критике привилегии, стиль управления, хозяйственная культура горных инженеров «Кастовая организация не позволяет им освещать ошибки друга друга», – считал И.Х. Озеров⁴²⁷. Причину технического консерватизма горных инженеров С. Фармаковский видел в бюрократическом стиле работы: «Управляющий с утра до ночи подписывает донесения, отношения, рапорты, сведения, отчеты ...Такой господин первый из первых консерваторов техники»⁴²⁸. «Нигде ... инженер не стоит так далеко от заводского дела, как на Урале, где он прежде чиновник», «генерал от горного дела ... с трудом различая домну и мартеновскую печь, оставался в технике невинным младенцем» – такого рода обвинения звучали часто⁴²⁹. Право на государственную службу, чины, ордена, генеральская пенсия приводят к тому, что от горного инженера «не требуется никаких особенных заслуг, от него требуется только состоять на службе», – писал Л.Е. Воеводин⁴³⁰.

Горные инженеры оказались в общественном сознании заложниками стереотипов. «Вульгарные представления о карьере инженера как полупраздной и исполненной всяких приятностей жизни», – говорил В.А. Ауэрбах в докладе, прочитанном в Обществе горных инженеров, приводят к тому «что начинающий инженер сразу сталкивается с тяжелыми условиями службы, о которых он даже не подозревал»⁴³¹.

Подводя итоги, следует отметить, что горные инженеры были не просто профессиональной, а государственно-профессиональной корпорацией, положение на рынке труда которых поддерживалось искусственными способами. Горное ведомство продолжало лоббировать интересы выпускников Петербургского горного института, ограничивая доступ к управленческим должностям в казенной промышленности и горной администрации выпускникам других вузов. Понятие «горный инженер» оставалось все еще званием, затрудняя формирование профессии. Ее организационные основы, способы функционирования сложились в 1 пол. XIX в. и не соответствовали потребностям ускоренной индустриализации.

Новым путем социальной адаптации инженеров во второй половине XIX – начала XX вв. был путь освоения рынка частных работодателей и даже собственного предпринимательства. Приспособление к рыночным условиям способствовало более независимому существованию от казны, которая «плотно вплелась в строй уральской промышленной жизни, внося туда и все недуги своего внутреннего содержания»⁴³².

Чиновничье-техническая элита вызывала негативное отношение в обществе как один из элементов системы власти в условиях конфликтных производственных отношений. На горных инженеров возлагалась ответственность за социально-экономические отношения, которые ставили пределы и их профессиональным возможностям. Отношение общества к горным инженерам во многом было несправедливым, связанным с непониманием важности и специфики организационного и управленческого труда. В реальной жизни научная база профессии, содержание труда горного инженера формировались усилиями выпускников разных технических учебных заведений, работавших на горнозаводских предприятиях. К началу XX века в рамках профессии складывались специальности инженера-металлурга, инженера-горняка и инженера-геолога.

3.3. СВЯЗИСТЫ

Информационные коммуникации (отрасль связь как часть инфраструктуры, в которую традиционно включают все виды и средства передачи данных) играют важную роль в жизни современного общества. Общественные функции связи настолько всеобъемлющи, что ее развитие определяет само существование социума. Попытаемся раскрыть некоторые проблемы становле-

⁴²⁷ Озеров И.Х. Горные заводы Урала... С. 18.

⁴²⁸ Фармаковский С. Бюрократизм промышленности //Уральское горное обозрение. 1905. № 2. С. 1.

⁴²⁹ Романов Л. Ограничение самодержавия хозяев //Труд инженера и техника. 1906. № 2. С. 56; Он же. Генеральские мечты и уральская действительность // Там же. № 20. С. 748.

⁴³⁰ Воеводин Л.Е. Урал и его горнозаводская промышленность в пределах Пермской губернии. Пермь. 1910. С. 113.

⁴³¹ Уральское горное обозрение. 1906. № 5. С. 7–8.

⁴³² Труд инженера и техника. 1906. № 2. С. 56.

ния связистов из отдельных рабочих коллективов в полноценное профессиональное сообщество в период индустриальной модернизации. Поскольку проблема становления профессиональных сообществ и групп, критериев их выделения из других профессий в отечественной социологии остается дискуссионным, то мы вынуждены обратиться к некоторым теоретическим аспектам и ограничить статью рамками регионального исследования – формирование профессионального сообщества и профессии связистов на Урале.

Началом формирования любой профессии (профессионального сообщества) является выделение данного вида труда в ремесло, затем в общественное производство, на завершающем этапе – в самостоятельную отрасль экономики, которая сполна выполняет свои общественные функции. Одновременно с материально-технической базой и технологическими инновациями, становлением нормативно-правовой основы, аккумуляцией финансовых средств, расширением и удешевлением сортамента продукции и др. атрибутами рождающейся отрасли формируется и ее кадры. В современной социологической, экономической и исторической литературе идет дискуссия о соотношении понятий «ремесло», «общественное производство», «вид отрасли», «отрасль». Не вдаваясь в анализ различных точек зрения, отметим, что мы придерживаемся позиции историка Н.С. Симонова, по мнению которого, важным условием превращения того или иного ремесла в общественное производство, а затем в отдельную (родовую) отрасль экономики является интенсификация потребления его (ее) основного продукта. Н.С. Симонов особо подчеркивает, что эта интенсивность потребления должна сопровождаться удешевлением и модификацией, а также раскрытием функциональных и потребительских свойств этого продукта⁴³³.

При этом, он выделяет родовые признаки, характеризующие превращения того или иного общественного производства в самостоятельную отрасль экономики. Главные из них: увеличение производственных единиц, специализирующихся на массовом выпуске данного вида продукции, количественный рост валовой продукции, емкость внутреннего рынка, предъявляющего спрос на эти изделия, наличие собственной научно-исследовательской базы и кадров, увеличение количества модификаций основного продукта данного производства, формирование торгово-финансовой и сервисной инфраструктуры, обслуживающей данную отрасль экономики⁴³⁴. Для нашего исследования имеет особую значимость тезис о наличии массовых профессиональных кадров, как неперемного атрибута отрасли.

В России формирование отрасли связи началось с устройства почтовых сообщений, сначала эпизодических (передача писем и ценных бумаг с гонцами или «оказией»), позже – с организацией ямской гоньбы, почтовых станций и трактов. В XV–XVI вв. почтовые сообщения можно рассматривать как ремесло. В конце XVII в., с появлением почтового приказа, почта выделилась в общественное производство. На рубеже XVIII–XIX вв. почтовые службы Российской империи были дополнены фельдъегерской связью. Информационный обмен Российской империи в это время исчислялся миллионами отправок. В начале XIX столетия почта уже представляла самостоятельную отрасль отечественной экономики. Одновременно с ростом почтовых служб, росло и число почтовых работников, формировались кадры специалистов. К началу XIX в. в России насчитывалось несколько тысяч почтовиков, которые уже представляли определенную профессиональную группу.

В 1880 г. рост экономики, торговли, общее оживление промышленности после кризиса 1860–1880 гг. способствовали формированию новых потребностей и предъявили повышенные требования к информационному обеспечению. В 1840–1850-е гг. появились телеграфы, в 1880–1890-е гг. – телефоны, в начале XX в. – радио. Переход к ранней индустриализации в последней четверти XIX в., привнес качественно иной спрос на информацию, заметно повысил ее социальную и государственную значимость, дал модификацию продукта (в нашем случае почтовый обмен был дополнен телеграфным и телефонным и радио обменами). Наконец, именно индустриальная модернизация привела к серьезным количественным и качественным изменениям массовых кадров в службах связи. До последней трети XIX в. почта и телеграфы развивались самостоятельно. Почта как отрасль, телеграфия – как общественное производство. В середине – третьей четверти XIX в. в телеграфных службах кадры и нормативно-правовая база электросвязи только форми-

⁴³³ Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 20–50-е гг.: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М., 1996. С. 23.

⁴³⁴ Там же. С. 24–25.

ровались, скоростная связь обслуживала исключительно государственные нужды. В то время к электросвязи вполне применима и такая характеристика, как характеристика «отдельный вид труда» или «подвид отрасли». В ходе реформы 1884–1886 гг. почта и телеграфы были соединены в единую систему. Все функции передачи информации, строительства новых линий, почтовых трактов, открытия почтово-телеграфных учреждений, подготовки кадров, финансирования и др. взяло вновь образованное Главное управление почт и телеграфов (ГУПиТ). Оно вошло в состав МВД Российской империи. К концу XIX в. была отработана нормативно-правовая база развития информационных коммуникаций, системы единого государственного финансирования и трудовых отношений. На предприятиях связи, работали высокопрофессиональные кадры инженеров, техников и работников массовых профессий во втором поколении. Они обладали своей профессиональной культурой и высокими этическими представлениями об общественной значимости своего труда. Бурное развитие электросвязи, дополнение почтовых сообщений средствами скоростной оперативной передачи данных, являлось показателем того, что во второй половине XIX в. проходили процессы слияние отдельных служб и видов связи в целостную систему информационных коммуникаций. Электросвязь и почта в это время слились в самостоятельную (родовую) отрасль отечественной инфраструктуры, а формирование разрозненных групп связистов в единое профессиональное сообщество – завершилось. Формирование материально-технической и производственной базы отрасли связи – слаботочного и радиотехнического производств – проходило более медленными темпами. В самостоятельную отрасль отечественного машиностроения эти общественные производства выделились только во второй половине – конце 1920-х гг.

Пространные дискуссии ведут сегодня и по проблемам профессиональных групп и сообществ. Определенные разногласия вызывают трактовки понятий «профессия», «профессиональная группа», «профессиональное сообщество», «профессиональная культура». Нет единого мнения и по параметрам выделения профессиональных групп из общей массы работников в тех или иных видах деятельности, критериев завершенности этих процессов. Так, многие социологи считают, что формирование массовых профессий в инфраструктуре проходит более медленными темпами, чем в промышленном, индустриальном секторе, а выделение творческих и гуманитарных профессий – быстрее, чем в других видах общественного разделения труда. При этом, говоря о профессиях, многие западные исследователи анализируют профессиональные группы на примере врачей, юристов, священников, деятелей искусства. Современные российские авторы – на примерах рабочего класса, русского чиновного мира. Сфера инфраструктуры, особенности формирования ее профессий и профессиональных групп, на наш взгляд, остается на втором месте.

Изучая высокостатусные группы, социологи ввели в научный оборот много новых понятий. По-видимому, правы исследователи М. Баррадж и Р. Торстендаль, которые отметили, что: «В редких сферах социальной науки проблема определения изучаемого понятия так увлекла исследователей, запутала их и сбила с толку, как это произошло в изучении профессий»⁴³⁵. С методологической точки зрения представляет интерес концепция М. Вебера, которая обладает наибольшими аналитическими преимуществами для макросоциологического изучения профессиональных групп. В соответствии с подходом М. Вебера, в основе определения «профессии» лежит понимание профессиональных групп как статусных, то есть коллективов, имеющих схожий стиль жизни, общую моральную систему, общую культуру, религиозные отличия. Эти общие черты культуры порождают изолированные, внутренне солидарные общины, организуемые для защиты или расширения своих возможностей пользоваться культурными и социальными привилегиями. Более того, по М. Веберу, профессии – это группы, занимающие монополистическую позицию на рынке тех или иных услуг⁴³⁶. В основе этих определений лежит концепция исключяющего социального закрытия, юридически закрепленного государством. Она тесно взаимосвязана с близким ей понятием «профессионализма», под которым подразумевается контроль над организацией работы и контроль над потребностями клиентов⁴³⁷. При этом, особый акцент де-

⁴³⁵ Burrage M. et al. Actor-based Framework for the Study of the Professions // Burrage M., Torstendahl R. (eds) Professions in Theory and History. L.: Sage, 1990. P. 203

⁴³⁶ Max W. Science as a Vocation // Weber M. Essays in Sociology, New York: Oxford University Press, 1946. P. 21.

⁴³⁷ В.А.Мансуров, О.В.Юрченко. Профессиональные группы и социология профессий // http://www.ssa-rss.ru/abstract_bank/1252921018.pdf от 12.01.2017.

лается на столкновении общественного интереса и интереса профессиональных групп. К выше-сказанному добавим и наше видение критерия завершенности профессии. Когда речь идет о так называемых «свободных профессиях», (юристы, врачи, деятели культуры, и др.), то критерии их окончательного формирования могут быть действительно довольно размытыми. Когда речь идет массовых профессиях индустриального общества, то главным критерием их окончательно формирования выступает выделение их деятельности, из ремесла и рода занятий в самостоятельную отрасль экономики.

Как проходили процессы соединения различных групп работников связи: почтовых служащих, телеграфистов, линейных рабочих, техников, телефонистов и др. в единое профессиональное сообщество?

Прежде всего, отметим их быстрый количественный рост. В середине XIX в. в России насчитывалось не более десяти тысяч почтовых работников и только 872 телеграфиста. В начале 1880-х гг. число почтовиков составляло уже 14,8 тыс. а телеграфистов – 9,3 тыс. К началу мировой войны численность почтово-телеграфных служащих составляла уже 86,4 тыс., которые удовлетворяли информационные запросы 140 млн населения Российской империи⁴³⁸. К этому времени связисты представляли особую, относительно единую массу государственных служащих, решали сложные технические задачи, обладали высокой профессиональной культурой, смогли выработать свои моральные и этические нормы. Они являлись частью чиновничьего мира страны, имели производственную субординацию и свое понимание высокой общественной значимости связи в жизни российского общества. Иными словами, на рубеже XIX–XX столетий все процессы формирования профессионального сообщества связистов, выделения их из других аналогичных сообществ и профессий – завершились.

В основе классического неовеберовского определения профессий лежит следующее определение профессии. «Мы определяем профессию как особую историческую форму, которая устанавливает структурные связи между относительно высоким уровнем формального образования и относительно желаемыми социальными позициями и/или вознаграждениями в рамках социальной организации труда»⁴³⁹. Так, профессиональными группами считаются те группы, которые способны перевести редкие ресурсы одного рода (в нашем случае – передача информации) в ресурсы другого рода (рыночные возможности, профессиональные привилегии, социальный престиж или ранг в бюрократической системе).

Все компоненты, которые М. Вебер выделяет как основополагающие, для профессиональных групп, в конце XIX в. у работников служб передачи информации уже были. Они имели четко обозначенное место в социальной иерархии, так как их «возможности дохода» основанные на их знаниях и квалификации, являлись столь же значимым ресурсом, как наличие собственности и рабочей силы у других сообществ. Они были объединены общим профессиональным интересом и служебным положением. Как и прочие статусные группы, в начале XX в., они противопоставили себя другим статусным группам, преследовали свои экономические цели. При этом можно с уверенностью сказать, у работников связи уже в это время сформировались и другие мотивы для организации коллективных действий. В мирное время это проявилось в стремлении построить позитивный публичный имидж своей профессии. В эпоху первых социальных трансформаций отечественные связисты противопоставили себя не только другим профессиям, но даже государству. Именно они смогли создать в годы первой русской революции один из наиболее действенных профсоюзов. В ходе революции их экономические интересы быстро дополнились политическими, и профсоюз Почты работников (Профессиональный союз почтово-телеграфных служащих) уже в 1905 г. приобрел статус политической организации, прообраза партии. В результате связисты смогли организовать Всероссийскую стачку, которая парализовала действия правительства. В это время акции гражданского неповиновения такого размаха смогли организовать только железнодорожники.

Формирование профессиональных сообществ – процесс долгий, противоречивый, зависящий от конкретных стадий развития общества. По крайней мере, вербальный анализ понятий, кото-

⁴³⁸ Почтово-телеграфная статистика за 1915 г. с кратким обзором деятельности почтово-телеграфного ведомства за этот год. СПб., 1918. С. 8.

⁴³⁹ О. В. Лукша. Социология профессиональных групп: определение профессий // <http://rudocs.exdat.com/docs/index-132838.html>. от 12.01.2017.

рыми пользовались в России для обозначения работников, занятых передачей данных, показывает, что еще в середине XIX в. они не составляли какого-то единого профессионального мира. Общество того времени определяли их по различным видам деятельности: «почтовый служащий», «почтовик», «телеграфист», «телефонист», «линейный рабочий», «почтальон» и др. В конце этого столетия существовало уже более обобщенное понятие – «почтово-телеграфные служащие». В 1920-е гг. этот термин был заменен на «совпотельрабы» (советские почтово – телеграфные работники), и только в начале 1930 гг. в массовое сознание, быт и в советское делопроизводство вошел термин «связисты». На наш взгляд, соединение работников разнородных служб связи в единое понятие «почтово-телеграфные служащие» уже являлось показателем завершения формирования нового для России профессионального сообщества.

Рассмотрим процессы формализации профессиональных групп связистов, условия их консолидации и выделения в особое профессиональное сообщество на примере Урала. Территория и регион исследования выбраны не случайно. На Урале – географической границе Европы и Азии, перекрестке информационных коммуникаций европейской части страны с ее восточными, северными и южными регионами, наглядно проявились общие закономерности развития отрасли связь и становления профессионального сообщества связистов. Здесь же выявились и интересные региональные особенности, характерные для многих промышленных центров страны.

Организация почтовых трактов и станций, устройство линий электросвязи в протяженных и малонаселенных уральских губерниях являлось весьма сложной задачей. Известные трудности для строительства коммуникаций представляли рельеф и климат. Урал был изрезан большим количеством рек. Основу его водной системы составляли рр. Кама, Белая, Вятка, Вишера, Тура, Тобол, Обь, Иртыш. По центральной части региона проходит мощный горный хребет. Огромные пространства были покрыты тайгой и болотами. На юге простирались маловодные степи Оренбуржья, на севере – полярная тундра. Многие уезды Пермской губернии, по мнению ее губернатора, И.Ф. Кошко – представляли такую глушь, что население общалось с окружающим миром в летнее время только на лодках или верхом на лошадях по тропам. Многие уезды Вятской губернии также напоминали собой первобытную глушь⁴⁴⁰.

Эти трудности определили и особенности местных информационных трансляций: наиболее густая сеть почтово-телеграфных учреждений охватила на Урале только промышленные центры и густонаселенные уезды Пермской, Вятской и Уфимской губерний. Значительно хуже информационная инфраструктура оставалась в Оренбуржье.

Первые линии электросвязи (телеграфы) начали возводиться на Урале с 1861 г., в последней четверти XIX столетия телеграфы были дополнены телефонными сообщениями, а в начале XX в. в регионе стали строиться первые радиостанции. Как в и стране, все виды и службы связи края сформировались в самостоятельную отрасль региональной экономики в последней четверти XIX в.

В 1880-е гг. Урал, как и вся страна, вступил в период ранней индустриализации. Рост экономики и торговли края, общее оживление промышленности после кризисных 1860–1870-х гг., процессы урбанизации и переселенческая политика, формирование новых потребностей населения предъявили повышенные требования к информационному обеспечению. Во второй половине XIX в. в крае быстро растет сеть почтово-телеграфных учреждений. До реформы середины 1880-х гг. на Урале насчитывалось 74 телеграфа. В ходе проведения реформы их объединили с почтовыми учреждениями. В 1887 г. Пермском почтово-телеграфном округе действовала сеть 208 почтово-телеграфных учреждений со штатом 870 чел. В 1914 г. количество учреждений связи выросло до 376 со штатом 2,4 тыс. чел. К этому числу связистов можно добавить примерно 500 служащих региональных телефонных сетей и два десятка радистов. Эти люди и обеспечили весь информационный обмен края⁴⁴¹. Одновременно с количественным ростом сети и обслуживающего персонала проходили процессы модификации и удешевления

⁴⁴⁰ См. подробнее: Богатырева О.Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 – февраль 1917 г.). Екатеринбург, 2004. С. 127; ГАПО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 59. Л. 30 об.

⁴⁴¹ Расчет по мат.: Адрес календарь и памятная книжка Пермской губернии за 1914 г. Пермь, 1915. С. 89; Обзор Вятской губернии за 1914 г. Вятка. 1915. С. 105; Обзор Оренбургской губернии за 1914 г. Оренбург, 1915. С. 27; Обзор Уфимской губернии за 1914 г. Уфа. 1915. С. 21.

продукции информационных коммуникаций (быстрый рост информационного обмена, расширения видов и форм передаваемой информации)

К началу мировой войны Урал располагал густой сетью почтовых трактов и железнодорожных маршрутов, магистральных и местных телеграфных и телеграфно-телефонных линий. Динамика только телеграфного обмена на Урале с 1887 по 1914 гг. выросла в 6,8 раз. Такие приросты вполне сопоставимы с общероссийскими показателями. Как отмечали авторы официального статистического сборника, – все уральские города и заводские поселки имели торговые и промышленные предприятия, церкви, больницы, школы и почтово-телеграфные конторы и отделения. К этому времени заметно выросла и пропускная способность уральских местных сетей. Среди всех уральских городов первенство по телеграфному обмену держали гг. Пермь, Оренбург, Екатеринбург, быстро рос телеграфный обмен в гг. Уфе и Челябинске⁴⁴². В начале XX в. Урал выполнял роль крупного транзитного центра передачи общероссийской информации между севером, западом, югом и востоком огромной империи.

Наряду с железнодорожной и речной сетью, информационные коммуникации способствовали развитию внутрирегиональных экономических и культурных связей, превращению Урала в единый экономгеографический регион, содействовали социокультурным процессам модернизации. В начале XX в. технические параметры, кадры, протяженность линий и насыщенность учреждениями связи на Урале в основном удовлетворяли интересы управления, производства и деловых кругов. Этой информационной сетью пользовалось 2 поколения уральцев, она выдержала испытания всех войн и революций начала прошлого столетия, поскольку кардинальная реконструкция информационных коммуникаций на Урале началась только в тридцатых годах.

При этом, несмотря на большие успехи в развитии местных сетей, налицо осталась тенденция неравномерного распределения линий и учреждений связи по уральским губерниям. Как и в 60–70-е гг. XIX в., так и перед мировой войной, сеть учреждений связи в Тобольской и Оренбургской губерниях в 2–3 раза уступила по густоте и насыщенности сети почтово-телеграфных учреждений и станций, количеству связистов в Вятской Пермской, Уфимской губерниях. Почтовый обмен в крае в начале прошлого столетия оставался на порядок выше, чем телеграфный. Население свои информационные потребности удовлетворяло за счет почты и устных (вербальных) передач.

Как и в стране, во второй половине XIX в. на Урале быстро формировалась профессиональное сообщество связистов. В середине XIX в, когда телеграфы только начали распространяться по просторам Российской империи, связисты не представляли не только единого профессионального сообщества, но и единых профессиональных групп. Так, в среде телеграфистов выявились серьезные различия между военными и гражданскими служащими. На почтовых станциях края служили около двух сотен почтовых служащих, которые относились к почтовому департаменту Министерства государственных имуществ. На первых телеграфах Урала работали несколько десятков военных, которые оказались не у дел после окончания Крымской войны. Рождающаяся электросвязь относилась к телеграфному департаменту, его руководство открыло двери для офицеров и унтер-офицеров, которым не нашлось места в строю в ходе общего сокращения армии во второй половине 1850 – начале 1860-х гг. Военнослужащие проходили небольшую практику, изучали основы электродела, азбуку морзе, а затем отправлялись к местам новой службы. В это время на станциях электромагнитного телеграфа осталась даже номенклатура должностей, которая формировалась с 1830-х гг. на оптических телеграфах Российской империи. Так, должности морзистов занимали, как правило, обер-офицеры и унтер-офицеры. Они именовались сигнаристами, по аналогии со служащими оптических телеграфных линий. Штаб-офицеры становились начальниками станций, бывшие артиллеристы занимали технические должности. Все военнослужащие, работавшие на телеграфах, носили мундиры своего рода войск, водили дружбу с офицерами местных гарнизонов. Они сохраняли все соответствующие привилегии и право ношения оружия.

Но уже в это время выяснилось, что грамотных кадров катастрофически не хватает, почтово-телеграфное ведомство стало первым в России, где в 1859 г. государственная служба была

⁴⁴² Россия: полное географическое описание нашего отечества. Т. 5. СПб., 1914. С. 158.

открыта для лиц всех сословий (с 1864 г. – и женщинам). В учреждения связи пришли выходцы из мещан, разночинцев, семей мелких чиновников, купцов, буржуазии и др. Обязательными условиями для начала работы в почтово-телеграфных конторах было наличие начального (4 классового образования), благонадежность и примерное поведение. Преимуществом при поступлении в ведомство пользовались лица, окончившие гимназии или реальные училища, а также студенты, не прошедшие полный курс обучения. Мощным мотивационным стимулом службы в электро-связи для этих категорий населения стала возможность повысить свое общественное положение. Почта и телеграфы были отнесены к Министерству внутренних дел; поступив в учреждение связи, молодой человек надеялся войти в чиновный мир России. Служащие связи получали возможность перейти в сословие «личных почетных граждан», а дослужившись до VIII классного чина, получить и личное дворянство. Кроме того, по выходу в отставку им полагалась пенсия. В нижние служители (почталыоны, разносчики телеграмм, сторожа, уборщики), а также в линейные рабочие – поступали крестьяне, бывшие солдаты, реже – рабочие. Побудительным мотивом службы для этой категории стала так же возможность «выбиться в люди» – через 10–15 лет службы в ведомстве они могли перейти в чиновники IV–V разрядов, а по выходе в отставку – получить небольшую пенсию. Таким образом, во второй половине XIX в. почтово-телеграфное ведомство широко распахнуло двери для тех, кто по ряду причин не мог сделать успешную карьеру в армии или в «престижных» гражданских министерствах (здравоохранения, образования, юстиции и др.). Насколько сильным был это побудительный мотив для различных категорий служащих почтово-телеграфного ведомства, говорит то, что даже в начале XX в. депутаты Госдумы, критикуя работу почт и телеграфов, отмечая низкие размеры зарплаток, постоянно подчеркивали, что ведомство остается единственным в России, где могут служить люди, для которых поступление в другие ведомства по ряду причин были затруднены, и люди оттуда (т.е. из почтово-телеграфных контор) не бегут⁴⁴³.

Массовый прием различных категорий населения порождал культурные, социальные, кастовые и иные противоречия между служащими учреждений связи. По квалификации и знаниям гражданские специалисты превосходили военных, но между ними оставались большие различия и недоверие. Офицеры, даже небольших чинов, с презрением относились к штатским коллегам. Но различного рода противоречия в среде телеграфистов быстро исчезали, когда работники оперативной связи сталкивались с почтовиками. Телеграфисты были образованы, знали иностранные языки, имели дело с передовой техникой, отличались от почтовиков манерами поведения, опрятной одеждой. В провинциальных городах почтовики и телеграфисты, по сути, относились к двум разным мирам. Наши почта и телеграф, – отмечалось в отчете ГУПиТ середины 1880-х гг., – два отдельных мира, находящихся во враждебных отношениях. Телеграфные чины сохраняют военную выправку, красиво одеты и опрятны. Они смотрят с презрением на почтовых служащих, грязных и менее оплачиваемых. Отношения между ними – редки. В уездной жизни телеграфисты принадлежат к местному обществу, почтовые – никогда⁴⁴⁴.

Вместе с тем, быстрое выделение информационных коммуникаций в самостоятельную отрасль объективно требовало ликвидации сословных и иных различий в среде связистов, формирования единой профессиональной группы всех, кто предоставлял услуги связи государству и населению. Уже в третьей четверти XIX в. государственная политика по привлечению и закреплению кадров в информационных коммуникациях была направлена на сглаживание противоречий в трудовых коллективах, ликвидации различий в производственном, имущественном, социальном и культурном положении работников, предоставлении им единых возможностей карьерного и квалификационного роста.

Так, одной из причин важнейшей реформы в ведомстве – объединения почт и телеграфов в 1884–1886 гг. – было стремление сплотить работников в одно профессиональное целое, уравнивать их зарплаты и содержание, настроить их на выполнение единых общественных и государственных задач. На наш взгляд, это удалось. В объединенном ГУПиТ были введены единые чиновничьи должности и разряды, работники носили один мундир, получали относи-

⁴⁴³ ГАРФ. Ф. 6871. Оп. 1. Д. 442. Л. 99.

⁴⁴⁴ Отчет начальника ГУПиТ за 1884–1887 гг. СПб (б.г.). С. 4.

тельно одинаковую зарплату и содержание, жили по правовым и моральным нормам единого ведомства. Наконец, они стали относиться друг к другу с профессиональным уважением. Отметим также, что в последней четверти этого столетия основные контингенты работников составляли уже гражданские служащие, поскольку бывшие военные, служившие на первых телеграфах, стали уже легендой. Объединение почт и телеграфов в одно ведомство выступило важным показателем формирования разрозненных групп связистов в единое профессиональное сообщество. «Мы все одна семья, а дело наше дорого для всех сослуживцев», – тонко подметил моральный и побудительный эффект этой меры директор телеграфного департамента К.К. Людерс⁴⁴⁵.

Кроме того, в ведомстве была задействована целостная система решения кадровых вопросов, унификации условий труда на предприятиях связи, повышения образовательного и профессионального уровня служащих, их карьерного роста, мер морального и материального стимулирования, административного принуждения. Как отметил П. Сорокин, общим началом, лежащим в основе детерминирования человеческого поведения в профессиональную деятельность, служит факт рикошетного влияния выполнения актов или поступков на всю физическую и нервно-мозговую структуру человека, с одной стороны, с другой – рикошетное влияние на само поведение человека⁴⁴⁶.

Среди важнейших факторов рикошетного влияния на работника, нивелирующих различные эмоциональные аспекты человека, превращения его в профессионального работника, выступают единые условия труда на индустриальном предприятии. Именно единые условия труда способствовали быстрой ликвидации культурных, сословных и иных различий среди работников связи. Попадая в операционные залы телеграфных и телефонных станций, к сортировочным столам почтовых отделений, работая в партиях линейных рабочих, представители различных социальных групп быстро становились однородной массой служащих.

Выделим ряд принципиальных особенностей труда в учреждениях связи, которые проявились уже во второй половине XIX в. С одной стороны, труд был монотонным, и по физическим усилиям не уступал труду рабочих-станочников в отечественном машиностроении. С другой – труд телеграфистов требовал технических знаний и определенного культурного уровня. Не случайно первыми условиями приема в кандидаты на должность телеграфиста были 4-классное (предпочтительно, гимназическое) образование и первичный навык работы с документами, т.е. требования, которые государство предъявляло к начинающим чиновникам. Отсюда и специфическое положение связистов в российском обществе: по официальному статусу работники почт и телеграфов считались государственными чиновниками, а по условиям труда приближались к пролетариату. Это дало особое переплетение факторов трудовой мотивации в их среде – карьерные устремления, материальное стимулирование, профессиональная этика работали иначе, чем в промышленности, армии или государственной службе. Эта особенность работала и на быстрое профессионально самосознание: мы не врачи, юристы или агрономы. Мы не пролетариат и не торговцы. Мы особые государственные служащие, связанные с передовой техникой.

Электросвязь и железные дороги стали первыми отраслями отечественной экономики, где наиболее отчетливо проявились черты нового типа труда – труда индустриального, фабричного. Телеграфисты и железнодорожники были первыми работниками в России, которые начали трудиться с минимумом выходных и праздничных дней, по суточному непрерывному графику и по единому для всех учреждений связи, времени (Петербургскому временному поясу). По подсчетам историка Б.Н. Миронова, русский крестьянин работал 200 дней в году, рабочий в начале XX в. – 257 дней. Это было значительно меньше, чем в Западной Европе, где модель фабричного труда в 308 дней утвердилась уже к середине XIX в. По мнению исследователя, меньшее количество рабочих дней на русских фабриках в сравнении с Европой – являлось одним из пережитков доиндустриальной эпохи и традиционной трудовой этики⁴⁴⁷.

⁴⁴⁵ Почта и телеграф в XIX столетии. Министерство внутренних дел. Исторический очерк. Приложение второе. СПб.: тип. МВД, 1901. С. 160.

⁴⁴⁶ Сорокин П. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. / Ин-т социологии. М.: Наука, 1994. С. 333.

⁴⁴⁷ Миронов Б.Н. Дал Бог работу, да отнял черт охоту // Социальная история. Ежегодник 1998/1999. С. 240, 251.

Телеграфисты уже в третьей четверти гг. XIX в. работали по 310 дней в году по непрерывной системе дневных и ночных дежурств и скользящему графику выходных дней. По правилам ГУПиТ, нерабочими днями считались 5 дней в году: два дня во время встречи Нового года, первый день Пасхи, День Благовещения (25 марта), День Рождества Христова и День тезоименитства Государя. Еще 25 дней учреждения связи работали по два часа в сутки. Неполный, двухчасовой рабочий день выпадал на важные православные праздники и дни тезоименитства членов царской семьи⁴⁴⁸. Нерабочими были и 50 воскресений, которые определялись скользящим графиком. Рабочие сутки в почтово-телеграфных конторах (в начале XX в. и на радиостанциях) делились на 3 дежурные смены по 8 часов. Из-за нежелания содержать лишний штат сотрудников, ГУПиТ ввело распоряжение, по которому телеграфисты могли выбирать график дежурств в течение суток. При этом продолжительность смены была различной: от 8 до 24 часов. В первом случае, телеграфист дежурил 8 положенных часов, имел перерыв и выходил в эти же сутки на работу в ночную смену. Отдежуривав сутки без перерыва, он мог отдыхать 2 суток. Особенности организации таких смен хорошо раскрыл участник первой русской революции, телеграфист А. Саблин. Дежурство начиналось в 6 часов утра, – писал он в своих воспоминаниях, – и продолжалось до 14-00. Затем был перерыв и отдых на обед до 19-00 часов вечера. С 19-00 вечера до 8-00 утра заступали на новое (ночное) дежурство. После такой напряженной работы человек приходил домой только чтобы отоспаться, падал на постель и спал мертвым сном, часто даже не обедал. Вечером он приходил в себя, голова его была, как котел, и трогать его не рекомендовалось, он «кусался»⁴⁴⁹. Наиболее тяжелыми были ночные смены, когда в силу физиологических особенностей человеческого организма производительность труда связистов уменьшалась на 18%, а к концу смены – до 39%, при этом физическая и эмоциональная усталость нарастали лавинообразно. Работники в это время были вялые, и получали такую нервную нагрузку, что следы ее врачи обнаруживали и на 4 сутки после ночного дежурства. Но в это время телеграфист, как правило, уже работал в новой ночной смене. В результате копилось перенапряжение⁴⁵⁰.

Предпраздничные и все праздничные дни были самыми напряженными, их называли «проклятыми днями», т.к. в это время телеграфный и почтовый объем возрастал втрое. Дни перед Пасхой или Рождеством были кошмаром, – вспоминал телеграфист Пермской ПТК А. Добрынин, – даже в ночную смену приходилось трудиться больше обычного, чтобы разобрать завалы корреспонденции. Телефонисты работали, не имея ни минуты отдыха.

Второй отличительной чертой работы связистов стали высокая интенсификация производственного процесса, монотонность и значительные физические усилия. Для труда телеграфистов были характерны однообразие движений и постоянное напряжение мышечных групп спины и рук, плечевого пояса. Служба в плохо освещенных телеграфных залах отрицательно влияла на зрение, а работа на телеграфных аппаратах клопфера и ручных телефонных вызовах способствовала быстрому снижению слуха у клопферистов и телефонисток. К этому надо добавить, что связисты работали в условиях постоянного шума телеграфных аппаратов, тусклом освещении керосиновых ламп-коптилок, в пыли и копоти. При работе на телеграфных аппаратах с механическими приводами, которые существовали в России в начале XX в., юзисты и бодисты каждые 5–7 минут вынуждены были поднимать тяжелые гири, чтобы заводить движущий механизм аппарата юза или бодо. Морзисты и уинстонисты – вращать специальную ручку завода аппаратов морзе и уинстона. Физические усилия, которые затрачивались при этом, полностью выматывали работников к концу смены⁴⁵¹. Тяжелые физические усилия, которыми сопровождалось обслуживание телеграфных аппаратов уинстона и юза, способствовали тому, что на них могли работать только мужчины. Женщины телеграфистки работали на аппаратах морзе и бодо.

Провинциальные конторы, как правило, располагались в непригодных помещениях, где рабочее место телеграфиста было отделено от посетителей только решеткой. В течение сме-

⁴⁴⁸ Расчет праздничных дней работы связистов по: Уральский торгово-промышленный календарь на 1914 г. Пермь. 1914. С. 19.

⁴⁴⁹ См. подробнее: Базилевич К.В. Очерки по истории профсоюзного движения работников связи 1905–1906 гг. С. 30–31.

⁴⁵⁰ Эти данные были получены во время первых медико-санитарных обследований труда связистов, проходивших в середине 1920-х гг. Они отражали ситуацию на предприятиях связи России и на рубеже XIX–XX вв. – см. подробнее: К вопросу о продолжительности ночного труда работников связи. // Пролетарий связи. 1925. № 7. С. 349.

⁴⁵¹ ГАРФ. Ф. 6871. Оп. 1. Д. 258. Л. 2.

ны он выслушивал крики, мольбы и ругань публики, и это при плохом освещении, спертом воздухе, сырых стенах, гнилых крышах и полах. «Наши почтово-телеграфные отделения малы, – с горечью говорил с трибуны Госдумы депутат от Тобольской губернии Дзюбинский, – они не приспособлены для работников и публики, даже городские отделения освещаются керосиновыми лампами. Помещения грязные, темные, сырые. Публика не может писать телеграмму, т.к. нет места. Телеграфисты уходят из-за опасности потерять зрение»⁴⁵².

Не легче была работа и на телефонных сетях. Соединение абонентов осуществлялось вручную. На работу принимались девушки и вдовы не ниже полутора метра роста, чтобы они могли дотянуться до верхних гнезд коммутатора. В течение 8 часовой смены они носили тяжелую телефонную гарнитуру и осуществляли до 170 абонентских соединений в час. Это требовало таких нервных и физических усилий, что редко кто из «телефонных барышень» мог их вынести. Девушки вынуждены отказываться от места, – писал корреспондент столичной газеты⁴⁵³. В провинциальных (в т.ч. в уральских губернских и крупных уездных) городах интенсивность соединений было меньше, чем на столичных ГТС, но и здесь она оставалась весьма высокой. В Перми, Челябинске, Екатеринбургe, Тюмени, Вятке «телефонные барышни» в 1908–1919 гг. в среднем осуществляли до 90–100 соединений в час. По отзывам администрации пермского почтово-телеграфного округа, нагрузка на работников ГТС доходила до предельно допустимой⁴⁵⁴.

Интенсивный труд мы наблюдаем и на почте. Основная работа по сортировке, погрузке, приему корреспонденции проводилась вручную. Так, в г. Уфе в конце XIX в. день начальника распределялся следующим образом: с 8-00 до 10-00 утра – разноска корреспонденции, с 10-00 до 12-00 часов – ее сортировка, с 12 до 19-00 вторая разноска, с 19-00 до 21-00 часа – сортировка и подготовка корреспонденции на вечерние поезда. На всю Уфу полагалось 6 почтальонов; чтобы обойти свои почтовые участки по доставке почты, они ежедневно проходили по 25–30 верст⁴⁵⁵.

На тяжелую работу почтовиков Урала обращали внимание и депутаты Госдумы. Так, депутат от Пермской губернии в III Госдуме Егоров специально отметил, что работа почтовых служащих даже в небольших рабочих поселках и городах тяжела не в пример другим профессиям. В заводском поселке Салда проживало 20 тыс. жителей и было одно почтово-телеграфное отделение с 3 работниками, в т.ч. 1 почтальоном. Они, по мнению депутата, не могли даже вздохнуть свободно: с 8-00 до 14-00 часов сортировали и разносили корреспонденцию. В 15-00 приходил алапаевский, а в 15-30 тагильский поезда, которые привозили и увозили из Салды почтовые отправления, с 15-00 до 17-00 часов шла новая сортировка, с 17-00 до 19-00 часов – прием публики. Каждый день все сотрудники трудились по 12–14 часов⁴⁵⁶.

Наиболее тяжелой у связистов считалась работа линейных мастеров, обходчиков и монтеров. Они постоянно были в разъездах и, несмотря на непогоду, проводили работы по осмотру или ликвидации аварий на телефонно-телеграфных магистралях. Все уральские специалисты и рабочие линейных сооружений принимали участие в строительстве новых линий. Условия строительства и ремонта линий в малонаселенных местностях Оренбуржья и Тюменского севера и в начале XX в. оставались очень тяжелыми. Так, в северных уездах Тобольской губернии линии телеграфов на Сургут, Самарово, Обдорск проходили по тайге, болотам, многочисленным таежным речкам. При ремонтах рабочие постоянно страдали от гнуса и перепадов температуры. Уральские и сибирские монтеры рассматривали службу на северных дистанциях как ссылку⁴⁵⁷.

В заключении отметим, что высокая производительность труда на российских почтах и телеграфах достигалась не за счет механизации работ, а за счет усиления физических нагрузок на связистов. На это постоянно обращали внимание современники. За 1907–1911 гг., – писали тюменские статистики, – почтовый обмен в губернии вырос на 35%, а телеграфный на 23%. Это говорит не только о росте культурных запросов населения, но и о непомерно тяжелом труде служащих почтово-телеграфного ведомства, который нуждается во всемерном облегчении⁴⁵⁸.

⁴⁵² Там же. Л. 142, 195; ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 89. Л. 13; «Кама», 1916. 13 февраля.

⁴⁵³ Никитин В. Замужних в должность не брать // Родина. 1996. № 12. С. 102.

⁴⁵⁴ ГАПО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.

⁴⁵⁵ Аюпов Р., Гайсин С. Электросвязь в Башкортостане. От телеграфа до интернета. Уфа, 2001. С. 5.

⁴⁵⁶ АЦМС. Ф. телеграфный. Оп. 1. Д. 263. Л. 4.

⁴⁵⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 20. Л. 206.

⁴⁵⁸ Обзор Тобольской губернии за 1911 г. Тобольск, 1913. С. 18.

На общесоюзном материале на рост интенсификации труда в почтово-телеграфном ведомстве постоянно обращал внимание профессор П. Осадчий. По его расчетам, в 1908–1909 гг. нагрузки на российского почтово-телеграфного работника в три раза превышали нагрузки связистов в европейских странах⁴⁵⁹. Интенсивность труда в отрасли связь оставалась одной из самых высоких в российской экономике, заметно превосходила нагрузки в строительстве и промышленности. По расчетам историка Б.Н. Миронова, на рубеже XIX–XX вв. наименее производительный труд оставался в сельском хозяйстве. Труд в промышленности был эффективнее деревенского в 3 раза, в торговле – в 4, в строительстве – в 6 раз. Интенсивность труда на транспорте и в связи превосходила сельский в 7,7 раз⁴⁶⁰. На Урале наблюдалась аналогичная картина.

Высокая интенсификация в отрасли связи являлась показателем быстро формирующихся индустриальных отношений в российском обществе; все сословные, культурные и иные различия, неприязнь почтовиков к работникам электросвязи быстро сглаживались, уступая место деловой сплоченности, пониманию единства своего профессионального состояния.

Государство прилагало определенные усилия для закрепления кадров в связи. Во второй половине XIX в почтово-телеграфном ведомстве была разработана и успешно действовала устойчивая система вознаграждения, побуждения, принуждения, которая способствовала закреплению кадров в связи. Эти факторы имели сложную структуру. Вознаграждение предполагает анализ трех категорий – прямой оплаты труда, косвенных заработков, а также латентных (нелегальных) способов присвоения благ за счет служебного места или предприятия. Принуждение состоит из дисциплинарных правил и санкций за их нарушение. Побуждение включает такие стимулы, как гордость за высокие результаты своего труда, патриотизм по отношению к своей профессии, желание общественного признания. Архитектура факторов мотивации любой профессии способствует формированию сообщества, при этом, она зависит от возможностей государства, культуры общества, особенностей профессии, конкретных людей на производстве⁴⁶¹.

Для нас важно подчеркнуть, что система вознаграждения, побуждения, принуждения, которая применялась в почто-телеграфном ведомстве, способствовала консолидации связистов на основе профессиональной самоидентификации, противопоставлению себя другим профессиональным и культурно-социальным группам, а главное – осознанию ими своей высокой общественной значимости. Можно сказать, что уже в последние десятилетия XIX в. работники отрасли воспринимали свою деятельность как своего рода особую миссию, поскольку без оперативной работы средств передачи данных ни государство, ни общество просто не могли развиваться.

Система вознаграждения базировалась на заработной плате. В начале XX в. различные формы оплаты труда составляли до 90% приходной части бюджета работников учреждений связи. В этом они несколько отличались от остального чиновного мира России, где было принято брать взятки. Возможности использования служебного положения для латентного обогащения в почтово-телеграфном ведомстве были ограничены. Прямые заработки в учреждениях связи формировались из оплаты по официальным ставкам ведомства, а также из квартирных и столовых выплат, денежных надбавок за работу на скородействующих и сложных аппаратах, знания иностранных языков (умение вести прием иностранной корреспонденции).

К прямым заработкам относились и нерегулярные денежные выплаты квалифицированным специалистам за обучение учеников. К косвенным – так называемые «наградные деньги» – небольшие премии к праздникам. Размер их определялся начальником учреждения связи. Существовали также и небольшие выплаты из касс взаимопомощи (связисты их называли «похоронные», т.к. чаще всего они выдавались семье по случаю смерти работника). Почтальоны и рассыльные могли рассчитывать на чаевые. Размеры официальных такс и ставок между различными профессиями в ведомстве – постепенно нивелировались, что и являлось фактором формирования однородной профессиональной группы.

⁴⁵⁹ Осадчий П. Осадчий П. Почтовые, телеграфные и телефонные сообщения, как элемент государственного хозяйства в Европе. Опыт сравнительного статистического и экономического исследования. Вып. 1, Общий очерк. СПб., 1908. С. 34.

⁴⁶⁰ Миронов Б.Н. Социальная история России. В 2 тт. Т. 1. СПб., 1999. С. 307.

⁴⁶¹ Линден ван дер М. Мотивация труда в Российской промышленности: некоторые предварительные суждения // Социальная история. Ежегодник. 2000. М., 2000. С. 211–212; Лукассен Я. Мотивация труда в исторической перспективе: некоторые предварительные заметки по терминологии и принципам классификации // Там же. С. 197, 201.

В конце 50 – начале 60-х гг. до середины 80-х гг. XIX в. ставки на телеграфах и почтах оставались несопоставимыми. В то время телеграфы относились к телеграфному ведомству, на них служили офицеры телеграфного корпуса. В 1862 г. штат Екатеринбургского телеграфного отделения насчитывал не более 20 человек, в т.ч. 15 телеграфистов (сигналистов), но зарплаты их были весьма большими: начальник отделения получал 1,5 тыс. руб. в год, старший механик – 900 руб., телеграфисты от 120 до 300 руб. в год в зависимости от стажа службы. Разносчики телеграмм, сторожа получали по 96 руб. в год. Жалование почтовых чиновников оставалось в 3 раза ниже, чем работников телеграфов⁴⁶². По подсчетам историка Г.Н. Вульфсона, прожиточный минимум для семьи чиновника на Урале в это время составлял 500 руб. в год, а комфортный уровень потребления требовал доходов в 1,5 тыс. руб.⁴⁶³. Такую зарплату получали только руководители горной промышленности края. Годовое жалование инженера составляло 500–1200 руб. в зависимости от должности⁴⁶⁴. Иными словами, жалование телеграфистов было достаточным для относительно нормального существования, а их общественное положение – устойчивым, почтовики с завистью смотрели на телеграфистов⁴⁶⁵.

Реформа почт и телеграфов в середине 80-х гг. XIX в. изменила общественное положение и заработок связистов: объединение почт и телеграфов в одни учреждения связи снизило заработки телеграфистов, повысило у почтovieков, способствовало объединению двух отрядов связистов, выравнивало их общественный статус. «Квартирные» доплаты работникам связи стали выдаваться с 1892 г. Отметим и рост ставок за работу на аппаратах юза, бодо и уинстона, а также за знание иностранных языков. В рассматриваемый период они были увеличены, и в начале XX в. составляли до 150 руб. в год дополнительного прямого вознаграждения. В целом, система окладов в почтово-телеграфном ведомстве в начале прошлого столетия оставалась стабильной и составляла: у чиновников VI–IV разрядов (самых низких должностных разрядов ведомства) – 390–700 р. в год, чиновников III разряда – 870 р., чиновники II–I разрядов имели заработок в 1350 р. в год. У нижних служащих (почтальонов, разносчиков телеграмм, сторожей) – 250–317 р.⁴⁶⁶.

Вместе с тем, в ведомстве действовали и тенденции, которые вызывали массовое недовольство оплатой и особую консолидацию чиновников невысоких разрядов. Удельный вес тех или иных категорий чиновников строго лимитировался сверху и зависел от финансовых возможностей ГУПиТ. Служащие почт и телеграфов годами ждали перевода из одного разряда в другой. В результате почтово-телеграфный чиновник служил по 15–18 лет и достигал IV разряда, а потом выходил в отставку. В начале XX в. 75% чиновников почтово-телеграфного ведомства имели VI–IV разряды (т.е. получали по 390–700 руб. в год), 15% служащих имели третий разряд (официальный заработок чиновника составлял 875 р. в год), 7% – второй разряд (оклад 1025 р. в год) и только 3% работавших в ведомстве – первый. К 1913 г. это соотношение изменилось за счет сокращения количества чиновников высших разрядов: VI–IV разряды имели 80,3% служащих почтово-телеграфных контор, третий разряд – 15%, второй – 3%, первый – 1,7%⁴⁶⁷. Из-за недостатка средств пробиться по служебной лестнице трудовые отношения приобретали все более сложный характер. По этому поводу в учреждения связи ходило много анекдотов. В одном из них связист спрашивает другого: «Почему ты сегодня франт? – У меня юбилей, – отвечает первый, – 25 лет в V разряде!»⁴⁶⁸.

В начале XX в. выявилась тенденция к снижению материальных стимулов труда. Если в середине XIX в. заработок связиста был сравним с заработками провинциальной элиты, то в начале прошлого столетия заработки связистов сравнивались с заработками других категорий служащих. Уральский связист IV разряда получал в год около 700 р. Для сравнения укажем, что заработок

⁴⁶² РГИА. Ф. 446. Оп. 6. Д. 58. Л. 50–51.

⁴⁶³ Вульфсон Г.Н. Разночинное демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации. Казань, 1974. С. 117, 122.

⁴⁶⁴ Дашкевич Л.А., Корсунова С.Я. Техническая интеллигенция горнозаводского Урала. XX в. Екатеринбург, 1997. С. 149.

⁴⁶⁵ Отчет начальника ГУПиТ за 1884–1887 гг. СПб. (б.г.). С. 4.

⁴⁶⁶ Расчет по мат.: АЦМС. Ф. телеграфный, оп. 1. Д. 249. Л. 94, 98; Расписание действующих штатов местных почтово-телеграфных учреждений на 1 июня 1908 г. СПб., 1909. С. 2, 9.

⁴⁶⁷ Почтово-телеграфная статистика за 1913 г. с кратким обзором деятельности почтово-телеграфного ведомства за этот же год. СПб., 2014. С. 12; ГАРФ. Ф. 6871. Оп. 1. Д. 442. Л. 226.

⁴⁶⁸ Почтово-телеграфная жизнь в карикатурах. Пг., 1917. С. 12.

рабочего горной промышленности Урала в это время составлял 175–200 руб. в год (на казенных военных заводах – 280–285 руб.). Зарплата квалифицированного педагога уральских гимназий – 900 руб. Врачи на государственной службе были, как и связисты, чиновниками МВД, но получали в уральских городах до 2–3 тыс. руб. в год, в сельской местности – до 1–1,8 тыс. руб. Инженеры горных и машиностроительных предприятий – до 3 тыс., а обер-офицеры тыловых гарнизонов – 840 руб. (подпоручик), 1150 руб. (штабс-капитан)⁴⁶⁹. Для полноты картины приведем годовые заработки еще одной социальной группы уральцев: фельдшера городских больниц имели годовой доход в 600–840 руб. в зависимости от стажа, учитель начальных школ – 360–436 руб., молодые техники на горно-металлургических предприятиях со стажем до 3 лет – 250–500 руб.⁴⁷⁰. Приведенные цифры наглядно показывают тенденцию к снижению покупательной способности и прямых заработков связистов на протяжении второй половины XIX – начале XX вв. Иными словами, материальные стимулы в ведомстве играли все меньшую роль в системе трудовой мотивации. При этом снижение покупательной способности зарплаты способствовало нарастанию недовольства и быстрому осознанию экономических претензий к государству и напрямую работало на консолидацию единого профессионального сообщества в отрасли связи. Недовольство чиновников низших разрядов своим материальным положением способствовало их быстрому объединению и стало главной причиной организации профессионального союза почто-телеграфных служащих в годы первой русской революции.

Важным фактором, который способствовал сплочению связистов в единый трудовой коллектив, стали карьерные устремления поступавших в почтово-телеграфное ведомство. В авторитарных системах объективно внеэкономические стимулы играют большую роль и в мотивации трудовой деятельности и в формировании профессиональных сообществ. Как было отмечено выше, карьерные соображения являлись серьезным побудительным мотивом для поступления на работу в отрасль связи, они же способствовали быстрому профессиональному сплочению. Как правило, поступая на службу в почтово-телеграфное ведомство, молодые люди 16–19 лет проходили путь ученичества. В течение нескольких месяцев, часто до года, они изучали телеграфное или почтовое дело, основы работы аппаратуры связи, азбуку морзе и др. В это время они оставались «мальчиками на побегушках» – приносили завтраки, обеды или папиросы работавшим в аппаратных залах, подметали пыль и следили за чистотой, выполняли другую неквалифицированную работу в конторе. Молодые люди отправлялись на линейные дистанции и изучали работу монтеров – «хитрости спайки и скрутки проводов». Женщин к линейным работам не допускали. Все ученики «ждали место» – т.е. возможность получить работу, когда кто-либо из полноправных работников покидал контору. По окончании срока ученичества претендент на должность сдавал экзамен; показывал умение работать на телеграфной или телефонной аппаратуре, знание азбуки морзе, отвечал на теоретические вопросы по заполнению документации и знанию основ электродела, которые задавал наокр (начальник конторы). После успешной сдачи, бывшему ученику выдавался соответствующий документ, где были зафиксированы оценки и указана скорость передачи знаков данного соискателя на телеграфной аппаратуре. В крупных почтово-телеграфных конторах, где заработная плата была выше, ученик должен был показать скорость передачи на аппарате морзе до 100 знаков в минуту. Вступив в должность и получив квалификационный разряд, соискатель места переходил из учеников в полноправные работники конторы. За свой счет он покупал мундир ведомства и получал право на льготы: оплату домашних, столовых, проездных, различные премии и др. Проработав некоторое время на должности телеграфиста самого низкого VI разряда, молодой человек мог претендовать на вступление в чиновники почтово-телеграфного ведомства (его производили в коллежские регистраторы ГУ-ПиТ, т.е. он получал XIV чин Российской табели о рангах.) Это открывало для него возможности карьеры и окончательно приобщало к профессиональному сообществу связистов. Таким образом, карьерный статус чиновника почтово-телеграфного ведомства определялся 3 моментами: ведомственным разрядом, должностью, гражданским чинопроизводством (получение классного

⁴⁶⁹ Данные о зарплате населения Урала в начале XX в. взяты по мат.: Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. Екатеринбург, 2001.

⁴⁷⁰ Андреева Т.Н. Социокультурный портрет уральской интеллигенции в начале XX в. // Урал в контексте российской модернизации. Челябинск, 2000. С. 49.

чина за выслугу). Гражданских чинов было 14, ведомственных разрядов в ГУПиТ – 6, а должностей – несколько десятков. Кроме того, все учреждения связи по доходам также делились на 6 классов. Перевод в контору более высокого класса или в крупный город также был желанным для связиста. Сложное переплетение этих моментов являлось побудительным мотивом в работе и способствовало сплочению отдельных групп служащих в единое профессиональное сообщество. По многочисленным воспоминаниям работников почт и телеграфов о первой русской революции, основные кадры штрейкбрехеров формировались из служащих «медвежьих углов» и сельских отделений. Им обещали не только премии, но и перевод на работу в крупные города и конторы более высокого класса⁴⁷¹.

На протяжении десятилетий в почтово-телеграфном ведомстве старались выработать оптимальное соотношение между должностями, разрядами и классными чинами, которое бы обеспечило высокую мотивацию и моральное удовлетворение для служащих. Чтобы получить низший XIV гражданский чин в учреждениях связи, требовалось проработать некоторое время на должности VI или V разрядов. После получения чина коллежского регистратора, более высокие чины присваивались по выслуге лет: в XIV–IX чинах служили по 3 года, а в VIII–VI чинах (коллежский асессор – коллежский советник) по 4 года в каждом. Производством чинов выше V ведал император⁴⁷². Как правило, чиновник в провинции служил 15–20 лет и поднимался до IV чина и IV–III разрядов. При выходе на пенсию он имел звание почетного (именного) гражданина или личное дворянство. Начальники крупных контор и администрация почтово-телеграфных округов могли рассчитывать на VIII–VI чины. Более высокие классные чины соответствовали столичному уровню: так IV классный чин (действительного тайного советника) имел, как правило, вице директор ГУПиТ, а III (тайного советника) – директор ГУПиТ. В начале XX в. прохождение по лестнице гражданских чинов стало более либеральным. Многие связисты могли получить VIII–IV чины, оставаясь на службе в провинциальных конторах и в невысоких профессиональных разрядах. Продвижение по чинам Табели о рангах давало определенные преимущества. При смене места службы чиновник терял должность, разряд, но оставлял за собой чин. Это обеспечивало общественное положение, пенсию. Кроме того, при поступлении на новое место в государственной службе наличие чина давало кандидату определенные привилегии. Вместе с тем, уже в конце XIX в. в почтово-телеграфном ведомстве стали проявляться серьезные несоответствия между наличием классных чинов и должностями. Количество лиц в высоких классных чинах было непропорционально большим к количеству служебных мест и разрядов. Это вносило определенную сумятицу во взаимоотношения между чиновниками. Так, в начале XX в. на екатеринбургском телеграфе числилось 65 телеграфистов, из них 22 – чиновника. Остальные ожидали производства. Из имеющих чины – 6 состояли в III и II разрядах, в т.ч. 3 надворных советника (VII классный чин) и 3 коллежских асессора (VIII классный чин). 10 чиновников состояли в IV–V разрядах, в т.ч. 4 коллежских асессора (VIII классный чин), 4 титулярных советника (IV классный чин) и 2 коллежских регистратора (XIV классный чин). В IV разряде числилось 5 чиновников, в т.ч. 1 титулярный советник (IV классный чин) и 4 коллежских секретаря (X чин). Остальные 43 телеграфиста работа на ставках IV и V разрядов, чинов не имели и страстно хотели их получить⁴⁷³. Пороки и несоответствия системы гражданского чиновного производства были очевидны. Так, один из видных сановников, член особого совещания на реформе чиновного производства во времена правления Александра III, А.А. Половцев отмечал, что чины умножают число тунеядцев, и требовал замены иерархии чинов иерархией гражданских должностей. Правительство на протяжении XIX в. 4 раза предпринимало попытки усовершенствовать систему чиновного производства, но реально изменить ее не смогло. Большинство правящей элиты твердо стояла за сохранение старого порядка. Оклады содержания низших и средних чиновников в провинции признавались недостаточными, отмена чинов привела бы к уходу с государственной службы многих специалистов. Кроме того, чины прочно вошли в быт и русскую традицию. Их отмена, – писал министр просвещения И.Д. Делянов, – внесла бы сильное потрясение в среду служащих⁴⁷⁴. Еще бо-

⁴⁷¹ См. воспоминания механика Екатеринбургской ПТК А. Байдакова, телеграфиста Пермской ПТК И. Ершова и др. – ГАРФ. Ф. 6871. Оп. 1. Д. 258. Л. 2–3, 11.

⁴⁷² Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена. Л., 1991. С. 116.

⁴⁷³ ГАСО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 62. Л. 209–225; Почтово-телефонный журнал, ч. неофиц., 1889. № 2. С. 127.

⁴⁷⁴ Шепелев Л.Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. СПб., 1999. С. 183–184.

лее наглядно система чиновничества как побудительный принцип службы и устремлений попасть в профессиональное сообщество связистов выступала у низших служащих. Из-за недостатка работников VI–V классов в ведомстве практиковался перевод почтальонов, рассыльных, сторожей в чиновники низших разрядов почтовых отделений за выслугу. Стремление «выбиться в люди» у этой категории служащих было весьма сильным. Это отметили даже депутаты III Госдумы. Переход из низших служащих в чиновники был событием: новоявленный чиновник получал более высокое жалование, шил новую форму, мог командовать сослуживцами. Жены бывших почтальонов прекращали работать прислужкой или подрабатывать стиркой, поскольку это не соответствовало новому статусу семьи⁴⁷⁵.

В современной историографии существуют неоднозначные оценки системы классового гражданского чиновничества Российской империи. Так, Л.Е. Щепелев весьма скептически оценил ее достоинства. Б.Н. Миронов, напротив, считает российское чиновничество в государственной службе – эффективным и действенным⁴⁷⁶. На примере почтово-телеграфного ведомства мы попытались показать, что в начале XX в. система чиновничества страдала многими пороками. При этом в условиях недостаточного действия материального поощрения система чиновничества работала как побудительный мотив и являлась действенным фактором профессионального сплочения связистов.

Факторы вознаграждения и побуждения в почтово-телеграфном ведомстве дополнялись разветвленной системой принуждения. Экономист Дж. Баркер, а вслед за ним российские историки А.К. Соколов, С.В. Журавлев, М.Ю. Мухин выделяют три основных направления принудительных мотиваций. Область дисциплинарной ответственности за нарушение производственных и ведомственных правил (предупреждения, выговора, увольнение). Область уголовной ответственности за совершение уголовно наказуемых действий. Область материальной ответственности (возмещение материального ущерба предприятию со стороны виновного)⁴⁷⁷. В почтово-телеграфном ведомстве применялись в основном формы дисциплинарной ответственности. Из-за неразвитой системы экономического вознаграждения «наказать рублем» нерадивого чиновника было трудно. Уголовные деяния были редки, аресты или отдача виновных полиции практически не применялись. Этот вид наказаний получил распространение только в годы первой революции. В целом стабильная жизнь в ведомстве, а также система отбора кандидатов на должности чиновников ГУПиТ, позволяли обходиться исключительно дисциплинарными, ведомственными мерами ответственности. Самым страшным наказанием считалось увольнение.

Наиболее распространенной формой дисциплинарной ответственности оставались неденежные штрафы, т.е. наложение дополнительных смен и часов, которые провинившийся чиновник должен был отработать на своем рабочем месте. При этом штрафы служащий получал за самые мелкие проступки, например, за то, что не отдал чести старшему по чину на улице, или явился на работу в обычном партикулярном платье, а не в форме. Так, в 1904 г. начальник Пермского округа Е. Пуш оштрафовал на целую рабочую смену одного из чиновников почтового отделения при Пермском вокзале за то, что тот явился на работу не в форме. Приказ об этом и напоминание о необходимости быть подобающе одетым был циркулярно разослан по всем учреждениям связи округа⁴⁷⁸. В аппаратных залах за работой телеграфистов постоянно наблюдали контролеры смен, а на телефонных станциях – старшие телефонистки. Они вносили все проступки персонала в особые дисциплинарные журналы (кондуиты), на основании которых начальник конторы или станции накладывал взыскания. В дни праздников, когда наблюдался большой наплыв корреспонденции, начальство искусственно усиливало штрафные санкции, чтобы нагнать в контору больше людей. Как вспоминал телеграфист А. Саблин – в дни праздников штрафы носили характер эпидемий и напоминали охоту рабовладельцев за неграми. Начальство раздавало взыскания направо и налево по любому поводу. Особенно злая охота шла за сильными работниками.

⁴⁷⁵ ГАРФ. Ф. 6871. Оп. 1. Д. 442. Л. 161; Базилевич К.В. Работники связи в годы реакции (1907–1916 гг.). М., 1929. С. 9.

⁴⁷⁶ Щепелев Л.Е. Чиновный мир России XVIII – нач. XX вв. С. 148, 184; Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 2. С. 174.

⁴⁷⁷ См. подробнее: Журавлев С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М., 2004. С. 8–9, 68; Barker G. Some problems of incentives and Labour productivity in Soviet industry: a contribution to study of planning of Labour in USSR. P. 98–99.

⁴⁷⁸ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 9. Л. 17.

Практически аналогичное описание действий начальства оставил и телеграфист Вятской конторы В.Г. Плешков⁴⁷⁹. По этому поводу в среде почтово-телеграфных работников бытовало много анекдотов. В одном из них на вопрос подчиненного по поводу очередного штрафного дежурства начальник соглашается, что повода нет, но на таких пустяках он уже 8 лет восполняет недостаток штатов⁴⁸⁰.

В условиях полувоенной дисциплины и большой власти над подчиненными, которая культивировалась во всех структурах МВД, дисциплинарный фактор часто вырождался в самодурство руководителей округов и контор. О мелочных придириках начальников Омского почтово-телеграфного округа Жаркова, начальника Восточно-Сибирского округа Хреновского и др. ходили легенды по всей Сибири. Даже опытные и заслуженные инженеры не выдерживали их оскорблений и переводились в другие места службы⁴⁸¹. Не отставали от них и многие начальники контор. Так, начальник Вятской конторы Трудолобов заставлял почтальонов, опоздавших на службу, непрерывно дежурить ночные смены по 6 суток. В результате низшие служители падали от усталости⁴⁸². Эти примеры можно продолжить. Начальник Ярославской конторы Александров в 1908 г. издал специальный приказ, запрещающий женщинам-телеграфисткам носить длинные платья (на службу женщины должны были являться в черных платьях и юбках, не доходящих до пола на один-два вершка). Виновные в невыполнении этого приказа рассматривались как не подчинившиеся приказам начальника конторы, а потому подлежали увольнению⁴⁸³. В этом приказе показателен менталитет руководства среднего звена: платье неуставного цвета и длины рассматривалось как факт неповиновения. По поводу придириков начальства в среде почтово-телеграфных чиновников создавались целые серии анекдотов. Особенно много их было по поводу разрешений на брак, которое должны были официально получить служащие учреждений связи у своего руководства.

Наиболее серьезной мерой наказания в ведомстве было увольнение по 3 пункту статьи 838 «Устава о службе гражданской» Российской империи (введена в 1850 г.). В соответствии с ней, чиновник, который по убеждению начальства не был благонадежным или совершил какой-либо проступок, не совместимый с положением в ведомстве, мог быть уволен без объяснения причин. Это было равносильно выдаче «волчьего билета», т.е. виновный терял не только чин и должность, но и право возвращения на государственную службу. Впрочем, «проклятый пункт» применялся не слишком часто. В почтово-телеграфном ведомстве эта мера получила развитие только во время революции 1905–1907 гг. Система принуждения и административной ответственности также влияла на профессиональную консолидацию работников связи, поскольку они вынуждены были постоянно вырабатывать совместные тактики «выживания», выступать единым фронтом против придириков и требований руководства.

В противовес придирикам и жестким дисциплинарным штрафам связисты противопоставили свои тактики сопротивления. Выработка единой позиции, как реакция на придирики начальства, как никакая другая мера способствовала формированию у связистов чувства круговой поруки и сплачивала их в однородную профессиональную массу. По воспоминаниям многих телеграфистов, в «страшные дни» перед праздниками все просто подтягивались. Недели за две до праздничных дней в аппаратных залах и отделениях связи царил деловая атмосфера: все ходили в форме и в манишках, ответственно выполняли свои обязанности, были предупредительны с начальством. Это позволяло избежать расставленных сетей и «охота рабовладельцев за неграми» не давала результатов. Более того, явные случаи самодурства становились достоянием общественности, и ГУПиТ вынуждено было на них реагировать. Как бы ни был слаб голос оппозиционной прессы в начале XX в., у чиновников оставались возможности анонимно описать произвол начальства в средствах массовой информации. Так, чиновники Омского почтово-телеграфного округа подловили начальника округа Жаркова на незначительных служебных проступках, и опубликовали статью об этом в местной либеральной прессе. В результате «злой наокр» был пе-

⁴⁷⁹ Базилевич К.В. Очерки по истории профсоюзного движения работников связи 1905–1906 гг. С. 31; АЦМС. Ф. телеграфный. Оп. 1, Д. 1248. Л. 8; ГАРФ. Ф. 6871. Оп. 1, Д. 288. Л. 1.

⁴⁸⁰ Почтово-телеграфная жизнь в карикатурах. С. 19.

⁴⁸¹ Старый почтовик. Воспоминания мелкого ПТ работника // Пролетарий связи. 1925. № 18. С. 808.

⁴⁸² Лебедев В.Н. Участие работников связи в революционном движении России. Л., 1974. С. 18.

⁴⁸³ ГАРФ. Ф. 6871. Оп. 1, Д. 288. Л. 2.

реведен на другое место работы⁴⁸⁴. «Юбочный циркуляр» так же вызвал возмущение общественности, стал предметом разбирательства в III Госдуме и насмешек в прессе. ГУПиТ его отменило, а начальник Ярославской конторы получил должностное предупреждение.

Такие случаи оставались единичными, связисты относились к МВД; в этом силовом министерстве у руководства было много средств воздействия на своих подчиненных. Поэтому большинство связистов в это время придерживалось тактики конформизма. Служащие предпочитали не ругаться с начальством, молча тянули службу, выполняли все распоряжения руководства. О конформизме и приспособлении чиновников в учреждениях связи также ходило немало анекдотов. «Обрати внимание на того чиновника. Он никогда не кланяется! – говорит один связист другому. – Так этот гордец совсем не способен к службе, – отвечает ему товарищ⁴⁸⁵. Наиболее массовый конформизм был там, где оставались возможности незаконного использования служебного положения и латентных заработков. Разъездные почтовые агенты делились прибылью с начальниками железнодорожных почтовых отделений, руководством контор и др. Эта спайка позволяла им получать прибыли от своего должностного положения и оставаться на хорошем счету у начальства. Конформизм, как повседневная тактика приспособления и консолидации профессиональных групп, обеспечивала нормальную работу всей сети почтово-телеграфной связи в мирные, стабильные периоды модернизации.

Итак, в России различные службы связи долгое время существовали независимо друг от друга. Развитие почты является классическим примером прохождения всех стадий разделения труда, от ремесла до самостоятельной отрасли экономики. Электросвязь, с момента своего возникновения в середине XIX в., сразу выделилась в общественное производство, минуя стадию ремесленного разделения труда. С началом индустриальной модернизации процессы слияния различных служб связи в единое целое заметно ускоряются. В последней четверти XIX в. информационные коммуникации окончательно объединяются в одну систему и выделяются в самостоятельную родовую отрасль инфраструктуры.

Одновременно с возникновением отрасли связи формировались и ее кадры. Анализ факторов формирования связистов из отдельных профессиональных групп в единое сообщество показал, что их консолидация прошла три этапа. Первый проходил в XVIII – начале XIX вв., когда на почтовых станциях появились первые профессионалы. Второй этап охватывает период третьей четверти XIX в. (примерно 1860–1870 гг.), когда быстро развивался новый вид информационных коммуникаций – электросвязь, росло число служащих почт и телеграфов. Несмотря на глубокие различия между группами служащих почтовых и телеграфных контор, в это время проходят процессы их начального объединения. Третий, завершающий период появления новой профессии, проходил в последней четверти XIX – начале XX вв. К этому времени власти смогли создать весьма эффективную систему стимулирования труда, карьерного роста, побудительных мотивов службы в отрасли связь. Главное заключалось в том, что в отрасли удалось закрепить и подготовить опытные кадры, побудительные мотивы работали на воспитание ощущения особой значимости связистов в жизни российского общества, их корпоративной гордости, чувства государственного долга. Социально-культурные различия в среде работников отрасли были ликвидированы, они осознали свое профессиональное единство и высокую общественную миссию своего труда. На наш взгляд, наиболее высокий уровень корпоративного духа и особой избранности царил в это время в армии и силовых структурах Российской империи. А если мы рассмотрим гражданские ведомства, то эти тенденции наиболее отчетливо проявлялись в среде студентов, отрасли связи и на железных дорогах. Наличие единой профессиональной группы связистов стало одной из ведущих предпосылок стабильного процесса передачи данных, его динамичного развития.

В заключение, остановимся еще на одном моменте. Высокий удельный вес моральных стимулов в сочетании с полувоенной дисциплиной, возможности карьерного роста, дух особой корпоративности, которые проявились в ходе формирования единой профессиональной самоидентификации работников связи, давали эффект в мирные периоды российской модернизации. Эти факторы переставали работать в ходе социальных трансформаций и революционных потрясе-

⁴⁸⁴ Старый почтовик. Воспоминания мелкого ПТ работника. С. 809.

⁴⁸⁵ Почтово-телеграфная жизнь в карикатурах. С. 5.

ний. Массовое недовольство связистов, которое в ходе революции 1905–1907 гг. вылилось во Всероссийскую почтово-телеграфную стачку, стало показателем полного завершения процессов их консолидации в профессиональное сообщество. Впервые в истории отечественной связи служащие почт и телеграфов открыто противопоставили себя правительству, смогли сформулировать единые профессиональные и политические требования.

В советской историографии главной причиной участия почтово-телеграфных работников в революции 1905–1907 гг. традиционно считается их низкая зарплата и тяжелое материально-бытовое положение. Исходя из этого тезиса, главной движущей силой стачки связистов должны были стать низшие служители учреждений связи – почтальоны, сторожа, рассыльные. Но в действительности как в целом в стране, так и на Урале главными участниками Всероссийской почтово-телеграфной стачки были чиновники V–III разрядов, техники, инженеры. Большинство нижних служителей выступило на стороне правительства. Попытаемся высказать свое суждение о причинах массового участия связистов в акциях гражданского неповиновения в ходе революции 1905–1907 гг. с учетом обстоятельств формирования их профессиональных приоритетов.

Мы ни в коей мере не принижаем экономического фактора участия работников связи во Всероссийской забастовке 1905 г. Высокий уровень эксплуатации, снижение размеров зарплаток на протяжении второй половины XIX в. стали важной причиной их политической активности. Мы обращаем внимание на то, что в начале XX столетия все процессы формирования связистов в отдельное профессиональное сообщество завершились. Важнейшим показателем завершенности процесса формирования профессии является осознание всеми ее членами базовых социальных и экономических требований данной профессиональной группы. Если эти требования не выполняются, возникает готовность борьбы за них. Связисты осознавали себя особым отрядом государственных служащих, которые выполняют не просто важную, но одну из ведущих общественных функций: через сеть связи общего пользования они обеспечивали единство государства, общества, пространства и времени. В результате корпоративная самооценка связистов в начале XX в. оказалась весьма высокой. Отказ правительства летом-осенью 1905 г. выполнить их экономические требования показал, что власть цинично относилась к их гражданскими и профессиональными претензиям. Это и вызвало бурю возмущения в среде почтово-телеграфных служащих. Высокие побудительные мотивы профессии пришли в противоречие с государственной практикой. Это и стало одной из причин Всероссийской стачки связистов в ноябре 1905 г.

3.4. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА*

В пореформенный период истории России (после Великих реформ) профессионализация набирала темп. Новая профессиональная интеллигенция по мере увеличения численности и укрепления самосознания становилась одной из главных сил в российском обществе. На материалах Урала второй половины XIX – начала XX в. можно видеть процесс формирования профессиональной субкультуры горожан, которая, в значительной степени, поддерживалась формальными профессиональными ассоциациями.

Во второй половине XIX в. в России первыми довольно многочисленными прообразами профессиональных объединений являлись общества взаимопомощи. Феномен обществ взаимопомощи раскрывается при анализе документов, оставленных самими обществами. Так, во вступлении к «Краткому очерку десятилетней деятельности общества взаимного вспоможения приказчиков в Екатеринбурге» характеризуется сущность и значение общественных организаций, созданных для взаимопомощи своим членам: «Всякое общение людей, а тем более всякая общественная организация, направленная к взаимопомощи материальной или нравственной, пробуждает в людях сочувствие друг к другу и в свою очередь ослабляет людской эгоизм». Участие в таком обществе накладывает свой отпечаток на психологические и мировоззренческие особенности своих членов: «...каждый человек, состоя членом Общества, не чувствует себя одиноким, так как он знает, что если с ним что и случится, то его товарищи-члены непременно придут к нему на помощь. Болезнь, лишение места, с потерей которого вместе обрываются и материальные ресурсы

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01625).

к жизни, временные денежные затруднения, образование детей при ограниченных средствах и, наконец, даже самая смерть – ему уже не до такой степени страшны, когда он состоит участником Общества взаимопомощи. При болезни члена Общество принимает на себя медицинскую помощь и помогает ему материально; при потере места – выдает ежемесячное пособие и оказывает содействие к приисканию другого места; при денежных затруднениях – выдает ссуды; при затруднениях в средствах на образование детей – принимает таковое на себя и, наконец, в случае смерти члена – оставшаяся семья поступает на попечение Общества»⁴⁸⁶.

Проанализировав состав обществ взаимопомощи в России в конце XIX – начале XX в., А.Д. Степанский пришел к выводу, что они обслуживали почти исключительно средние городские слои. Самыми распространенными такими обществами в России были общества взаимопомощи лиц частного служебного труда, к которым относились приказчики, конторщики, бухгалтеры, коммивояжеры, а также трактирная прислуга и представители некоторых других профессий. Наиболее многочисленными были общества торговых служащих. Уральские материалы в данной связи подтверждают выводы А.Д. Степанского о социальной базе обществ взаимопомощи.

Так, первым обществом взаимного вспоможения приказчиков на Среднем Урале было Пермское общество, устав которого был утвержден 1 мая 1884 г. Общество поставило цель «приискать службу служащим в коммерческих конторах и лишившимся таковой, особенно семейным, по причинам от них независящим, например, в случае банкротства или прекращения дела»⁴⁸⁷. В «Пермских губернских ведомостях» так оценивалось это общество: «Около 9 лет (с 1 мая 1884 г.) в Перми существует полугооперативное, полублаготворительное учреждение, весьма симпатичное по задачам своей деятельности, но настолько скромное, что в городе мало кто знает о его существовании». Автор газетной заметки, анализируя состав его членов, отмечал, что под словом «приказчик» обыкновенно подразумевался служащий у купца в лавке, магазине, на бирже и т. п., но по уставу пермского общества приказчиков, его членами могли быть не одни магазинные приказчики, но «вообще лица обоего пола, служащие в торговых и коммерческих учреждениях в г. Перми, как то: собственно приказчики (“молодцы”, как их называют некоторые из торговцев), бухгалтеры, конторщики, кассиры, комиссионеры, агенты, командиры пароходов, их помощники и даже – есть техники (параграф 9 устава)». В действительности так оно и было. Членами пермского общества приказчиков являлись «лица почти всех поименованных профессий». Средства свои пермское общество приказчиков до настоящего времени получало исключительно из членских взносов единовременных при вступлении – в 24 р., 12 р. и 6 р. и ежегодных в том же размере. Между тем, для увеличения своих средств общество могло, с надлежащего разрешения, устраивать публичные чтения, концерты, спектакли и т. п. В первый раз общество решило воспользоваться этим правом 26 февраля 1893 г., организовав при содействии любителей сценического искусства, литературный вечер в городском театре. Программа предполагала чтение сцен из драмы И.В. Шпажинского «Где любовь, там и напасть» и исполнение ролей из водевиля Н. Леонтьева «Шапка невидимка»⁴⁸⁸.

Появление аналогичного Общества взаимопомощи приказчиков в Екатеринбурге было тесно связано с решением вопроса об ограничении работы приказчиков в воскресные и праздничные дни, чего они добивались долгое время. Только с вступлением на должность городского головы И.И. Симанова этот вопрос был окончательно решен Екатеринбургской городской думой, отныне приказчики торговали по воскресеньям и в праздничные дни только с 12 до 2 часов дня. Современник так описывает события: радостные приказчики отслужили благодарственный молебен на Главной площади напротив Кафедрального собора, поднесли благодарственный адрес городскому голове. Преосвященнейший Нафанаил благословил приказчиков св. иконой Вознесения Господня. Певчие пропели: «Тебе Бога хвалим». После молебна И.И. Симанов сказал ответное слово приказчикам, которые собрались для этого в зале городской думы. Собрание приказчиков, «желая увековечить память сокращения торговых часов по праздничным дням и вместе с этим

⁴⁸⁶ Краткий очерк десятилетней деятельности общества взаимного вспоможения приказчиков в Екатеринбурге. Б.м., б.г. С. 2.

⁴⁸⁷ Верховланцев В. Город Пермь. Его прошлое и настоящее. Пермь, 1913. С. 14.

⁴⁸⁸ Пермское общество взаимного вспоможения приказчиков // Пермские губернские ведомости. 1893. 24 февраля. № 16. С. 67.

задаваясь мыслью о дальнейшем улучшении своего быта и положения», постановило: «Учредить в г. Екатеринбурге Общество взаимного вспоможения приказчиков». Была открыта подписка на сбор средств, разработан устав общества, который после некоторой переработки был утвержден 5 марта 1887 г. В сентябре общество приступило к своей работе. По уставу Общество взаимного вспоможения приказчиков в г. Екатеринбурге могло оказывать своим помощь различными способами, в частности, выдавая пособия членам общества на лечение, на похороны, а также членам, призванным на военную службу⁴⁸⁹.

Общества взаимопомощи приказчиков, как и другие общества взаимопомощи, практиковали не только экономическую, но и «духовную» поддержку, заботясь о культурном развитии своих членов. В качестве примера универсальной по характеру организации можно назвать профессиональное общество торговых и торгово-промышленных служащих г. Екатеринбурга, которое ставило перед собой решение не только экономических вопросов, включая задачи взаимопомощи и улучшения условий труда членов общества, но и «содействие умственному и духовному развитию своих членов», что отмечалось в его уставе. Для «поднятия культурного уровня членов о-ва, повышения профессиональных и общих знаний», общество могло устраивать: библиотеки, читальни, экскурсии на выставки и музеи, профессиональные лекции, чтения и курсы⁴⁹⁰. Уральский материал свидетельствует, что в дальнейшем общества взаимопомощи стремились к расширению своей деятельности. Так, Общество тружеников печатного дела, существовавшее в Перми, решило оживить и расширить свою деятельность путем преобразования общества в Союз рабочих печатного дела Перми, привлечь к его работе практически всех лиц, так или иначе связанных с печатным делом. В 1908 г. представители общества выработали новый устав, по которому задачами союза провозглашались: защита профессиональных интересов, содействие умственному и «моральному развитию» своих членов, а также оказание им материальной помощи⁴⁹¹.

Иногда общества взаимопомощи создавались по профессиональному и национально-религиозному принципам. Ярким примером этому является Общество взаимного вспоможения русско-православных торговцев в г. Екатеринбурге. Официально оно заявило о себе в 1912 г. Общества взаимопомощи, как и другие общественные организации в дореволюционной России, действовали на основании уставов. Так, в Уставе общества взаимного вспоможения русско-православных торговцев в г. Екатеринбурге очерчивался район его деятельности – Пермская губерния. В нем излагались задачи общества: поддерживать своих членов в материальном отношении и торгово-промышленных занятиях, содействовать улучшению и увеличению русско-национальной торговли, ходатайствовать об издании законов, направленных на защиту отечественной торговли, на основе православия содействовать развитию своих членов в культурном отношении, по мере возможности оказывать своим членам медицинскую и юридическую помощь.

Уставы обществ взаимопомощи были похожи, они регламентировали состав обществ, их бюджет, особенности управления, что можно охарактеризовать на примере Общества взаимного вспоможения русско-православных торговцев в г. Екатеринбурге. Действительными членами этого общества могли быть лица обоего пола, имеющие свою торговлю и притом только коренного русского происхождения и православного вероисповедания, а также единоверцы и старообрядцы. Организаторы этого общества, хотя и не имеющие своей торговли, также могли быть его членами. Что касается конкретных ограничений, то об этом в уставе говорилось: «Не могут быть членами общества несовершеннолетние, учащиеся в средних и низших учебных заведениях, состоящие на действительной военной службе воинские нижние чины, юнкера и лица, подвергавшиеся ограничению прав по суду, а также не только крещеные жиды, но и дети и внуки их».

Члены общества делились на действительных и почетных. К первой категории относились лица, которые при вступлении в общество вносили в общественную кассу единовременный пятирублевый взнос, а затем ежегодно платили по одному рублю. Почетными членами общества

⁴⁸⁹ Краткий очерк десятилетней деятельности общества взаимного вспоможения приказчиков в Екатеринбурге. С. 3–6, 24.

⁴⁹⁰ Открытие профессионального общества торгово-промышленных служащих г. Екатеринбурга // Зауральский край. 1915. 20 марта. № 64. С. 3.

⁴⁹¹ Уральский край. 1908. 26 августа. № 185.

могли быть лица обоего пола, которые пожертвовали в пользу общества не менее ста рублей, если при этом они соответствовали всем остальным критериям. Членские взносы, а также пожертвования и проценты с общественных капиталов главным образом составляли общественный бюджет⁴⁹².

Общественные средства могли расходоваться на устройство школ, библиотек, курсов, лекций и на иные культурные мероприятия, на выдачу единовременных и постоянных пособий и ссуд. Пособиями могли воспользоваться лишь те члены, которые пробыли в обществе не менее года. Единовременные пособия и ссуды выдавались по распоряжению общего собрания на им же определенные сроки⁴⁹³.

Управление делами общества осуществлялось общим собранием и правлением общества. Правление общества созывало общественные собрания не менее двух раз в году по мере надобности или по желанию 30 членов общества. Общее собрание считалось действительным, если на нем присутствовало не менее одной трети членов общества. Принятие решений осуществлялось закрытой или открытой баллотировкой в зависимости от их важности и желания его участников. Приговоры общего собрания получали обязательную силу после принятия их большинством голосов участников собрания. Правление общества, которое располагалось в Екатеринбурге, состояло из председателя, двух его товарищей, казначея, делопроизводителя и счетовода. Члены правления избирались общим собранием прямой закрытой баллотировкой на один год. Они могли собираться по мере надобности, но не менее раза в неделю. На правление общества возлагались обязанности по исполнению постановлений общего собрания, выработка планов деятельности общества, прием членских взносов и пожертвований, представление к баллотировке желающих вступить в общество, выдача пособий и ссуд по решению общего собрания, работа с кредитными учреждениями, «сношение» с правительственными и частными учреждениями, наблюдение за правильным ведением отчетности общества, составление ежемесячных и годовых отчетов о действиях общества, заведование хозяйственными и вообще текущими делами общества, созыв общих собраний, наблюдение за исполнением устава. Решения правления общества принимаются большинством присутствующих членов⁴⁹⁴.

Общества взаимопомощи относились к числу наиболее многочисленных общественных организаций, которые существовали в городах Среднего Урала в конце XIX – начале XX в. Со временем их численный состав имел тенденции к росту. Так, к 1 января 1888 г. в Обществе взаимного вспоможения приказчиков в Екатеринбурге состояло 16 почетных и 100 действительных членов. На 1 января 1902 г. в этом обществе состояло уже 55 почетных и 398 действительных (всего 453 человек). В конце 1913 г. в нем насчитывалось внесших членские взносы 236 членов, а также 84 почетных члена, для которых были не обязательны взносы. Что касается 236 действительных членов, то среди них были: управляющие и доверенные – 34 человека, бухгалтеры – 10, конторщики – 36, приказчики – 94, кассиры – 11, «разных занятий хозяев, без права голоса» – 34⁴⁹⁵.

Членские взносы и пожертвования формировали общественный бюджет, который позволял обществам взаимопомощи осуществлять свои основные задачи. Так, обороты Общества взаимного вспоможения приказчиков в Екатеринбурге в 1913 г. были следующими: приход составлял 10 568 руб. 07 коп., а расход – 10 495 руб. 62 коп. К 1 января 1914 г. общество располагало 45 201 руб. 03 коп. В этом году общество смогло помочь своим членам разными способами: деньгами – 12 семьям, взносами за право учения – в трех случаях, приданым – в одном случае, на погребение – в одном случае. На оказание помощи нуждающимся общество израсходовало: 593 руб. – на ежемесячные безвозвратные пособия, 30 руб. – на похороны умершего члена, 13 руб. 10 коп. – на книги и одежду ученикам, 60 руб. – за право учения, 439 руб. – на пособия с возвратом, 2560 руб. – в виде срочных ссуд, 300 руб. – на врачебную помощь⁴⁹⁶.

⁴⁹² Устав общества взаимного вспоможения русско-православных торговцев в г. Екатеринбурге. Екатеринбург, 1912. С. 1–4.

⁴⁹³ Там же. С. 5–7.

⁴⁹⁴ Там же. С. 7–12.

⁴⁹⁵ 2-й (годовой) отчет правления Общества взаимного вспоможения приказчиков в Екатеринбурге. С 1-го января 1888 по 1-е января 1889 года. Екатеринбург, 1889. С. 2; XVI годичный отчет Правления Общества взаимного вспоможения Приказчиков в г. Екатеринбурге. С 1-го января 1902 по 1-е января 1903 года. Екатеринбург, 1903. С. 3; ГАПО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 3. Л. 1 об., 8 об.

⁴⁹⁶ ГАПО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–2 об., 8, 45 об.

Одной из главных задач, которые общество ставило перед собой, была защита наемного труда. Встречая нарушения на практике, правление общества неоднократно сообщало о них местным властям и ходатайствовало о пресечении нарушений, но не всегда удавалось добиться желаемого результата. Так, осенью 1913 г. получив заявление служащих фруктовых балаганов о том, что хозяева заставляют их работать до поздней ночи и по праздникам, правление общества обратилось к участковым попечителям В.С. Вяткину и Е.И. Шарарову с просьбой заявить протест, т.к. по обязательному постановлению эти балаганы имели право торговать только до 7 часов вечера, а по праздникам должны быть закрыты. Вяткин и Шараров взялись за это дело, составили несколько протоколов, но не встретили поддержки ни местной полиции, ни городской управы.⁴⁹⁷

Показательны факты, свидетельствующие о стремлении обществ взаимопомощи к взаимодействию и защите своих профессиональных интересов посредством проведения всероссийских съездов общественных представителей. Так, в 1896 г. в Нижнем Новгороде состоялся первый съезд представителей обществ вспоможения частному служебному труду, а в 1898 г. в Москве – второй съезд, был и третий, и четвертый съезды. На последнем съезде, который проходил в Москве с 29 июня по 4 июля и был преждевременно закрыт по распоряжению администрации, участвовал представитель от Общества взаимного вспоможения приказчиков г. Екатеринбурга А.Я. Вейберт⁴⁹⁸.

Справедливости ради следует отметить, что общества взаимопомощи наряду с социально-экономическими задачами осуществляли функции организации досуга и повышения культуры своих членов. При них действовали библиотеки. В Шадринске библиотека функционировала при Обществе взаимопомощи приказчиков⁴⁹⁹. В «Отчете Профессионального О-ва служащих в торговых и торгово-промышленных предприятиях г. Екатеринбурга за 1910 год» рассказывалось об открытии библиотеки, в которой первоначально насчитывалось 800 томов книг, кроме того, в сентябре 1910 г. библиотечная комиссия выписала новую журнальную и книжную литературу «соответственно запросам приказчиц среды» на выделенные общим собранием 50 руб. В библиотеке имелась ежедневная местная газета «Уральский край». Библиотека общества работала ежедневно: в будние дни с 7 до 9 часов вечера, а в воскресные и праздничные – с 11 утра до 1 часа дня⁵⁰⁰.

Общество взаимного вспоможения приказчиков в Екатеринбурге имело библиотеку с читальным кабинетом, которой бесплатно могли пользоваться члены общества. Библиотека у общества появилась далеко не сразу: «Вначале общество, не располагая достаточными средствами для формирования собственной библиотеки, но, желая, однако, облегчить г.г. членам доступ к пользованию книгами, вошло в соглашение с Вас. Ив. Бабиновым, который и выразил свое согласие отпускать членам О-ва из своей библиотеки книги и журналы по уменьшенной цене». Члены общества получали абонементные билеты с 30% скидкой и освобождались от залога. В 1889–1890 гг. общество занималось решением вопроса об открытии собственной библиотеки, собирая необходимые средства. Активную и настойчивую позицию в рассмотрении этого вопроса принял председатель правления С.Н. Ведров, который заложил фундамент общественной библиотеки, пожертвовав свои собственные книги почти всех известных русских и иностранных классиков. Он же рекомендовал обществу и бесплатного библиотекаря в лице своего служащего И.Я. Алашкина. Примеру С.Н. Ведрова последовали и другие, благодаря «жертвователям» библиотека увеличивалась. В дальнейшем общество само выписывало «все лучшие русские журналы и газеты». В отчете Общества за десятилетний срок его деятельности отмечалось, что «библиотека О-ва стояла в одном ряду с лучшими Екатеринбургскими публичными библиотеками». Ежегодная подписка на газеты и журналы обходилась обществу в 200–250 руб. В библиотеке общества были «такие ценные по своему значению издания как Белинский, Щедрин, Добролюбов, Некрасов, Пушкин и друг.». К 1 января 1897 г. в библиотеке насчитывалось 2031 книга на сумму примерно 1649 руб. 70

⁴⁹⁷ ГАПО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 3. Л. 8–8 об.

⁴⁹⁸ Степанский А.Д. Общественные организации в России... С. 23–25; ГАПО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.

⁴⁹⁹ Миненко Н.А. Досуг и развлечения уральских горожан в XVIII – начале XX в. // Уральский город XVIII – история повседневности / Е.Ю. Апкаримова, С.В. Голикова, Н.А. Миненко, Т.П. Мосунова. Общ. ред. докт. ист. наук, проф. Н.А. Миненко. Екатеринбург, 2000. С. 31.

⁵⁰⁰ Отчет Профессионального О-ва служащих в торговых и торгово-промышленных предприятиях г. Екатеринбурга за 1910 год. Екатеринбург, 1911. С. 4, 13.

коп. Подводя итоги своей работы, общественники пришли к выводу: «Десятилетний опыт (1887–1897 гг. – Е.К.) показал Обществу, какое важное значение имеет для его членов библиотека и кабинет для чтения. Мало читавшие до тех пор приказчики получили бесплатный доступ к самым лучшим книгам, журналам и газетам. Количество читающих членов ежегодно увеличивается». В 1895 г. количество книг, прочитанных членами общества, достигало 8134 экземпляров (в среднем по 40 прочитанных книг на человека). Отмечался интерес читателей и к «книгам с серьезным содержанием». Библиотекарями при обществе состояли И.Я. Алалыкин, И.Ф. Фирсов, Н.М. Мамаева. В 1897 г. ей заведовал действительный член общества И.А. Басков⁵⁰¹.

Из отчета Екатеринбургского Общества взаимного вспоможения приказчиков за 1902 г. следует, что библиотека при нем работала ежедневно в будни с 5 до 10 часов вечера, а в праздничные дни с 3-х до 8-ми часов вечера. С 1-го мая по 1-е сентября по праздничным дням она была закрыта. В 1902 г. обществом было выдано 207 абонементных книжек (по данным на 1 января 1902 г. в Обществе насчитывалось 453 члена, а к 1 января 1903 г. – 451), по которым за год было выдано читателям 9985 книг. По сведениям на 1 января 1903 г. в библиотеке насчитывалось свыше 3000 томов книг. Она активно пополнялась. Только в 1902 г. на выписку газет и журналов общество израсходовало 237 руб. 60 коп. Выписывались ежедневные издания: «Новое время», «Русские ведомости», «Россия», «Биржевые ведомости», «Волгар», «Урал», «Уральская жизнь», а также еженедельные издания: «Север», «Нива», «Родина», «Всходы», «Будильник», «Осколки», «Природа и люди», «Вокруг света», «Вестник моды», «Журнал для всех», «Счетоводство» и ежемесячные журналы: «Русская мысль», «Русское богатство», «Исторический вестник», «Мир Божий», «Вестник иностранной литературы», «Детское чтение», «Вестник воспитания», «Родник». Регулярным был расход на выплату жалованью библиотекарю, который в 1902 г. составил 122 руб.⁵⁰²

В ноябре 1910 г. Шадринская дума разрешила местному обществу взаимопомощи приказчиков открыть второй в городе кинематограф, который сначала разместили в дощатом здании цирка Быкова (около общественного сада на Хлебной площади), а затем его переместили в зрительный зал двухэтажного здания Общества приказчиков (угол современных Комсомольской и Октябрьской улиц). С завершением строительства здания театра общества приказчиков в 1911 г. там же разместился и кинематограф. Здесь работал драмтеатр и показывались фильмы⁵⁰³.

Программа культурно-развлекательных мероприятий Шадринского общества взаимопомощи приказчиков отличалась насыщенностью и разнообразием. Из отчета о его финансовой деятельности за март 1911 – начало февраля 1912 г. следует, что за этот период в помещении общества состоялось 15 маскарадов. В том же помещении за год провели 2 любительских спектакля, 14 спектаклей местной и 17 спектаклей приглашенной труппы, а также 6 детских вечеров (в том числе один костюмированный), 2 танцевальных и 1 юбилейный (посвященный юбилею Общества вспомоществования приказчиков) и «елку» (31 декабря)⁵⁰⁴.

Мероприятия по организации общественного досуга приносили прибыль Шадринскому обществу приказчиков. Так, в 1914 г. членские взносы с действительных членов составили 659 руб. 50 коп., а с членов соревнователей – 283 руб., тогда как валовая выручка от кинематографа достигала 10 663 руб., «от биллиардов 2720 руб. 55 коп.; от спектаклей 8897 руб. 64 коп., от карт 1845 руб. 90 коп., от чайного буфета 2030 руб. 08 коп.» (всего доходы общества составили 37 634 руб. 21 коп.). Впрочем, для организации общественного досуга требовались и значительные затраты. В 1914 г. расходы на пополнение библиотеки театральными пьесами составили 47 руб. 75 коп., на выписку газет и журналов – 76 руб. 50 коп., на приобретение инвентаря – 3456 руб. 61 коп., по продаже карт – 950 руб. 20 коп., для организации игры в биллиард – 522 руб. 36 коп., содержание чайного буфета – 1144 руб. 94 коп., на кинематограф – 7365 руб. 20 коп. и т.д. В целом же, развлекательные мероприятия окупали себя. Убыточным для общества было только содержание драматической труппы артистов (антреприза дала убыток в размере 130 руб. 99 коп.). Чистой прибыли от раз-

⁵⁰¹ Краткий очерк десятилетней деятельности Общества взаимного вспоможения приказчиков в Екатеринбурге. С. 27–29.

⁵⁰² XVI годичный отчет Правления Общества взаимного вспоможения приказчиков в г. Екатеринбурге. С 1-го января 1902 по 1-е января 1903 года. С. 4–5, 7.

⁵⁰³ Пушкарев Н.Г. Кинематограф в Шадринске // Шадринская старина. 1995. Краеведческий альманах. Шадринск, 1995. С. 138–139.

⁵⁰⁴ Миненко Н.А. Досуг и развлечения уральских горожан ... С. 16.

ных других предприятий в 1914 г. обществом было получено 8453 руб. 91 коп., в том числе: «от кинематографа 3297 руб. 81 коп., от карт 895 руб. 70 коп., от сдачи помещения 1177 руб. 07 коп., от биллиардов 2198 руб. 19 коп. и от чайного буфета 885 руб. 14 коп.»⁵⁰⁵.

Общества взаимопомощи содействовали развитию профессионального образования не только путем оказания пособий нуждающимся ученикам. Об этом свидетельствует следующий факт. 27 октября 1902 г. состоялось торжественное открытие Торговой школы при Обществе взаимного вспоможения приказчиков г. Екатеринбурга. По этому случаю был отслужен молебен. Предполагалось, что в ней будут преподаваться: Закон Божий, русский язык, товароведение, коммерция, география, арифметика, немецкий язык, история, бухгалтерия, геометрия, черчение, корреспонденция, химия и каллиграфия. Школа открывалась сначала в составе двух классов (первого и «приготовительного»). Было принято 90 учеников, прошений было подано 100. Нужно отметить, что со времени появления идеи об открытии школы до ее реального появления прошло немало лет. Еще в 1890 г. бывший председатель правления Общества взаимного вспоможения приказчиков г. Екатеринбурга Ведров высказывал мысль об открытии при обществе приказчиков профессиональной школы, которая бы готовила детей приказчиков к торговой работе. Тогда же был сформирован соответствующий фонд, сам Ведров пожертвовал 300 руб. и еще 610 руб. дала подписка. Но только через 10 лет благодаря энергии почетного гражданина Екатеринбурга и почетного члена Общества приказчиков А.И. Кожевникова наметились более реальные шаги по открытию школы. Правление Общества взаимного вспоможения приказчиков Екатеринбурга во главе с председателем Н.А. Ворожцовым поддержало призыв А.И. Кожевникова приступить к делу. 12 декабря 1900 г. было созвано общее собрание членов Общества взаимного вспоможения приказчиков г. Екатеринбурга, на обсуждение которого было вынесено предложение А.И. Кожевникова об открытии при обществе Торговой школы. Собрание поддержало идею и постановило: отпускать ежегодно из средств общества от 500 до 1000 руб. ежегодно пока школа будет нуждаться в деньгах, открыть подписку на составление неприкосновенного фонда Торговой школы, проценты с которого поступали бы на содержание школы, уполномочить правление ходатайствовать перед местными городской думой и земской управой о субсидиях на Торговую школу и поручить правлению пригласить сведущих людей для совместной выработки устава Торговой школы и представить его на утверждение правительства. Впоследствии неприкосновенный фонд Торговой школы составил 5000 руб. Городская дума согласилась ежегодно отпускать на содержание школы 1000 руб., а Екатеринбургское уездное земство по 500 руб. ежегодно. Кроме того, нашлись и другие благотворители. 30 марта 1901 г. проект устава Торговой школы был выработан и 25 января 1902 г. утвержден министром финансов. Тогда же министр утвердил решение купеческого собрания во главе с М.М. Ощурковым, постановившего обложить купеческие свидетельства двух разрядов 6% сбором в пользу Торговой школы⁵⁰⁶. Торговая школа успешно функционировала в Екатеринбурге и пользовалась популярностью местного населения. В сентябре 1913 г. правление общества организовало при ней курсы бухгалтерии и корреспонденции, на которые записались около 50 слушателей. Посещало их реально около половины записавшихся, а аттестаты получили 15 человек⁵⁰⁷.

Общество взаимного вспоможения приказчиков города Оренбурга тоже вело достаточно обширную работу, направляя свои усилия на улучшение материального положения своих членов, обучение их детей, занималось выдачей ссуд и пособий, устройством образовательных курсов. Сходные задачи ставил перед собой Союз приказчиков и конторщиков: улучшение материального и правового положения своих членов, содействие их умственному и профессиональному развитию, защита их интересов и оказание материальной поддержки⁵⁰⁸.

Первая русская революция ознаменовала собой новый этап в процессе профессионализации в России, в частности, в истории профессиональных общественных объединений. В дополнение к действовавшим обществам взаимопомощи и другим общественным организациям професси-

⁵⁰⁵ Шадринск // Зауральский край. 1915. 31 марта. № 70. С. 4.

⁵⁰⁶ XVI годичный отчет Правления Общества Взаимного Вспоможения Приказчиков в г. Екатеринбурге. С 1-го января 1902 по 1-е января 1903 года. С. 62–65.

⁵⁰⁷ ГАПО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.

⁵⁰⁸ Райский П.Д. Путеводитель по городу Оренбургу. Оренбург, 2000. С. 151–152.

ональной направленности вырастали профсоюзы с целью организации борьбы трудящихся за улучшение условий труда и экономического положения в целом. Показательно соответствующее отражение процесса профессионализации в законодательстве начала XX в. В именном высочайшем указе правительствующему сенату от 4 марта 1906 г. «О временных правилах об обществах и союзах» регламентировались открытие и деятельность профессиональных обществ, которые «имели целью выяснение и согласование экономических интересов, улучшение условий труда своих членов или поднятие производительности принадлежащих им предприятий»⁵⁰⁹.

Высочайший указ правительствующему сенату «Временные правила об обществах и союзах» достаточно быстро стали достоянием широкой общественности. В частности, правила были опубликованы в газете «Уральская жизнь» (от 18 марта 1906 г.). В ст. 5 Правил регламентировался порядок открытия обществ, в ст. 6 говорилось, что запрещались общества: «а) преследующие цели, противные общественной нравственности или воспрещенные уголовным законом, или же угрожающие общественному спокойствию и безопасности, и б) управляемые учреждениями или лицами, находящимися за границей, если общества эти преследуют политические цели»⁵¹⁰. Заведывание делами об открытии, регистрации, воспрещении и закрытии обществ и союзов возлагалось на губернские или областные по делам об обществах присутствия в составе, установленном для губернских по земским и городским делам (по вопросам, касающимся городского общественного управления) и губернских или областных по городским делам присутствий в местностях, где эти последние присутствия учреждены. В ст. 17 указа говорилось, что «лица, желающие образовать общество, обязаны представить письменное о том заявление губернатору или градоначальнику, который, в случае встреченного им препятствия к образованию общества, передает на рассмотрение губернского или городского по делам об обществах присутствия. Если в течение двух недель со времени получения заявления губернатором или градоначальником лицам, подавшим заявление, не будет сообщено определение присутствия об отказе в удовлетворении заявления, с точным указанием оснований этого отказа, общество может открыть свои действия»⁵¹¹.

Процесс их открытия был непростым. А.С. Туманова, анализируя воплощение нового закона в жизнь, подчеркивает: «С особой строгостью подходили присутствия к регистрации уставов просветительских и профессиональных обществ, объединявших большие по численности группы населения и поднимавших достаточно острые социальные, а нередко и политические вопросы»⁵¹². Региональные материалы подтверждают эту тенденцию.

В газетной заметке «О профессиональных союзах», опубликованной в «Уральской жизни» (от 2 декабря 1906 г.), излагались новости: «На днях получен он губернской администрации утвержденный устав союза рабочих в чаеразвесочных Екатеринбурга. Учредители профессионального союза приказчиков получили от губернской администрации указания на некоторые отклонения проекта устава союза от установленных законом правил, и предложение изменить сообразно с этими указаниями устав. Главные изменения, которые будут сделаны в уставе союза, касаются отчетности, ведения книг и вообще административной деятельности союза. Устав подмастерьев часовщиков и рабочих по обработке благородного металла и камней утвержден. Союз типографских рабочих пока не утвержден»⁵¹³.

В архивном деле об утверждении устава профессионального общества приказчиков и конторщиков Оренбурга содержатся документы, свидетельствующие о том, что это общество открылось не с первой попытки его учредителей. В журнале Оренбургского губернского по делам об обществах присутствия от 9 декабря 1906 г. фиксировалось решение – в регистрации «Профессионального Общества приказчиков и конторщиков г. Оренбурга» отказать «вследствие допущенных Уставом этого Общества существенных нарушений п. 5 и 7 разд. 2 Высочайше утвержденных Правил 4 марта 1906 года»⁵¹⁴. После устранения замечаний учредители смогли добиться разрешения на его создание.

⁵⁰⁹ ПСЗ-3. Т. 26. № 27479.

⁵¹⁰ Уральская жизнь. 1906. 18 марта. № 62. С. 1–2.

⁵¹¹ Там же.

⁵¹² Туманова А.С. Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 годы. Тамбов, 2002. С. 286.

⁵¹³ О профессиональных союзах // Уральская жизнь. 1906. 2 декабря. № 260. С. 2.

⁵¹⁴ ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 169. Л. 5.

Политические партии старались использовать профессиональные сообщества в своих целях. Р.Б. Габдулхаков, в частности, показывает, что именно эсерами было создано в 1915 г. профессиональное «Общество торговых и торгово-промышленных служащих» в Екатеринбурге⁵¹⁵. Когда деятельность обществ приобретала политический характер к ним могли применяться репрессии. 17 февраля 1909 г. «за бесплодное политиканство» губернатором было закрыто общество приказчиков, на которое оказывали влияние социал-демократы во главе с Н.П. Патлатых и А. Трефиловым⁵¹⁶.

Уральским ремесленникам в плане общественной самоорганизации был свойственен путь от обществ взаимопомощи до профессиональных союзов. Уральские материалы подтверждают целесообразность деления организаций их взаимопомощи на общества и кассы, хотя следует согласиться с А.Д. Степанским, что иногда грань между ними трудноуловима. И все-таки если кассы чаще ограничивались только материальной взаимопомощью, то общества часто (но не всегда) практиковали «духовную» взаимопомощь, заботясь о культурном развитии своих членов⁵¹⁷.

Так, многосторонними были задачи, которые ставило перед собой Общество взаимного вспоможения екатеринбургских ремесленников, предусматривалась как материальная помощь членам общества и их семьям (выдача единовременных и постоянных пособий членам общества по случаю болезни, увечья, отсутствия заработка, а также и их осиротевшим семействам; выдача процентных и беспроцентных ссуд нуждающимся членам; помещение неспособных к труду в благотворительные учреждения за счет общества и устройство благотворительных заведений для своих членов и их семей самим обществом; оказание медицинской помощи), так и забота о повышении уровня их грамотности и образования (устройство детей в учебные заведения, а с увеличением средств общества открытие собственной библиотеки преимущественно ремесленно-технического и общеобразовательного характера)⁵¹⁸.

Наряду с подобными организациями ремесленников, которые оказывали разные виды помощи, существовали специализированные по функциям общества (например, ссудо-сберегательного типа). Более узкие цели ставили перед собой Пермское ремесленное ссудо-сберегательное товарищество или, например, ссудо-сберегательная касса ремесленников Екатеринбурга.

Что касается членского состава, то, как правило, общества и кассы взаимопомощи ремесленников носили ограниченный, сословный характер. В административно-территориальном отношении они распространяли свою деятельность только на город или на город с соответствующим уездом. Так, членами Общества взаимного вспоможения екатеринбургских ремесленников по уставу, утвержденному министерством внутренних дел 25 ноября 1889 г., могли быть все ремесленники Екатеринбурга и его уезда. Только ремесленник мог иметь статус действительного члена этого общества, почетными же его членами могли быть «лица всякого звания, оказавшие обществу особые услуги», а также жертвователи сумм и плательщики более крупных взносов. Однако почетные члены общества не имели права на получение пособий из общественной кассы; они также не могли избираться на общественные должности и не имели права голоса на общих собраниях. Членами ссудо-сберегательной кассы ремесленников Екатеринбурга могли быть только екатеринбургские ремесленники⁵¹⁹. По сравнению с другими общественными организациями общества, кассы или товарищества взаимопомощи включали довольно большое число членов. Так, к началу 1907 г. в Пермском ремесленном ссудо-сберегательном товариществе насчитывалось 250 человек⁵²⁰.

Эти социальные институты взаимопомощи, которые появились в Перми и Екатеринбурге на рубеже веков отчасти компенсировали слабеющую роль ремесленных обществ с их сословными органами самоуправления. Показательна их частичная преемственность в функциональном отношении и даже в руководящем составе. Так, 10 января 1904 г. в помещении упраздненной ремесленной управы под председательством бывшего ремесленного старосты И.С. Акулова состоялось учредительное собрание членов ссудо-сберегательной кассы ремесленников Екатеринбурга. На

⁵¹⁵ Габдулхаков Р.Б. Особенности политической деятельности эсеров на Урале (1907 – февраль 1917 г.) // Вестник ОГУ. 2014. № 10. С. 75.

⁵¹⁶ Трапезников В.Н. Летопись города Перми. С. 152.

⁵¹⁷ Степанский А.Д. Общественные организации в России... С. 20–21.

⁵¹⁸ Устав общества взаимного вспоможения екатеринбургских ремесленников. Екатеринбург, 1900. С. 1–2.

⁵¹⁹ Там же. С. 3–5; Уральская жизнь. 1904. 14 января. № 14. С. 2.

⁵²⁰ Отчет Пермского ремесленного ссудо-сберегательного товарищества. За 1906 год. Пермь, 1907. С. 3–9.

нем присутствовали 20 человек. После открытия собрания был прочитан утвержденный правительственной властью устав кассы, составленный с небольшими изменениями по образцу подобных касс, существовавших в других городах. В частности, отмечалось, что операции и отчеты новой кассы должны состоять под правительственным контролем. Средства кассы образовывались из 5000 руб., «подлежащих возврату кассе, из сумм выданных в ссуду из капитала бывшего ремесленного общества под заемные обязательства». Капитал ремесленного общества к тому времени достигал около 18 000 руб., из которых около 4000 руб. были в наличности и хранились в местной конторе государственного банка, остальная же сумма в размере около 14 000 руб. находилась в долгах у ремесленников. Средства кассы должны были делиться на основной и запасный капиталы. Членский взнос устанавливался в размере 3 руб. в год. Взаимопомощь членам общества могла оказываться двумя основными способами: в случае тяжелой болезни члена ссудо-сберегательной кассы или кого-нибудь из его семьи или при несчастном случае правление кассы могло назначать безвозвратное пособие не более 100 руб. для одной семьи или человека; выдавать ссуды в сумме до 20 руб. – по усмотрению правления кассы без поручителя или с одним поручителем, до 50 руб. – с одним или двумя поручителями (крайний срок ссуды составлял 12 месяцев, размер процентов должно было определять общее собрание участников кассы). Для заведования кассой избирался на один год председатель (он же кассир) и два члена правления, товарищ председателя и кандидаты в члены правления, четыре члена ревизионной комиссии с поочередным исполнением своих обязанностей (по два месяца) и два кандидата к ним. Губернское правление разрешило открыть действия новой кассы. Собрание избрало должностных лиц: председателем правления стал И.С. Акулов, членами правления – А.Я. Ларищев и А.А. Арапов, товарищем председателя (кандидатом) – В.А. Ключев, кандидатами в члены правления – А.А. Погудин и А.И. Кукарцев, членами ревизионной комиссии – П.Е. Аникин, А.А. Зайцев, П.Г. Савичев и М.М. Крылов, кандидатами к ним – А.В. Лебзин и С.В. Лескин⁵²¹.

Наряду с сословной принадлежностью при организации структур взаимопомощи могла учитываться национальная принадлежность. Так, накануне Первой мировой войны в Екатеринбурге существовало Еврейское благотворительное общество и Еврейское ссудо-сберегательное товарищество. Это товарищество выдавало ремесленникам-евреям ссуды на приобретение инструментов, на устройство ремесленного дела, на его расширение. Ссуды выдавались возвратные и краткосрочные. Средства общества формировались из членских взносов и вкладов. В Екатеринбурге существовало также отделение Петроградского общества содействия развитию ремесленных знаний среди евреев. Оно также выдавало ремесленникам краткосрочные ссуды, а в некоторых случаях помогало и торговцам. Размеры ссуды обычно не превышали 200 руб., причем с обязательным погашением ее ежемесячными взносами от 50 руб.⁵²².

Средства обществ взаимопомощи формировались главным образом из членских взносов, пожертвований, доходов от устраиваемых ими культурных мероприятий (концертов, спектаклей, гуляний и т.п.), доходов от принадлежащей им недвижимости и процентов с принадлежащих им капиталов. Все средства того или иного общества обычно делились на оборотный и запасный капиталы.

Управление делами организаций взаимопомощи обычно возлагалось на их правления и общие собрания членов. По уставу общества взаимного вспоможения екатеринбургских ремесленников правление общества должно было состоять из 6 членов, избираемых общим собранием общественников из числа действительных членов общества. В составе правления могли присутствовать только по одному представителю от одного цеха. На случай отсутствия членов правления по болезни или по другим уважительным причинам избирались кандидаты на их должности. Члены правления могли неоднократно избираться на эту должность. Показательно, что общества взаимопомощи сохраняли некоторые сословные корпоративные традиции. Так, по уставу никто из действительных членов общества был «не вправе отказываться от исполнения возлагаемых на него общим собранием обязанностей, за исключением лиц, исполнявших какие-либо обязанности в течение истекшего отчетного года». Члены правления выбирали из своей среды председателя и

⁵²¹ Уральская жизнь. 1904. 14 января. № 14. С. 2.

⁵²² Екатеринбургской городской думе. Доклад о реорганизации дела призрения бедных в г. Екатеринбурге. Гласного городской думы присяжного поверенного К.М. Гавриленко. 1915–1916 гг. Екатеринбург, 1916. С. 48.

кассира, а при необходимости и бухгалтера. Члены правления и ревизионной комиссии, избираемой для проверки отчета и делопроизводства общества, трудились безвозмездно. Дела в правлении решались простым большинством голосов, постановления считались действительными, если на собраниях правления присутствовало не менее четырех членов. К обязанностям правления относились: заведование бюджетом общества; ведение списков членов общества, жертвователей и лиц, получающих пособия от общества; проверка кассы и ведение денежной отчетности, контроль за общественным имуществом; составление годовых отчетов о работе общества и смет; рассмотрение и решение просьб о назначении пособий, определение их размеров; исполнение поручений общих собраний; созыв годичных и чрезвычайных общих собраний; переписка общества с различными лицами и учреждениями. В сферу компетенции общих собраний общества входило: избрание членов правления и ревизионной комиссии; «поверка и утверждение отчетов правления»; рассмотрение жалоб на работу правления и разрешение вопросов, превышающих власть правления; исключение членов из общества; рассмотрение предложений об изменении и дополнении устава общества; утверждение инструкций для правления и ревизионной комиссии и принятие постановления о закрытии общества. В общих собраниях председательствовал один из членов общества по выбору собрания. Общие собрания считались действительными при наличии не менее половины живущих в Екатеринбурге членов общества, за исключением вопросов об изменении устава или о закрытии общества, когда требовалось присутствие 2/3 членов общества (в этих случаях постановления принимались 2/3 голосов участников собрания, тогда как текущие дела в общих собраниях решались простым большинством голосов присутствующих)⁵²³.

Управление Пермским ремесленным ссудо-сберегательным товариществом осуществлялось общим собранием членов, советом и правлением общества. Члены совета проверяли денежные книги, документы и отчетность правления товарищества. В 1906 г. совет провел 23 заседания, на которых рассматривалась кредитоспособность членов товарищества, решались вопросы о возможности выдачи ссуд, принятии новых членов или увольнении из членов товарищества. Так, в 1906 г. была разрешена выдача ссуд 199 членам товарищества на сумму 19 325 руб. Успешная деятельность ссудо-сберегательного товарищества ремесленников позволила пермскому комитету по постройке в Перми новой церкви во имя св. Феодосия Черниговского чудотворца обратиться в 1906 г. к правлению товарищества об оказании посильной помощи в деле завершения строительства храма⁵²⁴.

Общества взаимопомощи могли закрываться как по решению самих общественников, так и по желанию государственной администрации. Так, в Уставе общества взаимного вспоможения екатеринбургских ремесленников отмечалось, что общество может быть закрыто по постановлению общего собрания в составе 2/3 членов общества и по большинству 2/3 голосов участников этого собрания, так и по распоряжению губернатора, имеющего «права закрывать общества при обнаружении в них чего-либо противного государственному порядку, общественной безопасности и нравственности»⁵²⁵. Однако материалы Перми и Екатеринбурга рубежа XIX–XX вв. свидетельствуют, что организации взаимопомощи ремесленников действовали, не выходя за рамки своих уставов, помогая средним слоям городского населения выживать в кризисных социально-экономических условиях и в трудные личные моменты жизни, преимущественно оказывая им материальную поддержку ссудами и пособиями.

Уральская периодика в годы Первой русской революции немало писала о процессах профессионализации и политизации в регионе. В разделе «Хроника» газеты «Уральский край» сообщалось, например: «Среди местных ремесленников рабочих, служащих у владельцев ремесленных заведений возникла мысль организовать в профессиональный союз. Окончательное решение вопроса об организации отложено до общего собрания рабочих-ремесленников, на котором будет избрана особая комиссия для выработки устава союза. В члены союза будут приниматься ремесленники всех существующих профессий»⁵²⁶. В другом номере газеты корреспондент писал: «В воскресенье, 18 ноября, в фойе городского театра состоится общее собрание членов профес-

⁵²³ Устав общества взаимного вспоможения екатеринбургских ремесленников. Екатеринбург, 1900. С. 6–11.

⁵²⁴ Отчет Пермского ремесленного ссудо-сберегательного товарищества. За 1906 год. Пермь, 1907. С. 3–9.

⁵²⁵ Устав общества взаимного вспоможения екатеринбургских ремесленников. Екатеринбург, 1900. С. 11.

⁵²⁶ Профессиональный союз // Уральский край. 1907. № 52. С. 3.

сионального союза пекарей, кондитеров и булочников. Программа занятий собрания следующая: 1) чтение доклада учредителей союза устава союза и разъяснение последнего; 2) доклад об экономическом положении рабочих; 3) доклад об алкоголизме»⁵²⁷.

Общественно-политическая активность обществ взаимопомощи (предшественников профсоюзов) несколько возросла в годы революционных потрясений и последующее время. В 1905 г. особенно оживилось Общество тружеников печатного дела, когда в условиях забастовки всех типографских рабочих Перми, вызванной экономическими требованиями рабочих, казенная типография дольше всех не хотела делать каких-либо уступок рабочим, тогда как частные типографии искали компромиссов. Общество на чрезвычайном заседании 25 ноября 1905 г. постановило раздать в виде пособий весь свободный общественный капитал в количестве 500 руб. в случае, если забастовка затянется, и если к 1 декабря рабочие не получают компенсации за забастовочное время. Впрочем, забастовщики понимали, что сумма эта невелика. Даже членам общества (50 человекам, которые составляли седьмую часть всех типографских рабочих) этих средств могло хватить ненадолго. Между тем, стачечный комитет не располагал и такой суммой. «Для усиления средств» собрание печатников решило устроить концерт. В местной печати говорилось: «Нынешняя забастовка типографских рабочих наглядно на примере общества печатников показала последним необходимость профессиональных объединительных организаций». 25 и 26 ноября 1905 г. собрание типографских рабочих разработало устав союза типографских рабочих г. Перми. Предполагалось, что он объединит кроме типографских рабочих еще переплетчиков и граверов»⁵²⁸.

Не отставали от пермяков и екатеринбургские типографские рабочие, о чем на странице газеты «Уральский край» говорилось: «Организующийся в Екатеринбурге союз типографских рабочих на днях высылает устав союза на утверждение пермской губернской администрации. В союз будут приниматься только рабочие типографского дела»⁵²⁹.

Общество вспоможения книгопечатников в Оренбурге являлось объединением рабочих печатного и переплетного дела, общество ставило перед собой цель – содействие улучшению материальных и нравственных условий членов общества⁵³⁰.

Необходимость формирования собственного профессионального союза в 1906 г. осознавали и уральские фельдшеры. В периодике была опубликована заметка следующего содержания: «Группа фельдшеров вновь послала на днях на утверждение пермской губернской администрации устав уральского союза фельдшеров. Необходимость подобной организации на Урале давно уже назрела, было бы весьма желательно, чтобы к утверждению устава союза не встретилось никаких препятствий»⁵³¹.

Обращаясь к истории общественных организаций в региональном измерении, можно обнаружить проявления региональной специфики Урала. Неудивительно, что именно в «горнозаводской столице Урала» появилось Общество уральских горных техников. Оно было основано в Екатеринбурге в 1901 г.

По Уставу общества уральских горных техников, утвержденному 13 ноября 1901 г. провозглашалось, что общество создается «с целью: а) выдавать пособия нуждающимся членам Общества и их семьям, б) выдавать членам Общества ссуды, в) оказывать в деле воспитания и образования помощь и попечение сиротам умерших членов, г) оказывать содействие в приискании занятий членам и д) способствовать ознакомлению членов с успехами техники горнозаводского дела». Предполагалось, что капитал общества будет формироваться: «а) из единовременных и ежегодных членских взносов, б) из процентов на капиталы Общества, в) из прибылей и процентов от выданных членам ссуд (параграф 24), г) из пожертвований в пользу Общества, д) из сборов от устраиваемых, с особого каждый раз разрешения и с соблюдением установленных на то правил: благотворительных спектаклей, концертов и прочее, в количестве не более четырех в год и е) из других случайных поступлений». Уставом регламентировался состав общества. Пред-

⁵²⁷ Собрание булочников // Уральский край. 1907. № 250. С. 3.

⁵²⁸ Уральская жизнь. 1905. 2 декабря. № 270. С. 3.

⁵²⁹ Профессиональный союз // Уральский край. 1906. № 171. С. 2.

⁵³⁰ Райский П.Д. Путеводитель по городу Оренбургу. Оренбург, 2000. С. 152.

⁵³¹ Союз фельдшеров // Уральский край. 1906. № 160. С. 3.

полагалось деление его членов на действительных и почетных: «Число членов не ограничено. Действительные члены принимаются Правлением Общества простым большинством голосов, а почетные избираются общим собранием закрытой баллотировкой». Предполагались некоторые ограничения по принятию действительных членов, которыми могли быть «русские подданные, без различия вероисповеданий, окончившие курсы в Уральском Горном училище и других горных или технических училищах, а также лица занимающие технические должности по горной части, окончившие курсы в средних учебных заведениях»⁵³².

Через три года в обществе насчитывалось действительных 210 членов. Его почетными членами являлись представители как гражданской администрации, так и горнозаводской власти. В списке почетных членов в 1904 г. значились: министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов, директор Горного департамента Н.А. Иосса, главный начальник уральских горных заводов П.П. Боклевский, бывший пермский губернатор Д.Г. Арсеньев, бывший главный начальник уральских горных заводов И.П. Иванов и бывший управляющий Уральского горного училища Н.Е. Китаев. Численный состав общества расширился довольно быстро. Только за 1904 г. в Общество вступило 39 новых членов (из них 27 окончили Уральское горное училище, 8 – Нижне-Тагильское горнозаводское училище, а один имел университетское образование)⁵³³.

При обществе успешно действовало бюро по приисканию занятий членам общества. В 1904 г. оно помогло найти служебные места 26 человекам, а в предыдущем – 16. Правление общества не только указывало, но и рекомендовало служащих. Оно строго следило за репутацией общества, в дальнейшем просило те фирмы, куда рекомендовались техники, давать отзывы об их работе. Лица, которые получали работу благодаря бюро, должны были платить 5% (сбор с действительных членов) или 10% (с не членов общества). Практика показала обременительность сбора. В результате решено было сократить его и брать только с годовых окладов в 720 руб. и более, а с остальных лишь суммы для погашения почтовых и телеграфных расходов. Размеры сборов дифференцировались: от 720 до 1000 руб. – 2%, от 1000 до 1500 руб. – 3%, от 1500 и выше – 5%. Для лиц, которые не являлись членами общества, но пользовались услугами его бюро, размеры сборов увеличивались в два раза⁵³⁴. Понимания необходимость социальных гарантий по старости, члены общества думали о создании пенсионной кассы, используя опыт земцев.

Из отчета Общества уральских горных техников за 1904 г. следует, что при нем действовал отдел технических бесед, на которых члены общества слушали доклады на профессиональные темы. Например, 29 февраля 1904 г. были прочитаны доклады: П.П. Поличенко «Опытная плавка медных руд на Вознесенском заводе Воскресенского общества», Секачева «О креплении горных выработок на Кувинских рудниках», А.К. Кузнецова «Перекрепление шахт и других выработок». Активно слушались доклады в апреле и ноябре отчетного года. Иногда доклады печатались в специальных изданиях; например, в «Уральском горном обозрении» были опубликованы работы: «Алмазы на Урале» (в №№ 1 и 2) и «Мартеновская плавка» (в № 22). Для пользования членами общества был также отпечатан доклад П.П. Поличенко «Опытная плавка медных руд на Вознесенском заводе Воскресенского общества». Технические беседы проходили в тесном помещении правления общества. Общество нашло полезной статью «О рудных месторождениях» (прения в Вашингтонском Геологическом обществе, перепечатана из «Engineering and Mining Journal», Нью-Йорк, май 1903 г.), переведенную горным инженером А.И. Рябининым. Издание продавалось по 70 коп., но правление Общества уральских горных техников обратилось к А.И. Рябину с просьбой снизить цену для действительных членов общества до 50 коп. за экземпляр в целях его большего распространения. Статья представляла большой интерес для специалистов в смысле выяснения характера месторождений с геологической стороны⁵³⁵.

При обществе имелась библиотека, в которой сначала насчитывалось 58 наименований до 100 томов (в том числе около 30 справочных изданий). Частично книги жертвовались, частично приобретались. В августе 1904 г. библиотека пополнилась вкладом семейства умершего инженера В.А. Писарева, включавшим «Горный журнал» за 12 лет (1892–1904 гг.), «Известия О-ва Гор-

⁵³² Устав общества уральских горных техников. Екатеринбург, 1915. Л. 1–3.

⁵³³ Отчет о деятельности Общества уральских горных техников за 1904 год. Екатеринбург. 1905. С. 9, 61–83.

⁵³⁴ Там же. С. 10–11.

⁵³⁵ Там же. С. 12–22.

ных Инженеров» за 7 лет (1892–1903 гг.) и до 10 различных технических книг и брошюр, а также каталоги многих технических русских и иностранных фирм. От семьи Писарева обществу было предоставлено право на получение журналов, выписанных им на 1904 г.: «Горного Журнала», «Известий Горных Инженеров» и «Вестника Золотопромышленности». В 1904 г. обществу удалось недорого купить библиотеку технического характера в количестве до 100 томов. В итоге к концу 1904 г. в библиотека общества насчитывалось до 242 наименований (до 600 томов)⁵³⁶.

Общество уральских горных техников располагало капиталом в размере 3601 руб. 15 коп. Материальная база позволяла обществу вполне успешно решать свои задачи, способствуя взаимопомощи и повышению профессиональной культуры своих членов.

Провинциальные (в том числе уральские учителя) в рассматриваемый период были активно включены в процесс профессионализации. Многие из них состояли в различных легальных педагогических обществах и обществах взаимопомощи учителей. С учетом тяжелого материального положения учителей низшей школы понятен тот факт, что их профессиональные объединения зарождались в форме обществ взаимопомощи. Первые общества взаимопомощи учителей в России возникли в 60-х годах XIX в., однако наибольшее их количество сформировалось во второй половине 90-х – начале 1900-х годов. Например, из 71 общества, числившегося на 1 января 1903 г., после 1895 г. были основаны 54 общества (77,4%). В отличие от педагогических обществ общества взаимопомощи объединяли довольно широкие массы учителей. В 1901 г. в 53 обществах взаимопомощи, давших сведения, состояло 21 695 членов⁵³⁷. И.В. Зубков, анализируя причины их создания, пишет, что «материальная необеспеченность, правовая незащищенность, неуверенность в своем будущем, одиночество и потребность общения с коллегами вызвали в 1890–1900-х гг. быстрое распространение обществ «взаимного вспомоществования учащихся и учивших в начальных училищах»⁵³⁸.

Общества взаимопомощи являлись легальными профессиональными организациями. В нормальном уставе, утвержденном Министерством народного просвещения 5 июля 1894 г. (и в добавлении к нему об уездных отделениях от 18 сентября 1903 г.), говорилось, что общества ставили своей целью оказание материальной помощи своим членам (в виде пособий и ссуд), подыскание им работы, предоставление удешевленной медицинской помощи, заботу об улучшении условий труда учителей, снабжении их книгами. По данным А.В. Ушакова на 1901 г. в 10 обществах имелись библиотеки, в 9 – кабинеты для чтения, в 2 – педагогические музеи, в 18 – общежития для обучающихся в городе учительских детей, в 2 – собственные санатории, в 8 – помещения для собраний, в 15 – квартиры для приезжающих в города учителей⁵³⁹.

Известно, что в начале XX в. на Урале довольно заметными были Общество взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных училищах Оренбургской губернии и аналогичное общество в Пермской губернии. Общество взаимопомощи в Оренбурге было основано в 1895 г. и до 1902 г. называлось Обществом взаимной помощи учащим и учившим в начальных училищах Оренбургской губернии, его правление располагалось в Оренбурге. Это общество выпускало «Учительский вестник». Просуществовало, как и многие другие общественные организации в России, до 1917 г.⁵⁴⁰.

Важное историческое значение профессиональных организаций осознавалось самими современниками. «Говорить о значении вообще союзов или обществ людей одной профессии, одной специальности, особенно в настоящее время, совершенно не приходится, т.к. значение и важность подобных организаций известна всем»⁵⁴¹, – писал действительный член общества И.М. Владимирский в исторической записке о десятилетнем существовании Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных училищах Оренбургской губернии.

И.М. Владимирский обозначал два периода в истории общества, обусловленные особенностями его деятельности. В первый период забота правящих лиц общества была направлена на

⁵³⁶ Там же. С. 29–37.

⁵³⁷ Ушаков А.В. Революционное движение демократической интеллигенции в России 1895–1904. М., 1976. С. 24–25.

⁵³⁸ Зубков И.В. Общества взаимопомощи учителей в российской империи (1890–1910-е гг.) // Российская история. 2011. № 5. С. 46.

⁵³⁹ Ушаков А.В. Революционное движение демократической интеллигенции в России 1895–1904. М., 1976. С. 24–25.

⁵⁴⁰ Боже В.С. Школьный мир дореволюционного Челябинска. Т. 2: Справочные материалы. Челябинск, 2006. С. 225.

⁵⁴¹ Отчет общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных училищах Оренбургской губернии за 1905 г. (одиннадцатый год). Оренбург. 1907. С. 84.

то, чтобы поднять материальное благосостояние общества и накопить средства для удовлетворения материальных нужд его членов. Во второй период наблюдался переход от целей «чисто материальных» к целям духовным⁵⁴². Эволюционируя и расширяя свою деятельность, пермское общество тоже стремилось к решению не только материальных проблем учительства (например, задумывалось о создании ссудо-сберегательной кассы для членов общества), но и собственно профессиональных вопросов – проблемы самообразования и, в частности, учреждения учительского дома в Перми⁵⁴³. Вынашивая идею постройки учительского дома в Перми, общественники полагали, что это «предприятие привлечет участие всех членов общества, послужит центром деятельности их, будет их общим делом, оживит и сплотит Пермское учительство в одну семью, а также будет оправдывать чисто профессиональные запросы его по всей губернии». Избранная для этой цели комиссия «наметила несколько пунктов, которые должен заключать учительский дом: 1. Центральную педагогическую библиотеку; 2. Музей и выставку детской литературы, учебников и учебных пособий; 3. Справочное педагогическое бюро; 4. Правление общества и правление кассы; 5. Лабораторию для опытов и работ учителей; 6. Зал для собраний и лекций; 7. Квартиры для учителей; 8. Образцовую школу»⁵⁴⁴. Идея учительских домов была позаимствована из Европы, где подобные учреждения действовали в Австрии, Англии, Германии и славянских странах. Эта идея была апробирована на российской почве – причем не только в Москве, но и в некоторых провинциальных городах (например, в Вологде)⁵⁴⁵. К сожалению, война помешала пермскому обществу осуществить многие прогрессивные начинания.

Другие же меры, которые требовали серьезных обществу финансовых расходов, правлением принимались и способствовали повышению профессионально-педагогической культуры провинциального учительства. В 1914 г., например, при обществе действовала передвижная библиотека, в форме выставки книг. Выставка продолжалась 16 дней, разъяснения и указания давались особым лицом, командированным правлением по желанию Соликамской управы. В 1915 г. правление намеревалось приобрести все педагогические журналы за 1915 год, а кроме того, «некоторые из журналов, начало изданий которых относится к ближайшему времени, приобрести за все время существования их». Начало этой ценной для учителей журнальной библиотеки было положено журналом «Свободное воспитание», номера которого за все время существования издания высылались бесплатно И.И. Горбуновым-Посадовым. В 1915 г. общество предполагало приобрести все, что возможно из литературы по методике русского языка и арифметике. Наконец, общество планировало издание «Библиографического спутника учителя». Очевидно, что члены общества ставили и по мере сил решали организационно-деятельностные и оценочно-информационные педагогические задачи, уделяя особое внимание технологическому компоненту профессионально-педагогической культуры.

Общество принимало активное участие в обсуждении вопроса об организации общества экспериментальной педагогики и психологической лаборатории. Предполагалось, что новое общество будет действовать с целью всестороннего изучения психофизиологической природы детей и воспитания условий ее развития и воспитания при помощи точных естественнонаучных методов и распространения в обществе научных сведений о детской природе и психологических основах воспитания и обучения. В разработанном уставе формулировались направления деятельности общества: устройство лаборатории экспериментальной педагогической психологии; проведение психофизиологических опытов и наблюдений над детьми; организация лекций и курсов и издание книг и брошюр по вопросам, относящимся к деятельности общества; обсуждение научных докладов и проведение съездов по экспериментальной педагогике⁵⁴⁶. Подобные факты свидетельствуют о том, что уральскому учительству были близки актуальные проблемы повышения методики воспитания и обучения и в целом профессиональной культуры преподавателя.

⁵⁴² Там же. С. 85.

⁵⁴³ Отчет общества вспомоществования учащим и учившим в низших учебных заведениях Пермской губернии ведомства Министерства народного просвещения за 1911 год. Пермь, 1912. С. 17.

⁵⁴⁴ Отчет общества вспомоществования учащим и учившим в низших учебных заведениях Пермской губернии ведомства Министерства народного просвещения за 1912 год. Пермь, 1913. С. 21–22.

⁵⁴⁵ <http://www.booksite.ru/education/main/teacher/7.htm>

⁵⁴⁶ Отчет общества вспомоществования учащим и учившим в низших учебных заведениях Пермской губернии ведомства Министерства народного просвещения за 1914 год. Пермь, 1915. С. 9–11.

Анализируя отчет о деятельности Осинского филиального отделения Общества вспомоществования учащим и учившим в низших учебных заведениях за 1912 г., можно видеть, что профессиональные вопросы доминировали в повестках заседаний этой организации. Например, обсуждались и решались проблемы обеспечения учителей педагогической литературой, установления сроков начала и окончания учебного года, целесообразности введения «меры переводных экзаменов», «способах увеличения числа учащихся и оканчивающих курс в начальной школе», проблем внешкольного образования, организации народных чтений и спектаклей, проведения съездов и курсов для учителей земством, «где бы учителя набрались сил и снова принялись за труды», создания педагогического музея⁵⁴⁷. Многие инициативы и постановления, принимаемые на этих заседаниях, успешно реализовывались собственными силами или при помощи земства. Многие свои текущие повседневные заботы общество учителей решало в тесном контакте с земством, регулярно выбирая своих представителей в школьную комиссию при земской управе, в строительные комитеты при земстве (это было важно в деле осуществления контроля за строительством школьных зданий)⁵⁴⁸.

Общества взаимопомощи, о чем свидетельствуют уральские материалы, способствовали укреплению профессиональной самоидентификации учителей. Важно обратить внимание, например, на поднимаемые учителями вопросы о повышении профессиональной этики и необходимости собственного профессионального суда, товарищеского суда или «суда чести». На заседании членов Осинского филиального отделения Общества вспомоществования учащим и учившим в низших учебных заведениях Осинского уезда Пермской губернии 30 декабря 1912 г. этот вопрос горячо обсуждался после доклада Севастьянова «О суде чести». Общественники понимали, что уставом это не предусматривалось, но считали вопрос чрезвычайно важным. Кочаков, например, убеждал «собратьев»: «При обществе суда установить нельзя, но рассматривать этот вопрос следует, потому что это важно для всех учащихся»⁵⁴⁹.

Следует подчеркнуть представительство от уральского учительства на I Всероссийском съезде учительских обществ взаимопомощи в Москве, на котором участвовали представители от 76 общественных организаций учителей и обсуждались профессиональные интересы российского учительства, принимались соответствующие резолюции о необходимости расширения прав и льгот учителей, принятии мер, способствующих повышению профессионально-педагогической культуры. Чтобы быть «выполнителем широких задач школы», учительство просило: «а) расширить программу учительских семинарий; б) открыть ему бесплатный доступ в средние и высшие учебные заведения; в) дать ему право отдавать отчет о своей педагогической деятельности училищному совету, а не представителям министерства народного просвещения, которые посещают школы только проездом; г) дать ему право защищать себя в училищных советах, земских и общественных учреждениях при увольнении от службы и переходе в другие училища». По докладу «О самообразовании народных преподавателей» съезд 4 января 1903 г. постановил: «а) ходатайствовать о понижении проездной платы по железным дорогам в тех случаях, когда поездки делаются с образовательными целями; б) признать необходимым устраивать для учительского персонала библиотеки, педагогические и общеобразовательные курсы»⁵⁵⁰.

На примере уральских учителей начальной школы в конце XIX – начала XX в. очевидно формирование профессионально-педагогической культуры на профессионально-групповом уровне. Уральские педагоги относились к довольно многочисленной группе учителей, о которой современный исследователь И.В. Зубков пишет: «Педагоги начальной школы были крупнейшей учительской группой (свыше 157 тыс. человек к концу 1915 г.) и являлись своеобразной частью интеллигенции, которую современники часто относили к “полуинтеллигентам”. Они, как правило, отличались низким уровнем образования (среди них была велика доля лиц с образованием ниже

⁵⁴⁷ Отчет о деятельности Осинского филиального отделения Общества вспомоществования учащим и учившим в низших учебных заведениях Осинского уезда, Пермской губернии Ведомства Министерства народного просвещения. За 1912 год. Оса, 1913. С. 7, 10–11, 17, 19, 21, 27, 30–35.

⁵⁴⁸ Там же.

⁵⁴⁹ Там же. С. 33–35.

⁵⁵⁰ Отчет общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных училищах Оренбургской губернии за 1903 г. (Девятый год деятельности общества). Оренбург, 1904. С. 16–19.

среднего, а лица с высшим образованием встречались редко), народническими настроениями, маргинальным положением на рынке интеллигентного труда»⁵⁵¹.

Историческое значение общественных организаций педагогов начальной школы заключалось не только в плане их формирования профессиональной идентичности и профессионально-педагогической культуры, но и в формировании гражданского самосознания учительства. В одном из отчетов Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных училищах Оренбургской губернии подчеркивалось: «Ведь только объединяясь в том или другом виде, мы можем чувствовать себя полноправными гражданами-работниками на ниве народной и не за страх только, а за совесть, за наш долг перед народом»⁵⁵². Можно видеть включение общечеловеческих (в том числе гражданских) ценностей в палитру педагогических ценностей. Стержнем социально-педагогических ценностей народных учителей являлись православные идеалы. В «Отчете директора народных училищ Оренбургской губернии о занятиях на съезде учителей и учительниц начальных училищ» (Оренбург, 1877 г.) приводились слова: «Тот – учитель, кто преподает учение, взятое от Духа Божия. Мы учителя, если можем сообщить своему делу религиозных характер». Настоятель Оренбургского прихода священник о. Андрей (Невзоров) наставлял: «Можно ли думать, что ваш долг исключительно преподавать некоторые другие науки и только? Религия светила гораздо прежде науки»⁵⁵³.

Показательно, что общественная жизнь пробуждалась в самых отдаленных уголках уральской «глубинки». По «Уставу общества учащихся Верхотурского уезда Пермской губернии» его учредители ставили цели: «а) дать преподавателям всех учебных заведений Верхотурского уезда и его окрестностей, а также лицам, посвятившим себя частной педагогической деятельности и вообще интересующимся вопросами педагогики, возможность совместно обсуждать вопросы педагогического характера; б) содействовать взаимному сближению учащихся указанных категорий на почве, во-первых, совместного обсуждения разных вопросов из практики воспитания и обучения детей; во-вторых, культурно-просветительной деятельности и, в-третьих, взаимопомощи учащим – нравственной и материальной»⁵⁵⁴.

Способы достижения поставленных целей были достаточно традиционными для своего времени: проведение общих собраний членов общества для знакомства с докладами; организация лекций, курсов, экскурсий, проведение чтений и обсуждение сочинений и статей научного и литературного содержания; устройство экскурсий для учащихся и иных общественных мероприятий «для возбуждения в учащихся интереса и любви к изучению родной природы и истории»; устройство публичных чтений, концертов и спектаклей («для усиления своих денежных средств»); устройство «постоянных и летучих библиотек, кабинетов и коллекций наглядных пособий для научных и практических занятий своих членов»⁵⁵⁵.

Общество открывало свои двери всем «занимающимся и интересующимся педагогической деятельностью» лицам, которые могли стать действительными членами общества, уплатив обязательный ежегодный взнос в размере 2 руб. В почетные члены общества представители общественности избирались за определенные заслуги за «особенно полезное содействие успешному осуществлению целей Общества» или «значительное единовременное в пользу его пожертвование деньгами, вещами или имуществом», почетными членами общества становились выдающиеся педагоги регионального и общероссийского уровня. Управление делами общества и кассой взаимопомощи возлагалось уставом на выборное правление общества и общее собрание его членов.

Анализируемое общество в значительной степени было прообразом профсоюзной организации учителей. При обществе учреждалась касса взаимопомощи. Действительным членам общества полагалось вносить в кассу взаимопомощи ежемесячно не менее 2% с получаемого ими заработка. Это давало им право на возможное получение пособия.

⁵⁵¹ Зубков И.В. Общества взаимопомощи учителей в российской империи (1890–1910-е гг.) // Российская история. 2011. № 5. С. 45.

⁵⁵² Отчет общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных училищах Оренбургской губернии за 1905 г (одиннадцатый год). Оренбург. 1907. С. 122.

⁵⁵³ Отчет директора народных училищ Оренбургской губернии о занятиях на съезде учителей и учительниц начальных училищ. Оренбург, 1878. С. II–III.

⁵⁵⁴ Устав общества учащихся Верхотурского уезда Пермской губернии. Нижний Тагил, 1917. С. 1–2.

⁵⁵⁵ Там же. С. 2–3.

Показательно, что в «Уставе общества учащихся Верхотурского уезда Пермской губернии» был пункт «Права Общества учащихся», который, правда, включал всего две статьи: право печатать свои годовые отчеты и педагогические труды» и приобретать недвижимое имущество «путем дара, по завещанию и покупкой», а также «совершать на то купчие крепости и запродажные записи»⁵⁵⁶.

Необходимость интеграции со временем все отчетливее осознавали учителя не только низших, но и средних учебных заведений, открывая совместные общества взаимопомощи. Совместными силами было создано Челябинское педагогическое общество взаимопомощи. Его появление совпало с политическими переменами в стране. 12 марта 1917 г. состоялось организационное собрание Общества «при наличии громадного большинства учащихся г. Челябинска». Активисты успешно вели работу по консолидации учителей. Общество было переименовано и называлось в дальнейшем «Педагогическим обществом». В начале апреля 1917 г. общество начало свою деятельность с целью «материальной и духовной взаимопомощи членов Общества и культурно-просветительной работы». Его членами могли быть «учащие и учившие во всех учебных заведениях г. Челябинска и его уезда, а также местные деятели по школьному и внешкольному образованию». Наряду с другими задачами, перечисленными в уставе, общество предполагало: «Заботиться об организации курсов, чтений, докладов и рефератов общеобразовательного и специального характера»; «устраивать библиотеки, музеи, читальни, учебные заведения, физические и химические кабинеты, лаборатории, выставки, книжные склады и их филиальные отделения»; «организовывать экскурсии, путешествия»; «отправлять своих членов для приобретения книг, журналов, газет, печатать и издавать книги, брошюры, периодические издания и учебные пособия»; «заботиться о расширении общего и специального образования членов Общества, организовывать секции, комиссии, попечительства для разработки вопросов своего ведения и вообще заботиться об установлении научно обоснованных взглядов на дело народного образования – дошкольного, школьного и внешкольного». На базе этого общества в дальнейшем был образован профсоюз учителей – «Челябинский профсоюз деятелей по народному образованию»⁵⁵⁷. Этот пример и история других обществ взаимопомощи учителей, которые являлись прообразами профессиональных общественных организаций, являются индикаторами усиления процессов профессионализации в Уральском регионе в начале XX в. Их деятельность была направлена на повышение уровня профессиональной и общекультурной подготовки учителя.

Рассмотренный материал позволяет заключить, что в имперский период профессиональные сообщества занимали особую нишу в социальном пространстве уральского региона. В ходе индустриализации значительно росла потребность Урала в технических специалистах, что накладывало свой отпечаток на особенности профессионализации в этом регионе. В целом же спектр профессиональных обществ отличался широтой. Они отстаивали интересы различных профессиональных групп (приказчиков, торговых служащих, ремесленников, учителей, медицинских работников, горных техников, юристов, рабочих), содействовали повышению профессиональной культуры граждан. Показательно, что не только общества взаимопомощи, созданные интеллигенцией, но и большинство профессиональных обществ, сформированных представителями других социальных слоев, ставило перед собой задачи повышения культурного уровня своих членов. Наряду с оказанием материальной помощи они активно содействовали развитию новых форм общественного досуга, повышению грамотности и распространению специальных знаний. Можно видеть, что принадлежность к профессиональной общественной организации становилась мощным средством социальной идентификации отдельных профессиональных групп. Профессиональные общественные организации, пройдя путь от обществ взаимопомощи до профессиональных союзов, представляли собой инструментальную модель общественной организации, но с некоторыми экспрессивными функциями, способствуя удовлетворению социальных потребностей своих членов, укреплению чувства взаимной поддержки и взаимопомощи, удовлетворению стремления к профессиональному и шире социальному одобрению, росту уважения и доверия по отношению друг к другу, расширению профессионального кругозора. В начале XX в. профессиональные общества стали играть заметную политическую роль в общественной жизни Урала.

⁵⁵⁶ Там же. С. 1–13.

⁵⁵⁷ Боже В.С. Школьный мир дореволюционного Челябинска. Т. 2: Справочные материалы. Челябинск, 2006. С. 272–283.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ*

В процессе исследования основных аспектов процесса профессионализации на Урале было установлено, что вторую половину XIX – начало XX в. можно рассматривать как достаточно автономный, особый исторический этап профессионализации в регионе, который сопровождался подъемом профессионального образования с соответствующей трансформацией знания в социальный престиж, формированием идеологий профессиональных групп, их публичных образов с акцентом на профессиональную этику, созданием профессиональных организаций.

Процессы профессионализация в уральском регионе находили выражение в профессионализации различных видов деятельности, в развитии профессиональных идентичностей, профессиональной самоорганизации, распространении научных знаний и культуры в обществе.

Важным фактором ускорения процессов профессионализации в российском обществе стало развитие специального образования. Вопрос об организации систематической подготовки персонала для промышленной и коммерческой деятельности встал перед правительством страны во второй половине XIX в. в связи с усложнением технических и технологических процессов развивавшегося производства. Потребности социально-экономического развития потребовали от модернизовавшегося государства значительных финансовых вливаний в сферу профессионального образования и распространения его на широкие слои не только технических руководителей производства, но и рядовых рабочих. Опыт решения этой проблемы чиновники изучали во время специальных командировок в западные страны и при участии в международных конгрессах.

Заметным явлением культурной жизни страны конца XIX в., в том числе и для уральских губерний, стали всероссийские съезды деятелей по техническому и профессиональному образованию. К 1917 г. Урал имел уже вполне развитый багаж профессионального образования, что являлось одним из аспектов ускорявшихся процессов профессионализации общества. Во второй половине XIX в. в крае произошла структурная дифференциация образования, выделились специализированные формы подготовки по разным профессиональным видам деятельности. Помимо традиционных для Урала горных и военных учебных заведений, здесь появились сельскохозяйственные, медицинские, коммерческие, лесные, механико-технические, художественно-промышленные школы. Общество осознало необходимость создания на Урале собственного высшего технического учебного заведения, которое должно было не только дать высококвалифицированные кадры, но и стать «умственным центром» научно-технической работы края, средоточием местной научно-технической мысли. Формирование новых норм научно обоснованной технической деятельности стало одним из признаков происходившего перехода общества от полупатриархального к модерному.

Рассмотрены три профессиональные группы: городских учителей, горных инженеров, связистов. Анализ городского учительства (на примере Пермской губернии конца XIX – начала XX в.) позволил сделать вывод о том, что оно сложилось в особую профессиональную группу, в облике которой тесно переплелись общероссийские тенденции и региональная специфика Урала. В изучаемый период повышался образовательный уровень городского учительства в целом по сравнению с началом XIX в., но при этом сохранялось различие в образовательном уровне учи-

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01625).

телей начальной и средней школы, педагогов-мужчин и педагогов-женщин. Выявлена неоднородность профессиональной группы городского учительства, которая существенно зависела от типа учебного заведения (среднего или начального). При этом установлено, что неоднородность и достаточная социальная защищенность городского учительства обусловили невысокий уровень его социально-политической активности по сравнению с профессиональной группой народного учительства. Городскому учительству в большей степени была присуща просветительская активность.

Установлено, что следствием малочисленности инженерных кадров в уральской промышленности было их использованию почти исключительно на командных должностях и выполнении при этом широкого круга технических обязанностей, что не способствовало росту специализации в данном сегменте профессиональной деятельности. Определенные сдвиги в данной области, свидетельствующие о зарождении специализации и кооперации инженерного труда, отмечаются лишь на рубеже XIX–XX вв. При этом карьера и материальное положение горных инженеров зависели в большей степени от занимаемой должности, а не от эффективности инженерного труда. Выявлена социальная неоднородность профессиональной группы, в которой выделялся высший (горная администрация уральского управления во главе с главным начальником, горные начальники, управляющие и их помощники в крупных горнозаводских округах); средний (управители и их помощники на отдельных заводах) и низший слой (рядовые и начинающие инженеры).

Становление профессиональной категории связистов рассмотрено на фоне формирования системы электросвязи в крае, которое пришлось как раз на пореформенный период. Анализ трудовой мотивации и условий труда в учреждениях связи показал, что власти смогли создать достаточно эффективную систему взаимодействия различных стимулов для организации стабильного процесса передачи информации. При этом связисты реально ощущали свою принадлежность к профессиональной группе, нацеленной на выполнение высокой миссии: соединения протяженных территорий страны во времени и пространстве. Это порождало в их сознании повышенное чувство гражданского долга, особую корпоративную гордость и ментальность.

Проанализирована деятельность профессиональных общественных организаций, направленная на поддержание или изменение места профессиональных групп в социальной иерархии, способствующая профессиональной идентификации и формированию профессиональных субкультур. Профессиональные общества отстаивали интересы различных профессиональных групп (приказчиков, торговых служащих, ремесленников, учителей, медицинских работников, горных техников, юристов, рабочих), содействовали повышению профессиональной культуры граждан. Показательно, что не только общества взаимопомощи, созданные интеллигенцией, но и большинство профессиональных обществ, сформированных представителями других социальных слоев, ставили перед собой задачи повышения культурного уровня своих членов; активно содействовали развитию новых форм общественного досуга, повышению грамотности и распространению специальных знаний. Доказывается, что принадлежность к профессиональной общественной организации становилась мощным средством социальной идентификации отдельных профессиональных групп. При этом осознание недостаточности возможностей государства в решении множества проблем обусловило заинтересованность властных структур в дальнейшем распространении общественных организаций.

Научное издание

**ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ГРУППЫ И ОБЩЕСТВА
КАК АКТОРЫ РОССИЙСКОЙ ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
(на материалах Урала второй половины XIX – начала XX в.)**

Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук

Технический редактор Я.С. Недвига

Подписано в печать 06.12.2016 г.
Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,33. Уч.-изд. л. 14,57. Тираж 500 экз.

Банк культурной информации:
620100, Екатеринбург, п/о 100, а./я. 855.
E-mail: ukbkin@gmail.com

